

ДМИТРИЙ БЛИЗНЮК СБОРЩИК МОЛЛЮСКОВ

International

Literary

таблицы

K R E
S C H A

T I K

Дмитрий
БЛИЗНЮК

СБОРЩИК
МОЛЛЮСКОВ

БИБЛИОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗИЯ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДІВІР
ОЛЕГА ОЗЕРОВА

**Дмитрий
БЛИЗНЮК**

**СБОРЩИК
МОЛЛЮСКОВ**

**Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2025**

УДК 821.161.1'06(477)-14
Б 69

СЕРІЯ «Бібліотека “КРЕЩАТИКА”»
Заснована у 2023 році

Близнюк Д.

Б 69 Сборщик моллюсков / Д. Близнюк — Друкарський двір
Олега Федорова, Київ, 2025 — 184 с.

ISBN 978-617-8477-69-1

В книгу «Сборщик моллюсков» вошли избранные, лучшие стихи/
верлибры украинского поэта Дмитрия Близнюка, написанные им за
период с 2012 по 2021 годы.

УДК 821.161.1'06(477)-14

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК)
ISBN 978-617-8477-69-1

© Близнюк Д., 2025
© Федоров О.М., видавець, Київ 2025

СЕМЬ ЖИЗНЕЙ

ты кошка — семь жизней растрачены на чепуху,
на стирку и готовку, на варку и уборку,
на боевую раскраску лица и тела,
на чуткий сон у колыбели.
мне осталось тебя так мало.
налить тебе лунного молока?
я читаю тебя, как юношеские записки Шерлока,
как шпаргалки на девичьих коленях.
мне от тебя осталась шагреновая кожа,
и она с каждым годом всё меньше и тоньше,
но я не могу не желать, не стремиться.
мелкое перышко торчит из подушки,
будто лыжня из снежного спуска.
за окном блестит карамельная луна,
и я смотрю на тебя сквозь годы,
сквозь густой снегопад:
ты улыбаешься, и твои губы
кажутся запачканными кефиром
в наплыве падающих снежинок.

* * *

тьма сгущалась наискосок,
будто кто-то играл каприччио Паганини на скрипке
без струн, без лакированных хрящей,
без рук и без смычка —
на одном вибрирующем сгустке теней.
и хотелось подойти к раскрытому окну
и выхватить голыми руками кусок синего неба,
ослепительного, остывающего.
антивечер.
антимотылек летит на свет антисвечи,
в комнатах всё вывернуто наизнанку:
вывернуты зеркала — внутренности зеркального карпа.
шторы, будто кони,

пьют светящуюся пыль у сонного водопоя,
и так тихо, что скулящий звук телевизора этажом ниже
просачивается сквозь тишину — звуковой кровью
сквозь бетонные распаренные бинты.

* * *

кто-то ходит внутри слова «осень»
на высоких красных каблуках —
этажом выше, пониманием выше.
останавливается возле окна, отодвигает штору
и любит исподтишка, глядя,
как загорелые всадники листопада
гарцуют и становятся на расклеванные золотые дыбы.
а ива возле фонарного столба совсем потеряла себя
и горюет, свесив безалаберную голову,
пускает зеленые слюни на муравьев.
и так до самого позднего вечера, а потом
появится тонкая, что твое веко, луна:
учительница с родимым пятном на лице
ведет толпу звезд-второклашек
на экскурсию в город ночной.

* * *

мы юность ели с ножа.
эти ночные рыбалки, свидания под луной,
и ты, лопухий герой,
обжигаясь обнаженной девичьей плотью,
как горячей ухой.
лунные мальки беснуются в распущенных волосах,
стог сена скрипит и мерцает,
синеют на грядках капустыны, жабьи жемчужины.
сердца — две вишни — срослись боками
клейкими, лиловыми, с гнильцой взросления.
о Господи, верни вдохновение,
синий мир на соломенных слонах.

городок в буйных садах,
и яблочным укусом пахнет летняя кухня —
застекленный парусник,
комариные укусы, река, река, река.
лета солнечная гильотина
облизывается золотыми лезвиями, и вы —
фигурки
из коричневой сахарной глины
над бездной голубой —
учитесь писать телом и душой,
как первоклашки — шариковой ручкой,
простые слова:
люблю, друг, прости, навсегда, никогда,
да пошла ты на.

пока ты молодой —
микрофон тишины включен,
выход свободный — иди и неси всякую чушь.
но ты меня не слушаешь.
юность, я чувствую твой взгляд:
оранжево-красную точку
лазерного прицела.

* * *

любимая, дай мне таблетку
анальгина; туман туго обмотал
треугольные головы горам,
точно влажными полотенцами,
легчайшая боль неба, мелкая, незаметная,
как подъязычная кость колибри,
и виноградники разлаписто тянутся
по каркасам и шиферным заборам
карликовыми истощенными драконами
(больны осенним рахитом) —
усыпаны сладкими пыльными ягодами.
и грузчики, кряхтя и потея,
уже вносят в прозрачные чертоги воздуха

трехметровые портреты осени, забрызганные
грязью, глиной, грибными спорами,
а осень в кровавых от ягод ботфортах
с нами-статуэтками на ладонях
позирует возле ржавого лимузина
с выбитыми стеклами.

* * *

осеннее пасмурное утро.
фонари, точно жирафы, тихо бродят в тумане,
косые сгустки теней вздрагивают
за деревьями — это плотва прошедшей ночи
запуталась в водорослях во время отлива.
пахнет паленым войлоком и подгнившими сливами;
осень тонкокостная дрожит, будто жеребенок-рахит
с гнутыми ножками-ветвями.
старушка тащит тележку с яблоками.
иные листья еще рдеют — цвета желчи с кровью.
внезапно срывается мелкий дождь,
сотни призраков трут мокрые ветки ладонями,
добывая туман.
две студентки укрылись от измороси в беседке:
курят, бережно кормят друг друга кусочками шоколада,
словно птицы окающих птенцов — червячками,
лишь бы не размазать на губах помаду.
а захмелевший дворник Ефим грустит у подъезда,
скачает по отчему яблоневому саду;
но не пройдет и месяца, как явится чистокровная зима,
и глянешь — с утра уже снегопад бредет за окном,
точно чистокровный сказочный единорог,
и его жалят белые слепни,
а он нервно отмахивается поземкой-хвостом.

* * *

ветка легонько бьется в окно.
равномерное постукивание вязальных спиц.

звуки сливаются в оглушительное волшебство тишины.
тишина на фоне мелкого шума,
как девушка, что вышла из моря —
она по-русалочьи ловко отряхивает волосы,
выжимает их и кладет себе на плечо, как солдат мушкет.
и я беру девушку за руку (доверчивая и нежная)
и иду вместе с ней по парку, усыпанному звуками
(шапка Мономаха тишины утопает
в драгоценных камнях).
монета падает на асфальт,
воздух царапает чирх зажженной спички,
и где-то вдалеке позвякивают кастаньеты трамвая.
слепой человек на скамейке причмокивает губами.
его глаза-улитки ввалились внутрь, а рядом с ним
терпеливо сидит женщина, прямая и плоская,
как дева на иконе, и держит его за руку.
и сосны неподвижны в небесах, точно скалы. так тихо,
что слышен скрип крошечных челюстей белок на соснах.
тишина — это дорога из другого мира.
фундаментальная стезя богов, проложенная через
музицирующий бедлам человечества.
в тишине мы зрим вечную сюрреальную толчею
и шествие слоновьих идей, образов, призраков.
отодвинь бахромчатую ковбойскую завесу ноября
и прислушайся к тишине.
это всё, что останется от тебя.

* * *

внутри собора
голоса наши взмывали ввысь —
раненные соколы лица.
и еще долго кружили,
стукаясь крыльями о фрески,
и свечи горели — восковые девушки намыливали волосы

огненным шампунем и
грех крепко сидел во мне, как сирота.
как гвоздь вбитый в яблоню.

* * *

прошедший дождь, прошедший
покрыл мир глазурью.
и ворон, балуясь, хватается капли, падающие с крыши
точно рыбку, падающую с неба.
ему весело, он отходит,
эмоционально взмахивает крыльями.
черный как уголь ворон
красиво сияет радостью
и снова бросается к каплям, а капли
уже выдолбили в земле
лунки по форме будущей флейты.

* * *

тень винограда на шиферном заборе
изображает китайского дракона
с усами как у сома.
дочка смеется, я смотрю на ее тень с косичками:
тень двойная, полупрозрачная, как крыло стрекозы.
растет с каждым днем,
растет с каждым днем.
я — как гора, которая растит свою Магометку.
однажды она вырастет и уйдет от меня,
останется только тень стрекозы,
тень винограда.

* * *

сосна в лунном свете светится как маяк.
горизонт похож на мертвую лошадь —
в фиолетовой пыли лежит среди

бутылочных осколков, огней, пористых буханок домин.
гранитный памятник поэту —
точно пловец, посаженный на цепь.
уже лет семьдесят он прыгает с тумбы в небо,
но все не может перегрызть тяготение земли.
а звезды свободно висят над ним
вниз головами —
стотонные мраморные статуи
едва приклеены ступнями
к черно-синему стеклянному потолку.
почему они не падают?
почему ты не спишь?
ты читаешь стихи — заклинания для никого.
и звезда начинает танцевать по кругу,
как медленное сверло.

* * *

дни выпадают из жизни как птенцы из гнезда —
большеголовые, сонные
хряскаются об асфальт.
мутная пленка мерцает в черных глазах.
из повседневного — новые книги да тебя обнять.
еще при жизни мы становимся прозрачными,
как медузы.
пригоршни бриллиантов, выброшенные в Ниагару.
сейчас я — незавершенный второй том.
и скоро явится Гоголь.

* * *

бессонница.
чувство нетопыря, летящего над стройкой.
зеленый луч звезды
отодвигает шторы —
переворачивает спящую женщину рядом со мной,
будто сохнущую лодку на ночном берегу,

и отражается в ней, заполняет ее
темной фосфоресцирующей влагой.
женщина облизывает сухие губы во сне
и начинает быстро говорить,
глота слова как выдра,
как вырванная страница в пламени.

* * *

так лиса на воротнике пальто
чувствует белое горло:
родинка, бьется синяя жилка. что за мука и сладость
быть рядом с мечтой. вот-вот.
пусть пусты глазницы
и рыжая пасть мягка и шершава, как обувная стелька,
а сгнившие на две трети уши
ничего не слышат.
но запах шеи, артерии.
как арфа — всего одну музыкальную жилу перегрызть,
всего одну жизнь пережить.
все мои несбывшиеся мечты — черные лисицы —
бродят вокруг большого дома с молочными колоннами,
становятся на задние лапы
и заглядывают в окна веранды, шевелят ноздрями.
птенчик, выходи.

* * *

если честно, не люблю писать —
верлибры, стихи, прозу, —
но люблю одну женщину. однажды Господь
дал поддержать ее за талию — бокал с плотью,
обнять, заполнить семенем, мечтами,
галлюцинирующей пустотой,
а потом превратил в вибрирующую, ломкую,
скульптуру из бабочек, щелкнул пальцами — фокл! —
и она разлетелась по миру узорным маревом.

а я только рот раззявил — небритый птенец,
теперь в каждой женщине, с которой я мужчина,
узнаю узоры горячих крыльев.
но эротическая радость узнавания
сменяется разочарованием,
в каждом стихотворении я хочу невыхотимое.
если бы я мог с ней остаться сейчас и навсегда,
я бы и слова не написал больше. никогда.
сжег бы все рукописи, а они горят, чадят —
подожженные нефтяные скважины
с черными заваливающимися хвостами.
но не смог раствориться в ее душе и теле —
будто айфон в желудке пойманной акулы.
застыл лопухим истуканом,
а вокруг меня порхают — бабочки-в-животах?
нет — она, она, она. но ее у меня нет
и больше никогда не будет.

это шершаво-кошмарное «никогда» — шикарное слово,
точно пиджак из вороньих перьев.
надеваешь его на голое тело ранним утром — и жуть.
и посему я возьму от поэзии все, что захочу.
поздно или рано.
вот почему я поэт.

* * *

туман, как чай с молоком —
аккуратно налит в листовное блюдце сада;
тишина — прозрачная пятнистая кошка —
осторожно берет мое сознание за холку и приносит к ней,
в частный домик с распахнутым окном.
она не спит, смотрит телик,
по её лицу-планете
гуляет сиреневый космический ветер.
даже в полутьме я вижу веснушки на щеках и лбу,
будто больной осетр швырнул ей в лицо

жменю бледно-коричневых икринок:
«на, вынянчишь на солнце, а мне не выжить.»
а туман — дымчатый пес беспамятства — увязался за мной,
этот вечерний мир — чернильный кефир —
пей его глазами, ушами, затылком. пока он свеж.
и никто не заметил, как наступила ночь. но я разглядел ее.
и луна — волнистая, с неровными краями,
плавник оранжевой рыбки;
почему она не хотела исполнить моё желание? почему
я так любил зарываться в её волосы,
как вор в стог сена?
почему здесь туманы так вкусны — чай с молоком,
и девушка-осетр с зелеными глазами.

УРАН В 38

как прекрасен ее пупок.
такие изящные выемки находишь в свечах
или на стволах вишен — место, где обнажилась кость,
отмерла старая ветвь или передумала родиться новая.
узкие джинсы — когда развешивает их на стуле —
похожи на картонные цилиндры внутри рулонов.
босоножки на высоких каблуках —
жилистые царицы-скорпионши
с выводком жал, выкрашенных черно-алым.
и главное — глаза. глаза. там всегда
мреют и плывут зеленые рассветы
инопланетные,
или угасают янтарные закаты
безлюдные.
таинственная планета, и жизни — разумной, хищной —
на ней нет,
или она ловко прячется от меня
за границами век, за туманами и озерами.
иногда промелькнет пятнистый как леопард монстр страсти,
точно перед объективом дискавери,
но отвлекают пыльно-шелковые облака,

темное пульсирующее солнце.
ее красота отзывчива и тепла — будто трон с подогревом
или электрический стул
с подушечкой от геморроя.
заботливая красавица,
не трепанированная зубчатой самовлюбленностью, —
это редкость: так бриллиант в кольце
искренне переживает, если ты порезался
во время бритья. кто же ее создал,
подарил мне?
все вещи в доме пахнут ароматным уютом,
и даже гладильная доска — близорукий птенец птеродактиля —
смотрит на меня великодушно.
а почему бы и нет?
во мне скопилось так много любви — точно радия в закромах
миролюбивого диктатора.
пора уже устроить небольшой термоядерный взрыв
семейного счастья.

* * *

ты лежишь в гамаке
под сенью двух витражных соборов,
небо сыплется голубыми квадратами пепла;
всем загорелым телом ты фантазирует себя
лакированным детенышем виолончели:
вот здесь и здесь пройдут красные нервы,
пролягут тугие струны;
а тени ветвей задумчивыми пальцами
перебирают твое меняющееся в светотени лицо,
змеящиеся локоны.
и в глазах пульсируют серые миндалины неба,
нечто недоброе, инопланетное рвется наружу.
так противоположная мина в лесу — со времен второй мировой —
устала лежать, ржаветь годами в сырой земле,
под густой травой. и ждать шагов,
его шагов.

ты устала ждать любви. оттолкнувшись ногой
от ствола яблони (сняла босоножки),
раскачиваешь небо целиком — тушу синего быка
на солнечном вертеле,
а тени листвы шаманят над твоим лицом,
так дети изображают чародеев, гаррипотеров, колдунов —
сетчатая магия тишины и серые глаза
замедленного действия.

* * *

прямо по курсу — незнакомая планета
в летнем голубом платье.
тонирующая статуя в бумаге.
ее серые глаза:
она впустила мой взгляд в серые пещеры,
а я, сам не ожидая, ворвался в них
трепещущей стаей нетопырей;
этот миг вобрал в себя невозможное —
я выиграл в лотерею разводных мостов,
летающая пуля
зависла перед над головой
и спросила:
«можно?»

ЗОМБИЛЕНД

птицы улетают на юг,
и клинья в небе размотаны, как черные хвосты
нефтяных подожженных вышек.
заросли тростника дрожат под ветром.
саблезубые блики льются на реке —
встревоженная пума
вечера
угодила в лужу нефти
и вылизывает шерсть красным языком заката.
чихает сполохом.

натужно кричит селезнем.
бензиново-зеленым опереньем.

какое-то незавершенное совершенство сквозит
во дне уходящем, гаснущем,
как включенный фонарь в лодке, идущей ко дну.
а небо тошнит
заводскими монструозными трубами:
эпоха переела, перепила
технического прогресса.
мрачно звучит сигнал для ночной смены.
и шоссе — грязная соломинка,
вставленная в зад неоновой лягушки-города, —
гоняет машины — пузырьки
металлической слюны.

тихо гудит
переплетение металлических балок
на старом мосте — ржавые вены и сухожилия.
вот она — мумия коммунизма,
обезвоженная, как сушеная вобла.
и небо низко нависает надо мной, как полка
с гипсовыми бюстами Гоголя, Фета, Толстого.
это не облака — это классика
переезжает на рельсах мороси в вагонах ночных,
и я раскачиваюсь, вишу на волоске,
как тяжелый гаечный ключ 75 на 85
над спящей красавицей в темном стеклянном гробу —
грязном, исцарапанном,
с наклейками почты: осторо.

а ветер, как блендер, хочет все смешать:
реки, заводы, города, меня.
и лассо горизонта перетягивает горло
звездному мустангу.
боже, как же я люблю эти пейзажи захиренья.
рахитичных ангелов запустения.

посттехнический зомби-стайл.
эпоха, как наркоман, тоннами пожирала
уголь, сталь и нефть.
вдруг проснулась больной и немощной,
обворованной до нитки.
время и магия индустриализации прошло.
зато осталось мое наслаждение — радость ребенка,
бродящего по свалке в поисках чудес.

вот ржавая банка и вмятый рисунок:
альпинист карабкается на скалу,
как микроб кариеса
на вершину зуба.
это удивление души
выпроставляет тонкие щупальца из глаз моих.
это кайф разломанных пейзажей, мусорных курганов,
брошенных домов.
это творчество разрушения,
разложение крупных вещей, идей,
и чудовищ эпохи.

* * *

вагон метро качается, как метроном кошмара.
берлинская стена из лиц и искривленных взглядов.
вот базальтовая женщина в очках.
что ей сегодня снилось?
от этого зависит судьба целой планеты.
неужели она третья лишняя в самодостаточном мире?
посторонняя насквозь, с мигренью и страстью
к белому шоколаду?
жизнь непоправимо стареет и теряет каштаны.
у Вселенной опускаются руки с фломастерами —
все миллиарды, всё летит к черту в тартарары!
неужели в спектр радуги не входит цвет
ее карих настороженных глаз? кто-то выдрал
провод из кабеля человечества — авось никто не заметит.

я смотрю на нее и чувствую:
что-то в мире идет не так. логика эгоиста мечет бисер,
но я не свинья разумная — бери выше!
она — один из каратов алмаза, смысла моей жизни.
без нее вчерашний день развалится на куски,
как халабуда бродяги под ливнем. без нее
строки растекутся растаявшим мороженым.
а она по-носорожьи прямо смотрит в меня,
инстинктивно прижимает сумку к бедру,
где кошелек и ключи от дома. от иного мира.
и вся планета безнадежно кишит бабочками Брэдбери,
полыхает людьми Брэдбери, как в немом кино.
и лик мира меняется ежечасно,
ежеминутно,
ежесекундно,
точно его нещадно бьют током,
танком,
танку.

* * *

да, люблю я осень. люблю я писать про это лисье,
трагическое, разбойничье нагромождение гениев.
из каждой лужи сквозит зазеркалье,
как последние капли во флаконе «Poison».
наглые белки в парках,
словно вертикальные рыжие ящерицы,
отбрасывают пушистые хвосты
и собираются в назлектризованные стаи,
а потом набрасываются на прохожих,
не знающих «очей очарованья».
с деревьев опадают не листья, а стихи, не написанные
миллионами несостоявшихся поэтов. кто им Гомер?
сколько этих матовых булек разнеслось по поверхности?
осень как восемь,
только со сточенным клювом. ближе к семи
над площадью и вождем сгущается рыба стальная синева.

вот универ, и скрипач, как снайпер с прицелом в Листа,
пересчитывает мелкие деньги в коробке из-под пиццы.
но где же герой нашего времени?
выйди за разум и жди. он придет вечером,
пропахший октябрём, кострами и псиной,
на высоком коне, состоящем из Есенина,
святой печени и пятен родимых.
будет много музыки. страшной музыки. Бах. он сдирает кожу
с твоей души, как со спелого персика.
а мы поставим капельницы
с настоящим кагором и лёгкой мелкокалиберной грустью.
или томлянку из листьев.

* * *

с утра всё небо заполонил Микеланджело облаков,
и в мраморной глыбе созревающего дождя
легко разглядеть зёрна будущих статуй Давидов
или асбестовых девушек с винтажными зонтами птиц.
я иду домой по переулку Чёрной Кошки (привет Николо!),
иду по времени, как паук по чужой паутине.
по автомобильной дороге рассыпан песок —
пятнами, пятнами, отпечатками от больших лап —
это крался зверь песочных часов, похожий на коричневую рысь
с лапами-конусами. и душа замирает.
ты чувствуешь, сейчас произойдёт небольшое чудо.
из-за угла выбегают три девочки, друг за другом,
все разного роста и возраста от большего к меньшему.
это линейка развития «девочки разумной» в картинках —
от неуклюжей обезьянки с золотистыми кудрями
до наглой ехидной бестии с пластинами на зубах.
и это чудо длится меньше мгновения.
мгновенья — ограда из зубов (привет Гомеру!).
но лучистое нечто успевает
протиснуться из одного мира в другой, перебежать
из вагона в вагон электрички напротив.
так истина сбегает из одной реальности в другую,

а принцесса, накинув мастерку «Пума», спешит
со скучного бала на пиратский фрегат
«Летучий Сентябрь».

* * *

есть сорт темноты,
похожий на шоколадное мороженое.
ты его жадно глотаешь. тьма сладко тает в глазах.
а в это время любимая разлеглась на твоей груди —
пантерой на могучей ветке парадиза —
и мурлычет легчайшую чепуху,
переваривает ужин любви при свечах
с красной нежностью задранной косули.
есть тьма, которая мне интересней света:
в ней плавают образы, словно
эритроциты в темной крови Бога.
вот вальсирует цветная тьма нерожденных образов;
вот они, еще мягкие скрипки и смычки,
еще без костного мозга и роговой оправы,
замотаны в коконы сюрреальных нитей.
и под твоими ногами — осторожней! —
бесстрашно гуляют карликовые смерчи фантазии,
каждый размером с детскую юлу.
будь с ними аккуратней — можно вывихнуть палец
или повредить пизанскую башенку мозга,
если попробуешь схватить образ
голыми руками-словами.

и ты видишь, что это не горы с белыми вершинами,
а девушка-зима в вязаной шапочке — необъятная,
с заснеженными грудями —
задумчиво смотрит на солнце,
перебирает альпинистов, точно растянутые четки,
и медленно накручивает спускающихся лыжников.
накручивает их на пряди белых волос,
на длинные чешуйчатые пальцы сосен.

ФОНТАН ТРЕВИ

любопытно посмотреть на себя
со стороны, с точки зрения смерти. в этом и есть
наша сила и слабость. мы бессмертны. пузырьки «я»
стремятся к поверхности времени, лопаюсь
и приклеиваясь к стенам, к сонетам,
к бурым водорослям.
мы патологически не умеем умирать.
и когда моя жизнь разлетится на тысячи замшевых «ч»
(«что?», «зачем?», «почему?»),
я, возможно, смогу наблюдать свои похороны
из твоей уютной души. и неловко брошу
сухой брикет земли на собственный гроб
твоей нежной рукой, ненаглядная N.
так мы бросали блестящие монеты в фонтан Треви,
чтобы вернуться. помнишь?
и как потом глубокой ночью
сонные уборщики водным пылесосом собирали
монеты со дна? вспомни это, чтобы вернуться однажды
жарким летним вечером в скромный отель
недалеко от Пьяцца-ди-Спанья.

* * *

выражай все, что можешь выразить.
бери прозу, кисти, кости — и вперед.
рукописи дрожат на сквозняке,
словно объятые невидимым пламенем.
запомни: нет ничего невыразимого в мире,
есть только отдаляющийся Бог
в стиле Майкла Джексона — лунной походкой;
и есть сто тысяч слов, чтобы настигнуть его,
но все это ты узнаешь в пути.
и кто же мог подумать еще миллион лет назад,

что вот эти сияющие ошибки во тьме
(похожие на трезубую вилку для рыбы)
когда-нибудь обретут очертания
созвездия Скорпиона?

* * *

я иду вдоль озера ранним утром:
тишина вокруг озера зеркальна и тяжела,
будто с небес свисают вогнутые пластины свинца
мерно раскачиваются на крюках воздуха.
и кто-то прячется в омуте отраженных кущей,
тонкие молодые берёзы тянутся в облака —
так и хочется подёргать за усы
громадного облитого синькой гепарда.
и чувствую, что Творец где-то рядом.
нагибаюсь и ерошу жесткие мокрые травы,
и нащупываю тонкий едва заметный шов —
рубец шириной в две-три мысли.
и чудится мне, что я впервые на этой планете,
а весь мир вокруг —
брошенный пациент после операции;
он дрожит в сером балахоне облаков,
он запутался в рваных бинтах синеватых берез,
едва держится на огненных ножках горизонта.
ухватился за стойку с капельницами,
и я помогаю ему идти, подставляю плечо.
всё будет хорошо, говорю. мы делаем шаг.
и я гляжу в его пустые, как осень, глаза.
всё будет отлично, друг. и улыбаюсь.
нельзя войти в один и тот же день дважды.
нельзя войти в одну и ту же жизнь дважды.
посмотри на это небо ясным взглядом
проснувшегося ребенка.
взгляни на мир, в великом отчаянии
опёршийся на твоё плечо.

* * *

здесь, в деревне, смерть проста, незамысловата,
и смотрится без макияжа.
так деревянная пластинка тарахтит — вся в сколах —
под иглой щербатого топора.
а этот ширококостный пень
(осторожней — смотрите под ноги!) —
незамысловатая гильотина для куриц.
в частых зарубках торчат перья и пух, последние
не выкуренные сигареты перед казнью,
письма, не отправленные родным.
и вокруг дома позируют осенние березы:
охапки веснушек подброшены в облака
и повисли там,
на вытянутом лошадином лице Октября.

* * *

ночной город; стебли
увядающего электричества
царапают мои щеки шипами.
я толкаю ночь —
толкаю с лёгкостью, как огромный необъятный колокол
чёрный, с вырванным языком,
подвешенный к небосводу за жёсткий хомут.
оглушительно звенит тишина — сработала
сигнализация Вселенной.
и бархатные подушки пусты —
ожерелья созвездий
украл город ночной.
грибницы спутниковых антенн
наливаются высокотехничным ядом.
это уже не город. это совсем другое.
гигантский гранат с ободранным боком.
сотни алых багровых ягод мерцают.
я силой мысли вмещаю в себя

сотни жизней. жмени. жмых.
Кинг-Конгом вырываю из окон семьи
связками, гроздьями, листками клевера.
растягиваю сознание на шпагат,
отдираю тончайшую кожицу
между мной и гипотетическим Богом.
вижу, как мигают жилки, капилляры,
нервные окончания сотен судеб.
мысль задерживает дыхание
и ныряет в медленно кипящую смолу
человечества.

—

я пишу стихотворение,
сосредотачиваюсь,
вытягиваюсь,
чтобы дотронуться
словами/образами
до незримого
Бога.
почувствуй меня,
заметь меня,
я не блоха.

* * *

береза с голой верхушкой:
пунктирная дива с накидкой из веточек,
с листвой желтой по правому краю,
и листья рассыпаны неравномерно.
листья не опали, а стекали с березы сквозь шелест
одной громадной витражной каплей
(холодец из свиной морды ветра).
и сейчас капля нависла над
безнадежно-красной «маздой»;
на еще теплом капоте сфинксом разлеглась кошка.
а выше на ветке висит с незапамятных времен оно
(жены джона леннона) прозрачный кулек.

и кулек уже наглотался атмосферных осадков
и болтается висельником дождя со вспученным глазом.
а мертвого голубя возле гаражей впечатали в асфальт
фундаментально, и только ветер колышет три пера:
это вздрагивает икебана-зомби
по старой памяти крыльев.
и далекий выводок строительных кранов
на фоне бледно-розового заката —
футуристические фламинго лакомятся килькой в масле
и людьми, возвращающимися с завода
через мост в безмятежной скуке вечера.
пейзажная обглоданная благодать.

* * *

полутьма скрывает изъяны наших душ;
на кухне исподволь закипает вечер,
как вишневый лак в кастрюле
для заливки покалеченных скрипок;
вот здесь запястья погрыз короед,
а выше дятел терзал предплечья клена;
выруби телевизор — бедлам из картона.
убавь же свет и просто наблюдай:
мир расширяется,
точно зрачок с зеленым абажуром
или волшебным подсвеченным аквариумом;
сиреневая полутьма — это то, что нам нужно,
чтобы душа смелее вышла из тела,
чтобы слова ступали тверже и наглее,
как Маугли, впервые увидевший вечерний город;
иногда и молчание — форма звука,
иногда и тьма — форма света,
и мы обвиваемся тишиной вокруг несказанных слов,
две сумеречных планеты;
обнимая тебя в сумерках, смываю с себя имя,
ценники, угловатые формулы на доске;
слишком много капканов на разумного зверя,

слишком много стеклянных будок внутри.
когда ночь тушит огоньки сознаний
в зеленовато-бронзовых канделябрах тел,
мы на несколько минут становимся такими,
какими нас Господь видеть хотел —
свободные острова без явно очерченных берегов
парят в сдвоенной полутьме неба и моря;
так невидимка свободен во время дождя.
это чувство накапливалось веками,
когда мы лежали в пещерах на завшивленных шкурах
и зубчатые отблески костра нас согревали —
сытых, сонных,
и в эти мгновения нечто посыпало нас солью —
на стеблях дыхания расцветала тишина —
цветы оранжевой тьмы.
это — власть теней и шепота,
когда отчетливо слышна музыка внутри вен и хрящей,
внутри поцелуев и лицевых костей.
это вишенки на мясном торте хищника;
и наши объятия — символ нечто большего,
чем инстинкт размножения/наслаждения.
так мангуст прислушивается к мелодии флейты,
текущей из приоткрытого окна.
и на миг забывает о змеях.

* * *

фонари проспекта
с двумя головами:
одна нависает над второй, как самец гадюки над самкой,
а люди внизу проходят сквозь
прозрачные мясорубки времени мельчайшие,
не замечают, как их крошат на морщины,
на пыль и седение.
тощие скукоженные ангелы старости
наполнены слабоумием, как розовым сиянием.
это — чувство угля, который швыряют в топку,

а там кубический джин огня
брыкается сотнями ног в чугунной колбе.
«бесссссмертие» —
если произнесешь вслух сто раз подряд,
услышишь
шум далекого прибоя.
это вечность бьется о берега
несуществующего моря головой,
как рыжий веснушчатый Наполеон в дурдоме.
это — эхо невозможного. желание золотой пробки
создать нечто сложное и прекрасное.
живую рыбку.
наградить сознанием, вместилищем эмоций,
чтобы понял однажды — ты умрешь. исчезнешь. но о чудо.
слепой котенок в ведре с водой не тонет,
он научился дышать под смертью.
вот-вот откроются его глаза.
но как же выбраться из ведра
Вселенной?
и длится осознание.
бснуется штрихованный дождь за окном.
неужели. неужели. неужели.

* * *

река любит мостом, лежа на спине,
как небо — Нотр Дам де Пари,
врожденное плоскостопие мысли, волны;
твой домик возле железнодорожных путей —
похож на енота с усами-проводами, а в глазах —
занавесочки и голубизна вечернего экрана.
а жизнь — как течение,
жизнь — как чтение на планшете в рабочее время:
все самое интересное приходится прятать от начальника,
откладывая на потом, наслаждаться исподтишка.
всюду торчат соглядатаи, надсмотрщики с песьими мордами,
доброжелательные палачи.

свобода — меч короля Артура;
ну вот, ты вырвал его из камня, едва не вывихнул запястье,
но что делать с королевской свободой?
съесть, выпить, поцеловать?
а рябина на лету тигром из оранжевых бусин
бросается сквозь огненное кольцо заката,
отраженного от стекла вагона:
нечто прячется между секундами —
это микробы наивысшей формы жизни.

* * *

цветением абрикосов,
как снежно-розовой плесенью,
забрызган квельй сад, дощатый борт.
это март — полусгнивший ковчег
с высотой мачт до третьего этажа —
ярую зиму пережил,
ощутил во рту кровь и грязь, талый снег,
подснежников нежные белые жилы
зубочисткой повыковыривал из окружных
дорог. на скорую руку прочертил углем
ватерлинию возвращающихся журавлей.

а китайские коты-коммунисты
уже с утра рьяно медитируют,
орут, раскачиваясь: «о великий Мао-о-оу.» —
и дальше, как по расписанию.
хомосапиенсы стягиваются в центр города,
сонными блошками перескакивают
на тело больного волчонка
во всем помете метрополитена.
весь город чадит в цивилизованном бреду:
маршрутки, улицы, рынки забиты людьми,
как минуты в аду — вихлястой хищной мелюзгой,
и я чувствую себя в мусорном ведре Пикассо,
квадратоидом, которому нет места
в акварельном замысле Творца.

пройдя свой день до середины,
с терпкой каплей смога в носоглотке
я возвращаюсь домой
списанный — не святой, не простой —
рябой, с отпиленным алюминиевым нимбом.
идет пересадка сердца, души, маршрута.
трамваи забиты ксерокопиями, как лохмотьями:
«их никто не разыскивает».
запутываюсь в недобрых глазах, точно в сетях,
чувствую, как тянутся из глубины веков
живые нити преступлений,
мерещатся розовые ноздри
подопытных кроликов по кличке Адам и Ева.

легкие толчки. скученность. суета.
в сознание впиваются осколки мыслей.
утомляют минуты ожидания —
слабоумные котята с гаджетами.
тает в мозгу свеча страдания,
и кондуктор вращает глазами, как хамелеон,
переползает вдоль переполненного вагона,
по стальным веткам, лианам жилистых рук,
свисает складками серая кожа,
а его длинные лапки цвета денег
могли бы принадлежать пианисту, хирургу,
карманнику, фокуснику.
так кому же, черт побери, выгодно
выращивать человечество?

* * *

в просторном, чистеньком классе самка учителя
щелкала фамилии на белой простыне потолка,
а дети пульсировали, подрагивали, как поплавки.
безнадежно живые глаза тихо выкрикивали поэмы детства —
потерянные одиссеи для человечества.
не было ни одного учителя, которого я любил,

класс не отторгал меня — я был частью карлика, толпы,
но чувствовал инородность — пуля, застрявшая в мышце,
осколок в складках жира.

прятал личность, как розу или нож,
и всегда ждал лета —

райские каникулы, медовый эдем, солнечная отмель
посреди страдающего ада.

а лето.

а лето — дождливое, быстрое, укороченное — спешило,
как кормящая кошка, услышавшая звук открываемого холо-
дильника,

и с сосцов соскальзывали дни-котятка —
июня, июля.

и становилось страшно, и я становился старше.

время ускорялось.

скоро в сутках будет 24 минуты, потом 24 секунды,
потом вдох и выдох,

и пятнистая гиена первого сентября прыгнет в объятия,
падаль циферблата.

на этой планете лучшие годы проводишь среди чудищ,
больных волшебников и великанов.

ФОТОГРАФИИ ОСТРОВОВ

ребенок не научился прятать разочарование.

а лес наполняется снегом, как вены холестерина,
наш домик в деревне — ковчег для четверых и всей свиты:
собака, кошка, нутрии, куры, теленок в закутке.

а лес наполняется снегом, как память — белым мокрым пеплом
прожитого, но почему же я ничего не могу разглядеть?

трактор чистит дорогу мощной клешней, фырчит, тарыхтит,
его электроглаза без век и ресниц дрожат, как у краба, на спицах.
зачем я приехал сюда — в холодную белизну — писать новый роман?
улитка с ноутбуком. здесь настоящая зима,

ее можно потрогать пальцем,
как спящего гризли, — аккуратно выломав лед

в закупоренной берлоге:

чувствуешь запах прели и мокрой псины, ягодное дыхание?
бессонный зверь, я вернулся к тебе,
жить с тобой в гудящем тепле, есть жареную картошку,
цедить сироп твоих золотых волос, просто так касаться тебя —
не ради похоти или продолжения рода,
и разбирать по утрам монотонный бубнеж вьюги.
я смотрю на зиму из твоего лица. все мы прячемся
за толщей стекол-одиночеств, смотрим в иллюминаторы,
и зимняя ночь проплывает мимо, и над нами

словно круизный лайнер:

там созвездия-миллионеры пьют квазарный сок
и щебечут непонятные фразы на языке черных дыр.
а лес наполняется нашими стеклянными трофеями, статуями,
милым бессмыслием. мельтешат белые хлопья,
но не твои ресницы — осмысленные жнецы с шелком,
серпами и сажей.
все эти воспоминания — фотографии островов.

на некоторых есть мы.

но мировая необитаемость сводит с ума, и я уже смотрю на мир
в прошедшем времени, как звезда, испустившая свет,
и свет вернулся к звезде, отраженный от будущей монолитной тьмы.
любимая, мы одни. и лисица кричит в лесу — так издает писк
наш старенький картридж на принтере.
распечатай же зимние вечера, где есть мы, наша семья,
пока зимний лес заполняет меня.
сколько же священной голодной пустоты
(снаружи и внутри),
готовой принять любой осмысленный хлам, звук, лик.

* * *

идем сквозь снегопад; вечер;
то ли улыбаюсь, то ли кривлюсь, плотная тишина
проступила, как белые вены в синем воздухе,
стеклянная кожа покрылась пупырышками,
и мягкий хруст твоих сапожек;
ты мне что-то говоришь —

(о проросшем луке, о пользе рыбьего жира),
а слова косо и глухо врезаются в снежное марево,
как бревна сплавляемого леса по ночной реке,
но я отдаю тебе скелетную часть головы с ухом,
как ручку от разбитой чаши — сам же слушаю снегопад,
заповеди снежинок: не люби, кружись, избегай
тепла. и тогда попадешь после весны в ледяной рай.
бррр. сколько же миров, которые мы никогда не поймем
и они не поймут нас. держимся за руки,
потертая медная бляха «влюбленность»,
сплющиваем пропасть между нами, а снегопад
киянкой тополей
забивает огни, электрические гвозди, золотых ежей —
в густую тьму, отороченную насыщенной синевой;
и движется снег с подветренной стороны на деревьях —
шевелият плавниками снежные русалки
на черных ветвистых стволах,
но они счастливы! Господи,
сколько же вокруг снежинок, снаружи, и на ребрах, внутри;
мы — полубоги — идем сквозь рваные сети зимы,
а сумасшедший разбрасывает почтовые марки
с сенбернарами, как конфетти.

* * *

ну, здравствуй грозный, тихий океан.
страшная темная колыбель с глубиной.
через тебя редкий мессия пройдет по волнам,
не потеряв веры в себя, не свихнувшись синевой,
здравствуй, праотец.
рад, что нас разделяют прыжки эволюции,
всматриваюсь в серо-сизо-зеленые, косо нарезанные хляби,
во иссиня-полупрозрачные внутренности чудища,
вывернутые наружу.
лакричные серфингисты на досках
копошатся в крученых волнах, как блохи, их не звали,
дрожат новенькие яхты, точно зонтики для коктейлей,

но шутник-бармен приколот их к оцинкованному ведру с треской,
вот смуглая Ева выходит из волн, истекает океаном,
так новорожденный оборотень женщины
сверкает жидким серебром.
вчерашний шторм
выплюнул на берег бронхи, вязанки хрустала с водорослями,
и наши гладкие следы на песке тают
как пещерная живопись на стенах
после дорогой шпаклевки.

рыбная лавка, илистая вонь, серебристые оплеухи,
выхолощенный шум вентилятора, рыбы морды
с хищными бульдожьими челюстями.
глаза щук и пегасов — игрушечные,
точно выковырянные из хорошеньких кукол.
а вздорные рыбы губы — силиконовые эскизы в салоне красоты.
как Колумб, открывающий Багамы,
я открываю смерть для себя — исподволь.
остров за островом. неведомая, зыбкая земля.
мухи шаманскими движениями
сводят с ума по спиралям,
царит полуденный зной — золотой мускулистый полубог
с головой петуха.
торговка в резиновом фартуке, из глаз сочиться, как смола,
ночная тьма, прочные сети при лунном свете
прорезают зеленую кожу русалок до хрящей.
торговка следит за мной.
морские загорелые демоны на кожаных ремешках
тащат в корзинах утренний улов, о если
швырнуть мою душу как морского конька и взвесить
на разболтанных медных весах — разум, сознание,
флуоресцирующий узор яда — сколько я буду весить?
сколько я стою — денег, бессмыслия, любви?
но продавщица мне не верит, а серебристые сардины,
как полицейские, строго, бровасто следят за мной
знают, что я настоящий вор.

что, я на этой планете чужой.
и у каждой рыбины — колокольчики на плавниках,
пробитых шилом.
чтобы багдадский вор ничего не смог украсть.

* * *

вчера в семь пятнадцать
весна пришла.
творец вновь убедил скворцов танцевать,
разматывать бисерные рулетки щебета.
маленький зеленый пожар,
добро пожаловать.
облезлые кальмары леса тяжело вздыхают.
пантеры проталин проснулись и убежали ручьями.
куски грязного наста в тени и в них тяжела
роковая хрустальность.
так полевка еще переваривает зерна пшеницы в желудке,
сжимает лапки,
а неясить победоносно
уносит пойманную мышь в закат.
и мы выдавливаем зимнюю тоску,
как винную пробку отверткой —
крошим ее, ждем новые радости и проблемы.
кормим вареным яйцом белок в парке.

велосипед на балконе востепенулся от сна,
точно схема оленя.
корявая сосна
штопором
ввинчивается в сырые небеса, запах ее духов
и моих сигарет, и острый соленый запах
будущего моря. там дочка моя
дует в замочную скважину,
а внук танцует среди мыльных пузырей,
и в каждом пузырьке, он, отраженный,
голопузый, с зеленкой во лбу,

танцует в стаде радужных птиц, рыб, зверей.
и снова человечество кто-то подталкивает вперед
как сизифа — пряником,
хворостиной под током.
и снова кто-то сильный, самоуверенный и страстный
верит, стремится, парит, идет
покупает в маркете вино, шоколад, пулеметную
ленту
гандонов.
в семь пятнадцать.

* * *

Февраль — фиолетовый ящер
распластан на пышном снегу,
и от твердой баклажанной кожи рептилии
валит сомнамбулический пар теплосетей.
Приближение зимы щекочет нервы мерзлым пером,
словно приближение гигантской ледяной волны,
и она движется медленно как улитка во всё небо,
можно подойти вплотную к ее изогнутой хрустальности
и увидеть в ней — нет, не смерть,
но ее глубокий сон, жидкий азот небытия,
разлитый на поверхности всех зеркал.
Приятно напихать снега за шиворот орущему другу
или самому ощутить белоснежную фыркающую оплеуху.
Вечерние огни светофоров и реклам жадно глотают
вальсирующие хлопья слепоты
напомаженными ртами,
оставляют губную помаду на снежинках
как на краях бокалов.
И в длинных, точно английские луки, лужах
тритоны зазеркалья замерли и покрылись коркой.
Реальность временно закрыта на карантин.
Улицы, как парашаи, присыпаны сказочной хлоркой.
Узорная катаракта разрастается
во всех глазах-окнах,

и низкое серое небо обшито пенопластом,
и самолет прожигает в нем ровную ядовитую линию,
как сигаретным окурком.

* * *

Ночные деревья, как всадники, уснувшие в сёдлах,
горбят спину, но не выпускают поводьев из рук,
чёрных от загара.

Закат над речкой: девушка в красном кимоно
делает себе педикюр щипчиками птиц и пилочкой ветра,
и гребешок горизонта в её волосах
отливает, словно старинная рукоять мушкета.

А в реку лучше не смотреть — на глади отражаются облака:
оранжевые, зелёные и кровавые оттенки
нереальной насыщенности,
внутренности животных,
дельфины, инопланетяне, плацента.

Прозрачный живот беременной девушки.

И мы видим: два близнеца делят целый мир на двоих,
инь и янь, древний знак, две больших головастых креветки.

* * *

Хочу тебя бросить,
как камень в озеро,
но не могу. К утру я сам — выжатый камень,
завернутый в мокрую простыню;
ты на кухне мурлычешь, готовишь еду.
Я проделал в тебе огромную дыру. И попался.
Женщина-капкан с промасленными волосами-зубцами.
Твои соски оставляют вмятины на моей щеке,
как шипы от футбольных бутс.
Я — изумрудный жук
внутри большого пустого шприца,
и кто-то медленно вдавливают поршень —
бежать некуда, а впереди твой пупок,

через который сочится любовный сок,
как сквозь иглу.
Когда я остаюсь один —
бутафория одиночества из желтого картона —
я пишу о тебе, надеясь,
что ты растворись в словах, как в кислоте;
стрекозой перепрыгнешь из реальности на монитор
(переливаю впечатления, точно донорскую кровь
невидимому раненному божеству).
В минуты страсти
мы вдвоем внутри одной горячей кожи:
ворочаемся, обвиваемся,
пытаемся растечься друг по другу.
Так близнецы бы в утробе нежно стучались лбами;
когда тебе хорошо, ты разжимаешь когти,
будто перстень — тонкие зажимы,
и роняешь хриплый бриллиант выдоха мне на шею
с благодарностью и остервенением,
с легчайшим отчуждением.
Копируешь маленькую девочку: «Всё, я поела».
Редкостны часы, когда мы вместе.
Ты знаешь, что сейчас ходишь
полуголая в моих стихах, ищешь
затерявшуюся серёжку или трусики,
снимаешь цепочку, чтобы не путалась в волосах.
Женщина должна чувствовать себя внутри чего-то —
флакона или внимания,
молния в стакане,
цветок, сосущий свет,
яд внутри жала или медуза времени.
Так ребёнок тягает за усы послушного гепарда,
и я ничего не могу сделать,
просто — не хочу ничего менять.
Когда ты голая — эта естественная обнажённость,
точно сабля без рукояти — сплошное лезвие:
за что ни возьмись — за бедра или за волосы.

Ты — Ева, и это ты была змеей-соблазнительницей,
меня одурачили, и теперь мы вместе
терпим невыносимый бред смертей и скитаний,
песочные часы инкарнаций
из пустого в порожнее.
Ты хищно ешь жареные крылышки — самка богомола,
и абрис груди притягивает меня сквозь футболку.
Женщина — это сплошное вооружение:
так хочется погладить ежа,
осторожно взять его на руки.
Глядишь — а это граната.
Бах!

И мы, обнявшись на кухне, исчезаем в солнечном свете,
текущем сквозь французское окно,
исчезаем как символ,
как картина, которую медленно протирают ватой,
смоченной спиртом времени.
Идешь к женщине — не забудь
отдать ей половину королевства.

* * *

Ты растёшь наполовину из прошлого,
а наполовину из будущего.
Два бесконечных поезда
едут в противоположные стороны,
параллельно друг другу.
И ты — это мальчик из прошлого,
встретившийся взглядом
с самим собой из будущего
в проносящемся мимо окне поезда
(око с жёлтыми подвязанными шторами
и мутным отеком стекла).
Один миг — и тебя нет, ты где-то другой.
И этот миг мерцает бесконечно,
мерцает крошечная лампочка «я».

* * *

Серое утро — словно невымытые ноги танцовщицы.
И промеж деревьев, как промеж пальцев ног,
собрался сор ночных пиршеств —
пустые бутылки, пачки от орешков и чипсов, окурки.
Мусоровозы опрокидывают в себя баки с отходами.
Так заботливая медсестра выносит утку из-под цивилизации —
из-под парализованного миллионера,
весь день глядящего мультики и сериалы,
пускающего слюну на шею, на золотую цепь.
Погода стоит отвратительная, как мёртвая кошка,
раздавленная грузовиком.
И вдалеке раздаётся вой полицейских сирен,
будто фиолетовый бешеный слон
мчится сквозь каменные джунгли.

* * *

А мы вдвоём встречаем рассвет.
И город-тореадор, раненный чуть выше паха,
ползёт по серой пыли дорог, оставляя за собой
потёки разлитого кофе, вина и мочи.
Прозревающие улицы невинно дыбятся,
как детёныши великана, продольно и гулко
нежатся в каменных распашонках.
Бутылка креплёного — и табурет вылетает
из-под босых, сучащих ног мира.
Мы вместе только вторую неделю. Секрет
влюблённости в том,
чтобы как можно больше и глубже
вести параллельных игл и катетеров в душу.
Так гадюка в террариуме
не съедает полюбившуюся мышь — всех ест, но её
не трогает. Уже вторую неделю.
Свежий воздух внезапен, как заяц.
Первый троллейбус
на кругу разминает тазобедренные суставы.

когда время праздников отпусков и каникул
и наши не общие дети лепят снеговиков у родственников
осколками близких людей мы разбиты
это ворованное время ты возьмешь мое а я твое
и у нас будет алиби модная буржуйка из чугуна и стекла
и медвежья шкура и вино мы внутри медленного урагана
времени нашли слепое пятно и завтра придется стирать скатерть
выбрасывать пепельницу переполненную окурками
сердце переполненное разочарованием
скрывать следы преступления
мой запах на твоём теле тля на розе как дети
а сейчас я смотрю в твои глаза и вижу в них вечность
зеркала накрытые темно-бронзовым покрывалом
Etsitun'existaispas я бы искал тебя в других глазах плечах
попах но я рад что сегодня нашел тебя в тебе
женщина с прозрачным животом и ночным зазеркальем
в карих каштанах ты дерево сексуальная лиана я рад
что мы случайно стукнулись лбами
в плюшевых пещерах жизни и лжи
ползая на карачках по семейным делам
виноградная гроздь лица из тебя бы вырезать виолончели
или приклады для охотничьего ружья я жгу черновики
в твоём животе пока ты дремлешь положив голову на мою грудь
снегопад за окном впитал нас точно кожа оливковое масло
теперь снегопад целый месяц будет транслировать нас
танцующих на зыбких экранах хвастать прохожим
что видел нас но никто не поверит да и кому какое дело до
ми
ре
глупых любовников в январе

* * *

окна, омытые дождями —
как глаза младенцев, ещё пусты.
еще нет души, жизнь ещё не оставила на стенках зрачков
накипь ржавчины, боли и радости.

зарисовки глубины.
темная лента шоссе убегает в лес, как солитер,
в желудок камбалы,
мягко шуршит велосипедист, точно сама земля дышит
сквозь его колеса,
и мягкое мелькание спиц —
вращающиеся механически легкие;
голова наполняется пониманием мира,
как батискаф — таинственной жидкостью.

* * *

молчание с любимой.
в лодке весла сдвоены, как хлястики вишни;
чувствуешь кубичность бытия. объем сознания.
души перемножены тишиной, гулкой, как в бассейне,
и можно читать стихи над водой,
строки проскользнут, как выдры,
и ты все услышишь: скрип троса,
поднимаемого из колодца;
луна, как разрезанная дыня в ведре с нефтью.
мне классно молчать с тобой.
это пьеса зеркальных существ: зеркальная кошка,
зеркальный стул и стол. задыхаешься от любви.
нет, это мы на глубине, и ты что-то спросишь,
прутик опустишь в воду, но нет дна,
и я промедлю молчанием.
мы молчим вдвоем —
так галактики проходят сквозь друг друга,
как нож сквозь нож.

* * *

первые лучи рассвета
острыми зубьями циркулярной пилы впиваются в шторы,
в стеклянный ящик, занавешенный тряпками,
это немой фокусник зари в оранжевом цилиндре

распиливает нас на куски вместе со спальней:
зигзаги рук, ног, пульта, чашка с чаем, книга
и пылинки золотистым планктоном
струятся, как пузырьки газировки Кока-колы,
плывут, танцуют в спертom зацелованном воздухе:
здравствуй же волшебство нового дня.
здравствуй, любимая.

невозможно предугадать будущее,
лабораторную мышь на перекрестке лабиринта
чешет лапкой розовую морду,
но всегда выбирает проторенный путь.
ежедневно нас распиливают и вновь соединяют.
мы кадавры, Франкенштейны весны.
свинцово-серебристой стаей сельди расступаемся,
избегаем будущего, как растерявшегося хищника,
не даем ему сфокусироваться,
насытиться нашими жизнями.

-

твои волосы пахнут, как карандаши сына.
ты мне нравишься, будто сияет камушек,
на который я каждый день наступаю.
что-то под камнем спрятано, мне не принадлежит,
мы так плохо знаем друг друга,
будто космонавты в космическом шатле, заперты друг в друге.
если бы не часы эротических тренировок
и сумбурные цели: быть счастливыми,
размножиться и раствориться в подлунном, подловатом мире:
кто мы друг другу такие?
старая яблоня и цепной волкодав во дворе...
и наше будущее топает к нам, точно сказочный людоед.
и я не знаю: смеяться нам или плакать?

* * *

а я устал от зимы,
от чуткого средневековья ткани и мехов.
тело требует солнца, как слепой —

новых тросточек,
как лопухий балбес — щенка
на день рождения.
зима — это смерть лайт.
белый холодный сон холодильника.
живая, но сонная лягушка сознания
бултыхается в банке с питательным раствором,
стеклянные стенки покрыты инеем.
душа тренируется —
готовимся к запуску в страшный космос послесмертия,
шуршит и мигает ворох датчиков,
длятся испытания на
нравственную выносливость,
легкое внеземное дыхание.
Белка или Стрелка, — выбирай себе
имя, кличку, название.
все имена — как детская одежда,
сваленная в кучу в Освенциме. бррр.
вытягиваю из себя зимнюю мысль,
как серебристую занозу,
как черную нитку из желудка.
что же я такое сожрал, Господи..?

* * *

белые, стальные от пыли тополя ждут дождя,
так морена ждет снегопада:
вот бы горсть снежинок поймать
вытянутым, каменным ртом.
так мы ждем светлого будущего. как буран,
оно должно обрушиться на нас, сбить с ног,
как ласковый и мощный сенбернар облизать лицо.
увалить нас
на электрический диванчик счастья. но — нет.
лишь кристаллы-лезвия просачиваются в настоящее,
капли — конденсат будущего, невидимая стена
сдерживает цунами времени,

будто стекло террариума — аллигаторов.
ведь ускорение — это будущее —
пробегишь по аллее
сквозь варановую разлапистость листьев,
вот и немного твоего будущего. сядь за руль
и разгонись хорошенько на проспекте ленина.
уйди в игру, загул или на войну, и вот оно
будущее — с радостью поглощает тебя, ослепляет,
заражает статуи в саду туберкулезом костей,
царапает шилом бельма,
почти живые глаза.
и неважно — озарен ты книгой или отуманен женщиной,
каждый твой шаг —
усатая балерина из твердого сыра
вытанцовывает по терке, по острой наклонной терке минут.
и не стоит стремиться в будущее — в пищевод,
когда кролик погружается во внутренний мир анаконды,
не зажмуривай красные глазки, не ускоряйся, о нет!
цепляйся из всех сил когтями, ушами об стены,
когда мышцы сокращаются, проталкивают тебя в трубу.
хочется сбежать от будущего
в любой рукав, ответвление,
подворотню, искусство, творчество, дружбу, любовь.
с тобой или без тебя.
боже, они гонят стаю хомячков
вениками по улице на убой, навстречу драконам.

* * *

опавшие листья липы в парке,
точно желтый скелет борзой,
покрытый лаком, каждая косточка плюсовая.
полоски ребер, как бракованные детали рояля,
и воображение наделяет
плотью,
обмазывает красной глиной, сетью тягучих вен.
натягивает короткую черную шерсть, как рейтузы с начесом,

приращивает острые уши на сухожилиях,
вставляет глаза.
соединяет зрительные нервы со зрителем и гончая
чернозема вскидывается, и тут же заваливается на бок.
в легких вместо воздуха — остатки дождя
с каштаном и монетой,
легкая судорога ветра, мышцы еще не разработаны,
сердце жесткое, как новенькая клизма.
а тварь творения
с черным блестящим отчаянием смотрит на меня,
не в силах подняться и побежать,
нюхает кролика. ничего, я подожду.
я тебя наполню сознанием,
красным утерянным сандаликом с налипшими песком.
я здесь надолго — в этой осени.
сколопендры берез ползут по небу,
троллейбусихи в ярких пятнах рекламы.
я буду тебе папой и мамой.
вот так достаю из небытия
из теплой сумки кенгуру не идею, но нечто иное:
ушастая, прозрачная, как цепь бензопилы, в машинном масле.
здравствуй, говорю, я тебя оживлю.
вот пень спиленного дуба и кольца внутри светлы —
со стороны, точно зародыш младенца в разрезе древесном,
и призрак шевелит губами, как нога тапками,
формирует слова, что-то хочет мне сказать.

да, я волшебник.
и пусть нет у меня власти над миром,
прямой и грубой, как хотел бы мой живот, мой кошелек.
но, когда записываю в уме формулы звезды и песка, бурьяна,
высасываю из дырочки яйца птенца,
происходит оцифровывание бытия для Бога.
человечество — большое дерево, ветки трухлявы,
точно кости изъеденные туберкулезом, но можешь не прятаться,
я чувствую тебя,
мерцающий фиолетовый зверь вселенной.

с желто-красным оскалом ночного Макдональдса,
млечного пути,
засохшего сыра старушки с пуделем в мышеловке сквера.
смертные снаружи, внесмертные внутри.
я — та причина, по которой нас всех стоит спасти,
или просто не есть, не удалять с компьютера.

* * *

вечность проплывает мимо —
величественно и презрительно, как гренландский кит.
эти брызги, минуты, секунды,
смотри — они твои,
нищая форма жизни.
но я улыбнусь —
на ваших прочных космических крейсерах «миллионолетья»
никого нет, а звезды бессмысленны,
ядерные плевки.
все планеты сногшибательно мертвы и ядовиты.
смотри же, вечность, на нашем углу плоту
из плоти, кредиток и быстрых слов —
кипит жизнь, борщ и любовь.

* * *

дождливый день, тусклое солнце —
точно старик мочится через катетер,
а через минуту обрушится напалм дождя —
дырявый, как стеклянный сыр, изъеденный мышами;
дома, проспекты — каменные мыши, изъеденные сыром,
а я снова обнимаю тебя на балконе,
капкан, который уговорил лисицу остаться.
рассвет.
подъезд как серый сухарь,
в котором старухи и мыши прогрызли вход,
но забыли выход.

* * *

на потолке дрожал теплый круг света от свечи:
нежный призрак в скафандре, гибком и мягком, как пленка —
шагал по потолку — вдоль потолка —
в одномерном колдовском пространстве;
и моя голова, как чаша с ушами и глазами,
вмиг заполнилась тихой тайной,
мазутом средневековья —
когда там, в 13-тых веках, наступала ночь,
лишь разбойники и торговцы у костра держали нить сознания —
серебряную цепь в кровавых отблесках;
все остальные спали стоя, как кони,
в болоте бессознательного. и кто же я?
письменный стол с настольной лампой,
аквариумом, и обезьянкой в бронзе?
дрейфуем посреди
океана живой тьмы.
человек — путник в небоскребе:
сломался лифт эволюции, он может только подниматься,
а пройденные ступени осыпаются в гулкий квадратный колодец;
всего пять минут прошлого,
всего пять минут прошло, как отключили свет.
но ноутбук спасает — оранжевый жилет посреди тьмы,
/дремлют замшевые акулы темной тишины/.
и я различаю голоса на кухне, уютные как тапочки;
тихий смех и круги света на потолке чутко, осторожно
плывут ко мне.

* * *

пруд затянуло льдом — как катарактой глаз.
зима — вынужденная старость мира,
еще не изобрели бессмертие, но только белую паузу
между чавканьем в саду
и размножением божьих тварей.

музыкальные, завьюженные, завихристые
паузы.
семенит странное чувство, как нутрия в коридоре
космического корабля:
медленно вращаются в звездном чреве
среди туманностей, заводов и городского смога,
оранжевые зародыши Адама и Евы.
но нет еще ни райского сада, ни планеты Эдем.
и Змей искрит — прозрачный, как провод — только как идея.
крестьянские дети на коньках — Каины, Авели, Марии —
гурьбой спускаются на твердый лед;
лодки, как конусомордые собаки прячутся в будках —
явился белый тигр с хрустальными когтями на ветвях,
ледяная крупа стучит по планшету и пальцы замерзают,
мир записывают на мир, как программу на программу,
не соизволив полностью стереть тебя.
зима зима зима.

25 ЧАС

пустой бассейн «Локомотив» —
чертог бледно-оливкового сумрака и бликов.
эхо — прозрачная раненая птица,
отталкивается перепончатыми лапами, звуком
от тяжелой, самодовольной воды.
и ты лежишь на спине — отдыхающий Иисус в плавках,
на комфортном, хлорированном распятии и.
созерцаешь пульсирующие лики
на высоком, как в храме, потолке,
течет световая пушистая чешуя.
и рыба внутри тихо радуется, как включенный компьютер,
и ты растворяешься в покое,
кристаллы ума и безумия тают,
и синяя ночь шипит шинами за громадными,
забранными сеткой окнами.
вот оно — гулкое, кафельное,

стерильное чувство вневременья.
ты сейчас то, что нельзя уничтожить, растворить, спасти.
древняя песчинка прилипла к небу разумного моллюска,
обросла мирами, миражами, оазисами и.
так хорошо потренироваться, когда все ушли,
расползлись, разъехались поджарые лягушки
в спортивных костюмах, с сырыми волосами.
а тебе нужно задержаться — после человечества,
потратить 25-й час на письма для бутылей
(слова под каплями расплываются, как сирень,
как тушь на зареванных глазищах рукописи),
потратить время на тренировку инопланетянина,
чтобы достичь большего, чем предлагает
щедрая, земная жизнь.

* * *

дождливое утро со сладостным запахом бензина —
бокал с мокрыми болтами и пылью цветущих лип;
нам некуда спешить: человечество никто не ждет.
добро и зло саморастворятся, как нож в кислоте,
престав быть злом и кислотой.
однажды и мы исчезнем, не оставив причин;
нас разделяют не времена, но окаменевшие личности,
горгульи Notre-Dame de Paris, пористый шлак идей;
Дьявол бродит среди нас, как сумрачный рыбак по мелководью,
и тихо охает — мальками душ едва прокормишься.
о, где же ты Фауст, друг, с фаустпатроном осеннего тумана.
здесь раньше шумел корабельный лес, а теперь поросль
стандартных зубочисток с мятными кончиками
в прозрачных колпаках.
мне не нравится запах эпохи —
плотный, галлюциногенный душок тотальной сытости,
запах потребителя.
так пахнет новенькая пластиковая мышеловка;
приторный дым, тонны сахара в мешках —
все, что осталось от мыслящего тростника.

* * *

в истории не найдется место страннику с котомкой,
сапожнику в кругу лучины,
девочке с хворостиной.
в истории человечества нет ничего человеческого.
изучаем формы и виды чудовищ войны,
детективные истории, страшилки.
история человечества — спущенные бассейны времени,
кровь людей и идиотизм правителей вытекли,
осталась высохшая грязь,
бессмысленная эмалированная пустота.
пирамиды, курганы дат.
а сейчас человечество отражается в интернете:
инстаграмм, цветные тени задниц и лиц.
больной зеленоватый осетр
вяло резвится в грязных водах
с нефтяными пятнами, яркими фантиками,
мусором информации.
и в бензиновой пленке ты можешь разглядеть и свое лицо —
фотогеничный прыщик,
полудохлый малек.

ЛЮСИ В НЕБЕ С АЛМАЗАМИ

завораживают иные спецэффекты,
когда ускоряют время на экране.
вот яблоко лежит на тарелке и прямо на глазах
увядает, темнеет, проваливается в себя,
ссыхается до размеров огрызка,
похожего на почерневшее ухо мумии.
вот стебли маков
зелеными спицами прокалывают землю;
раскачиваясь, тянутся к солнцу,
распускаются траурно-рдяные бутоны.

и я фантазирую машину времени.
смотрю на школьное футбольное поле —

что же здесь было раньше?
до сломанных скамеек,
до звездистого асфальта и грязного бетона?
отматываю годы назад.
набухает речушка — зеркальный флюс,
вытягиваются деревья, как зеленые якоря;
вот по тропинке пролетел велосипедист,
кошка слопала мотылька,
а это — семейство ржавой лисицы.
шныряют зайцы, шастают грибники,
вот потянулись мрачно-задорные войска
грязно-металлическим, тяжелым оползнем.
отматываю еще назад,
во времена, когда еще нет тебя,
нет Канта, Паскаля, Цезаря, Иисуса,
нет никого из великих и ужасных, одни мясистые хвощи
и первозданные джунгли
тянутся плотным, многоуровневым кошмаром.
и что же я вижу?

сквозь перламутровую муть
спрессованных времен
я вижу обезьянку Люси.
валко, осторожно пересекает открытую местность,
похожую на заброшенное футбольное поле,
и я невольно начинаю за нее переживать,
озираюсь,
не затаился ли леопард?
а Люси бредет, согнувшись.
тощая, плечистая, с пугливыми глазами
под широкими надбровными дугами.
давай, Люси, пока еще светло,
доберись до леса.
а вечером Господь вернется с работы
из депо лунных трамваев,
весь измазанный мазутом черных дыр

с запахом крепких квазаров.
заглянет на планету, точно в террариум,
проверит камеры наблюдения:
нет, ничего интересного не произошло —
одна кровь и цветы, цветы и кровь.
скучно. когда же, о боги? когда?
а обезьянка Люси благополучно пересекла
поле кошмарных снов,
поле тигриных лилий.
и под жадно бьющимся сердечком
уже теплится невероятная вероятность меня.
как это чудесно — быть незаметным.
как это чудесно — оглядываться.
и, уверен, даже Господь не знает,
чем закончится наше приключение.

* * *

это время магии. рассвет приходит тихо и обыденно,
как привидение с ночной смены.
и летят над гаражами два журавля,
тихие и величественные, будто влюбленные беспилотники.
розовая пантера зевает, сует нос розовый под двери;
мой мир, исполненный надежд и разочарований,
сероватый, сетчатый свет — черно-белые снимки морских крабов,
гигантские шершавые клешни, кухонные раковины,
и пролесок с заводской трубой за окном —
бурый бородач с прилипшей к губе сигаретой,
а сын еще спит, лопухий верблюжонок.
одеяло сползает с сознания, клубящееся облаками, горячий шелк,
просыпайся, обреченный на жизнь, на счастье и разочарования.
гладиаторы разума уже просеивают песок в Колизее —
чтобы без камушков, без выбитых зубов
и кашек львов.
ну здравствуй, новый день.

* * *

когда умираешь,
на нежно-абрикосовые поры остывающего мозга
медленно падает
электрический снегопад небытия.
вальсирует приглушенно, будто в валенках.
присыпает уродливые статуи твоего «я» в саду,
напуганного почтальона у ограды.
и каждая снежинка — громадная, желто-голубая —
это твой искаженный автопортрет.
тончайшая промокашка
тает на сухих ладонях. а тебя уже нет,
ты еще продолжаешь прыгать на скакалке яяяяя,
но уже вяло, по зыбкой инерции бытия.
точно безрукий боксер,
разжимаешь зубами ржавую цепь надежды,
замечаешь, что надежда больше похожа на поводок.
но тебя уже никто не держит.
это — взгляд из временного ниоткуда
в космосе,
где голые идеи — серебристые сгустки ужаса —
перебирают планеты, круглые кости,
в поисках розовой субстанции.

ты уже не ищешь ответов на вопросы
на берегу памяти. воспоминания — головастики миров,
а застывшие волны — прожитые дни,
вертикальные холодцы с хрустальным начесом:
вот здесь ты нашел очки Элвиса Пресли
и бросался в них на упрямые волны
на потеху любимой, как сенбернар.

когда умираешь, мозг еще не верит,
что это конец пути,
еще продолжает отращивать сюжетные нити —
дождевые черви, перерубленные лопатой.

но уже некуда ползти.
даже сейчас ум пробует выйти за рамки себя,
как картина из рамы, дотронуться до обоев.
есть вероятность, что после смерти
есть поле чудес, лотерея инкарнаций,
джокеры и космические гиены;
можно очнуться в раю, в аду, в нигде, или —
но ад и рай требуют сложной нервной системы,
чтобы чувствовать непрерывную боль или кайф.
не хочу ни туда, ни сюда.
две тупиковые ветки для летящей души.
а здесь — власть фантазии, божьей тени.

так легко и монументально думать о том,
когда ты уже не сможешь ни думать,
ни мысленно забегать вперед,
но ты никогда не умираешь: я мыслю и чувствую,
следовательно, следы от улиток на статуях,
кто-то существует из нас двоих:
ты, читающий, я, написавший. они.

* * *

девочка в фиолетовом платье
сидит на краю крыши пятиэтажки, болтает ногами,
пока сандалия,
похожая на розового жабенка, не слетает с ноги
и не падает вниз на клумбу. эх,
но не беда, папа во сне принесет.
запах нагретой смолы, пыльный рубероид,
каменные крошки,
да она сама крошка — маленькие ладони, как гребешки,
льняные локоны. и беспокойные голуби за спиной
воркуют на чердаке, волнуются,
а девочке не страшно,
ей легко и задумчиво висеть на волоске
от падения в уютную зелено-серую бездну

с каштанами, асфальтом и скамейкой.
девочка Не.
у нее сегодня день не-рождения,
и никто ничего ей не подарил —
ни дорогую куклу, ни книгу с картинками, ни новый мобильник.
девочка в фиолетовом платье сидит на краю
мира из глупого кирпичного вещества —
не обижается, не радуется.
ее никто не видит — только совесть моя.
девочка, прости.
не позволил тебе родиться,
уперся, точно бык, рогами в белый мягкий живот.
сеть красных капилляров — метрополитен гнева
и электричка с драконьей мордой — патлатая, грязная от мазута,
залетает на станцию.
разбивает хвостом зеркало у тоннеля.
вслепую хватает невинных людей.

и я грызу себя,
как питбуль — кубик Рубика, смазанный жиром.
но ничего не сходится. это не мысли —
это следы от зубов на цветном пластике.
и уже ничего не сойдется в моей жизни:
девочка в фиолетовом платье
сидит на краю бытия,
она на меня не сердится; вместо лица у нее
две женских ладони с теплой водой,
и красно-оранжевая рыбка бьется внутри.
вода вытекает сквозь тонкие сжатые пальцы.
я за все заплатил, срезал со спины крылья —
большие белые грибы в осеннем лесу,
а обрубки таланта отрастали,
не веря,
что они не нужны.
жизнь с тобой прошла мимо, но я сам виноват.
это гордость и глупость, это страх —
дерево из черного кипятка трепещет на ветру.

девочка моя, ты приходишь во сне,
садишься на плечи (теперь я пятиэтажный живой дом)
и болтаешь ногами,
беспечно и легко молчишь,
прожигаясь взглядом пейзаж, как сигаретой целлофан.
а я держу в кирпичных лапах
розовую сандалию, похожую на жабу.

* * *

я живу внутри падающего самолета,
который падает десятилетиями.
каждое утро просыпаюсь,
точно зуб среди поля, засеянного зубами.
так плотно подогнан к другим.
и свободны лишь кариес и жнецы.

неужели все мои стихи — это я,
разбрызганный по миру,
как яйцо птеродактиля
взорвавшееся в микроволновке?

* * *

мы ехали с Господом вместе, одним маршрутом,
пока я не разглядел тебя за окном:
ты в белой футболке и джинсах
читала Есенина, разливала гранатовый сок
детям-инвалидам.
и я прошептал:
остановите автобус, боги, остановите жизни,
на пять минут, мне нужно выйти и перейти
на другую сторону
судьбы.
но водила волчал, молчал, прыщавая харя сияла
сквозь Млечный Путь,
и черные дыры, как овчарки, дышали в затылок.

* * *

она стоит на носу корабля,
как воробей на краю чугунной кастрюли
с остатками собачьей каши.
и оранжевость ее волос ликует — ветер угодил в ловушку —
мурена внутри громадного стеклянного бутыля
крутится, нервничает, вращается, но не может выбраться, ибо
отверстие, выход в мир — это я.
твердая улыбка и сощуренные глаза.
я сейчас сделаю этот шаг — прыжок
с вышки в бассейн женщины.
ее лицо плавно мерцает, дно, выложенное голубой плиткой,
а чистая вода — иллюзия,
наврядли, сломаю ногу или даже шею.
здесь нет глубины, дурачок,
но когда меня это останавливало?

* * *

живем на окраине бетонного Рая.
и это не деревенский вечер, но заброшенный зверь
с глазами по всему бурому телу —
моргает, силится рассмотреть меня сквозь колтуны.
здесь после девяти вечера луна заколочена желтой доской,
а ворота в Млечный Путь заперты на тяжелый амбарный замок.
слышно как пискнет летучая мышь —
попалась в когти циферблатоглавой сове.
крошечные окна, ослепшие от грязи, похожи на
черно-белые иконы с осьминогами.
на крыше растет бурьян, крыльцо — деревянный детский манеж,
сгнил на две трети, и собачий лай тонет, как болт
в бутылке с керосином и фиолетовым волшебством.
тоска, как отполированная рельса, привязанная к звезде:
без размаха тихо бьешься лбом. но как же хорошо,
как же хорошо жить и умирать,
просто тихо жить и тихо умирать.

не умирая и не живя среди покалеченного, исчезнувшего зверья.
вот монета, но чья?
решка заросла грязью,
не отодрать ногтем, не понять, что это за империя, эпоха.
жизнь человека — не дорожке спичек и пачки соли,
гори и плачь медленно, медленно, до рассвета,
и так целые годы.
небеса цвета сапожной ваксы и аромат гуталина.
здесь прошло детство зверя, здесь его и забыли,
привязали цепью к кораблю, но корабль истлел, как и цепь;
нимб из репейников, подсолнухов, воробьев,
теплой пыли. так стягиваешь парик цивилизации
с лысых розовых мозгов.
и просыпается зверь, почти ослеп, жмурится, но узнает,
виляет хвостом тракторной колеи.
рассвет. запах сена, родины и навоза.

* * *

в розоватом, как лосось тумане осеннего утра:
туман опоясал все деревья и дома, дома и деревья,
фокусник утеплит свой цилиндр лебяжьим пухом,
и ты сам идешь, плывешь, как Сатурн сквозь свои кольца,
ты немного планета.
собора желто-розовый лангуст
запрокинул в небо пупырчатую клешню,
порвал туман, как паутину из серых звуков, морошки.
я иду, человек понарошку,
сквозь туман, обрывки рекламы.
ядовитую рыбу прибило штормом к берегу сознания.
так наплывает туман,
так исчезает твой мир, туман съедает материальность,
как пес вылизывает картину, нарисованную тушенкой и жиром.
приятно идти в тумане — так снеговик заходит
в теплую реку — брррр.
а вокруг зеленоватый туман, и снеговик испаряется,
становится частью водяной пыли и реки,

и если что-то не растворится — нематериальные крупницы,
пуговица, ветка, гравий.
берег материального и берег иллюзии, и мы течем между ними,
озноб рассвета, роза огня в шерстяном зеленоватом коконе,
черные сырые стволы, как парализованные щупальца,
и я уже весь наполнен туманом, как кальян дымом,
как амфора джинном. но я — личность,
жираф среди строительных кранов в тумане,
тихо радуюсь тому, что вышел встречать жену
с ночной смены.

* * *

ее волосы стекают на плечи, как сироп
или золотистый винил,
а оса запуталась в шторе — блуждающая игла,
ищет мелодию.
мне иногда скучно с ней,
как астронавту на планете,
когда жизнь едва зарождается в глазах-океанах,
а на поверхности я найду
только жадную кожу и дымящиеся лужицы поцелуев.
я приземлился на ее сердце слишком рано —
на несколько миллионов лет.

едем в гости к ее сестре.
переплываем громадную реку на пароме:
серый пес воды смотрит в зеркало неба,
и мы с паромом — черный мокрый нос пса.
блестим на солнце.
красота — скучная сила.

что добавить?
она всевластно влюблена в сериалы:
свеча играет зажигалкой, не замечая,
как сжигает себя.

это досадно, но дает фору, свободное время.
как куриную шею, свернул внимание от себя.
нечестно, но что делать?

родственники как родственники.
генетические рифмы позабытой поэмы.
идем на площадь. день города,
фейерверк. начали стрелять рано,
еще закат не сошел — вишневый червь,
присыпанный блестками.
это древняя радость, монстры понарошку,
государство подминает под себя
и хлеб, и зрелища, как женщина,
и говорит, что это всё благодаря ей,
но это ложь...

половину ночи дурачились, пили вино.
утром искал выпавший телефон,
нашел сморщенное яблоко за креслом —
будто старушка в богадельне
спряталась за шторами.
я тебя нашел.

запах моря — клыки, посыпанные солью,
смоченные йодом,
впиваются в шею. запах синей крови.
да, потом мы поехали на море.
поэзия — как слепая балерина:
танцует, импровизирует —
без разницы, смотришь ты на нее или нет.

некоторые женщины красивы
как заброшенные колодцы Индии,
а внутри — перегной дождя,
кучки мужских костей, аккуратно сложенные.
я и сам сейчас в ее коллекции,
буду первым поэтом, с которым она спала два года.
она — моими стихотворениями.

* * *

колбы света
спрятаны под кожей воздуха.
десятки голубей срываются со шпилья,
будто собор смеется.
собор, как каменная рыба,
вниз головой плывет.
и нерестится в небо мальками
будущих соборов.

* * *

пошли кататься на лыжах:
чувство — когда выдираешь перышко,
пробившееся сквозь наволочку подушки.
и мы на искрящейся белизне —
сине-красные иероглифы
в массивных черных очках.
это впечатление струится, падает медленно, зигзагами,
как тяжелый шелк или струйка чернил,
впрыснутая в ванну
с ледяной водой.

ТАИНСТВЕННЫЙ ВАЙ-ФАЙ

Даше и Олегу Лобян

зимние дни будто сотканы из сумерек:
царские верблюды с сиреневыми марлями на надменных мордах,
и горбы припорошены снежинками.
нет, это не мираж, это легкая вьюга
похожая на нейрофибриллярные клубки
в чей-то большой и вытянутой как улица голове.
забирая дочь из школы с ранцем и кульками
я чувствую себя счастливым великаном,
и что такое смысл жизни не спрашиваю.

прячу самоубийственный вопрос как пистолет в кобуру.
так наверное и звучит нерешительная мелодия бессмертия —
пугливая белая лань среди черных окаменевших львов,
умирать совсем не обязательно и есть любовь,
есть таинственный вай-фай в твоей и моей голове.
мы путешествуем на крылатых осликах, а разум — морковь.
еще никогда жизнь не забиралась так высоко:
с вершины ей видны зимние города,
компьютерные платы в пепле, живые микросхемы.
«ого, меня занесло», даже Господь растерян —
создал нечто, а нечто стало сложнее его самого,
разогналось, как гепард
квантовый, пирамидальными прыжками — уже не догнать,
не рассмотреть уже никого — в белых осыпающихся титрах.
только зимние дни, сотканые из сумерек,
сонной надежды и любви.
сиреневые верблюжата вьюги дурачатся за окном.
пап, смотри мои оценки. и дает ручонку с наклейками —
второй класс, телефон-часы, и глаза, глаза —
серые смеющиеся цапли любопытства и игры,
жемчужный туман, живой танцующий еще-не-мрамор,
эти зимние дни
я оставлю себе, спрячу в подкорку,
чтобы однажды в перспективном нигде достать как звезду,
как бутерброд с колбасой и сыром, как д/з
по новой жизни
собственный мир.
а мы с дочкой сокращаем путь,
идем через пролом в чешуйчатом заборе,
как сквозь порванную сеть — отец-рыба и дочь-рыба.
и за нами никто не плывет,
только вьюга зализывает черноты гудящую рану
белым занозистым языком

МЕДЛЕННО

это — тайная паника старения.
красный трепет напуганных мышц.

но этих птиц не выпустишь.
ведь ты не Божий сын, о нет. и ты это понимаешь;
генетическая подделка, лабораторный шедевр.
маленький полубог, вписанный в пузырь эксперимента.
так Титаник, сквозь мазутный сон, гул турбин и поршней,
чувствует страшный запах льда:
сине-зеленый хрусталь разевает пасть,
беспощадный.
когда он с легким, пробитым шилом,
затопленный кровью, накрывается, о нет.
еще есть время, еще есть время,
но уже мышонок различает ноздрями:
земля где-то рядом, в тумане.
через десять, двадцать, тридцать лет,
а может и раньше — начнутся отмели, розовые рифы слабоумия.
появятся птицы, видения Альцгеймера,
созвездия набранные таблетками, крупным бисером.
особенно ночью ты слышишь, как шипит двигатель в ванне,
как несет горящим торфом из щелей.
и тогда наступает паника — слепой муравьед.
тело начинает чесаться, как термитник.
но не отползти.
замереть?
зеркала пахнут шоколадом.
внутри зеркала кто-то дышит —
зеркало запотеваает изнутри и нечто МЕДЛЕННО выводит
ледяным пальцем «тссс».
реальность истончилась, одряхлела, как бронезилет —
от миллионов ударов и тычков,
песка, гвоздей, перьев.

о, дворцы старения,
заброшенные в джунглях, обхваченные деревьями, баньяном.
точно удав медленно сжимает живую, послушную корову:
ломаются кости — медленно, медленно.
медленно, медленно.
МЕДЛЕННО — о, Боже, ты заметил?
слово начинает оживать, шевелиться.

почему еще не придумали бессмертие, почему?
и волосы на шее любимой встают дыбом — рыбки на мелководье,
белые позвонки истаивают в нежной дымке волос,
она чувствует сквозняк лицом.
как будто смотришь в трубу, в дрожащее дуло заведенного танка.
старые балерины — они танцуют в пылинках рассвета на кухнях,
и ты осознаешь страшную истину.
истина всегда была рядом,
как человеческий ноготь в котлете.
ты ел, ел эту ложь всю жизнь.
но вот правда проступает, как хромированные скулы терминатора —
красные горящие глаза — сквозь фальшь, воск и жир.
это — усталость бытия, это сигаретный дым
внутри Троянского коня.
и воины постарели — их мучает артрит, подагра, одышка.
дурацкого величественного коня
так и не запустили в город.
мир так и не принял тебя, не поверил.
хотя, были моменты и ты сам верил, и думал — да,
я останусь здесь навсегда, навсегда.

но — это мина «никогда» —
она срабатывает годами и ты разлетаешься на куски —
сверхмедленно,
медленно, медленно, МЕДЛЕННО.
так отрастают скалы и тают ледники.
отрастают зобы и зубы у скал, и тают холодильники.
и существо коленей воет на луну, нет — оно мычит
лицом без рта и без глаз, без ушей и носа.
и чайное дерево звенит ложечками во мраке,
хромированными позвонками.
аборигены танцуют вокруг разряженного аккумулятора,
жгут благовония и валидол.
ребенок просыпается
и нюхает апельсиновую кожуру или ему кажется?
и апельсины только приснились в сладком пахучем сне?
и он плачет: жизнь, ты приснилась мне
медленно-медленно, МЕДЛЕННО.

* * *

свеженарисованная гуашью, цветными лоскутами,
дочь после ванны
с влажными волосами, благоухает пахучим мылом,
арахисовым маслом и детскими архангелами,
в просторной пижаме с зацикленными ежиком и лошадкой,
и это ли не счастье — вдыхать запах из ее темечка,
как джинна из амфоры: выходи, выходи.
пить ее голос, сладкую росу из шляпок желудей,
пусть нас всех съедят свиньи прошедшего времени, да.
хватит,
уже сколько столетий ты спишь, просыпайся;
потеря носом о её шею,
она засмеялась, как птичка на проводах,
вывернулась, он подбросил ее в воздух:
так парашют, раскрывшись, восстает
против притяжения, против времени.
так мы упираемся, отталкиваемся от пустоты,
моменты счастья,
благоденствия, разочарования.
прижимает к себе котенка,
девочка в наискось падающем самолете лет.
она переживет и кошака, и меня, и растворится
в своем акварельном царстве — что как небо надо мной,
а я лес, опора, скала,
на которую она опирается,
но легко переставляет, как шахматного коня
и вдруг — неподвижность.

* * *

ему семьдесят четыре.
возраст напоминает подводную лодку:
затонула у берегов южной Америки,
вросла в ил за годы — видны ломтики света в иллюминаторах,
на борту спрятано золото партии, а может быть и нет.

семьдесят четыре.
вся его жизнь легко
помещается в ширину окна,
как выпотрошенный осетр в камеру со льдом;
когда он смотрит на улицу розовым лицом —
икебана из дряблых мышц, кожи, воли, воспоминаний,
она, его любовь, живет в Ричмонде, а когда идут теплые дожди,
что-то поднимается со дна
его тазобедренного сустава —
желтый печальный сом и глаза старика, его глаза
цвета рыбы, с которой соскребли чешую,
начинают показывать кино в открытом поле
и кадры срываются с натянутой простыни
в фиолетовые небеса.
желчный пузырь дергает боль,
будто просунули два пальцы в жабры;
он в свои семьдесят четыре смотрит на автомобили —
бесшумные хищники за окном
пожирают метры планктона мороси,
обрушенный тоннель в метрополитене — его будущее.
и тысячи голодных блуждающих огоньков
по черной степи памяти: иногда мелькает страх,
прожитое вырастает в размерах и нависает над ним,
как джинн пожара или кобра высотой с уличный фонарь.
к вечеру на деснах налет, будто жевал свечу;
не нашел спичек или зажигалку, решил переждать эту тьму,
затмение внутреннего мира, когда луна
наползает на солнце реальности.

политические лозунги срываются с экрана, как плевки.
или о, ужас, когда его убеждает медсестра,
что имярек негодяй, молодец, раздал гречку и печень.
медсестра пытается просунуть — пальцами с желтыми когтями —
свинцовую монету в его затылок, давит, но, дура, там нет прорези,
там нет прорези, черт побери, он аполитичен.
и это причиняет ему боль и ярость.
семьдесят четыре.

подносит зажженную свечу к лисьей норе,
раскусывает икринку сожаления и горечь приятная,
оранжевая растекается во рту. она видит свои копии,
которые застыли в зеркалах, как девушки в клею
в одних трусиках, в стеклянных колбах.
и кружится, кружится голова:
кто-то ее высасывает через соломинку у виска, там, за ухом,
в пигментной патине, которое уже не целовали давно.
серебряными вилами по черной воде — седина у корней —
это борьба с пустынями, пластиковые саженцы на краю
пропасти, губ, бровей. курсанты послушно красят песок
в зеленый цвет, и пристальный взгляд в зеркало:
так брюхатый заряженный револьвер
подносят к отражению в зеркале — ствол к стволу,
зрачок к зрачку, но никто не стреляет — почему
мягкие игрушки падают с книжных полок:
мишка, собачка, слон,
а когда игрушки касаются паркета, то рассыпаются в прах:
трухлявые, с жемчужным ремешком.
она отворачивается от зеркала
и смотрит в окно:
капли дождя тускло сверкают
на гнутых железных хвостах решетки,
грусть скорпиона, рыхлая грусть
ржавчины, и голос мяукающий Мари Лафороне льется с экрана.
осенний дождливый день как водянка,
которую она, дура, скovyрнула иглой,
смоченной духами, а там аромат бензина и терпкость
грецкого ореха,
гниющие громадные листья в луже, как царские деньги. да.
эта музыка будет вечной, но не я.

звук ножниц,
звук ножниц нарастает: икебанист сокращает её, отрезает
сюжетные линии, возможности, нитки, кусочки плоти.
она выпьет на ночь лес, хвойный лес в чашке с мятой,
две таблетки снотворного, чтобы не слышать тихий

неумолчный скрежет в зеркалах:
это черные конькобежцы печали, согнувшись,
наворачивают спирали на мерзлых заиндевевших глазах.
память, обманывай, обманывай меня.

* * *

зимний день светился изнутри:
сом, проглотивший фонарик.
мягко вечерело, замерзший снег цеплялся за кусты,
как белая птица с белыми когтями.
и праздничное нечто царило повсюду:
кофейни, дома, прохожие, машины,
город облили сказочностью,
осыпали блестками, конфетти,
и даже наивная пошлость праздничных витрин
и новогодних реклам умиляла — дочь мачехи,
которая ничего не добьется в этой сказке,
и ее немного жаль.

на столике-таксе осколки шоколада —
ты выела весь миндаль, как белка.
возле кровати вязанки книг. мы
недавно переехали
на съемную квартиру. и зима, и сом со свечей,
этот образ пришел, когда ты прикуривала у окна,
отразившись в стекле, как свет сварки в пещере,
где волы и волхвы,
и зеленый младенец мужского пола,
цветок алоэ,
которого ты мне не родишь через год,
и сказочно, и страшно, и хорошо.

а где-то рядом война,
и другие бессонные демоны бытия
шатаются,
как разбуженные гризли посреди зимы,

но нам на это наплевать, нам все равно.
тот день, когда мы разожмемся, как челюсти питбуля
на подвешенной автомобильной шине — на фоне заката,
тот день, когда
жидкокристаллический
терминатор пройдет сквозь свою самку,
перемешавшись мирами,
ртутными головастиками, единицами и нулями.
и теперь мы сможем только отдаляться друг от друга,
так галактика проходит сквозь галактику,
как нож сквозь нож.
не оглянуться, не сломать шею,
и это — благодарность, благоденствие.

прошлое — мальчик, рухнувший вместе с балконом
с девятого этажа,
без шансов на спасение,
на общее будущее.
но, представь, теперь —
у каждой женщины устрица твоего лица,
водяной знак на просвет синюшных губ,
огнестрельных глаз,
миллиарды твоих копий шуршат платьями
во всем мире —
от старух и до детей.
это — медузный бал приведений в твою честь,
или — снегопад людей, и мы, полубоги, пошли за кофе,
и открываем рты, и ловим снег.

* * *

это — дворец лешего, срубленный из горбыля,
крытый брезентом, автомобильными покрышками,
нависает над топью, как куцый шершавый коготь,
на дюжине опор в раскорячку — паук на костылях
и болото под ним — рассольник с лягушками,

с метановыми сквозняками,
пара лодок, как высохшие панцири тараканов,
огрызки рыболовных сетей,
ржавый мопед — мумия пчелиной королевы,
и сам леший — мелкий мужичок темный,
будто вымазанный мазутом,
лохматые волосы — войлок.
в прошлом заготовщик пушнины — каждой ночью к нему
являются двенадцать синих лисиц
и по очереди мочатся в изголовье
по суровому закону справедливости,
не в силах надкусить грязное горло,
заросшее проволокой мелкой, вьющейся, как железная мочалка.
чай с морошкой и омлет из яиц скворца, сдобренный заманихой,
травяная тоска, небо полное звезд, тысячи черных овальных
камней,
скалистый берег, окаменевшая волна.
все звери, принявшие погибель покоятся на дне,
точно в вонючем спирте, в жидком янтаре.
и на закате он зажигает керосиновый фонарь,
комары почтительно обтекают его — живая звенящая зыбь,
расставляет дорожные шахматы на столике,
леденцовососушие с желтизной глаза,
он до рассвета ждет меня, причмокивает,
цедит чай из мятой фляги, вспоминает как когда-то
дружил с детенышем человека, но я не приду,
мой детский полубог Ярго, не доиграем эту партию никогда,
но он снова расставляет фигурки по памяти,
вставляет в тонкие дырочки зубочистки,
воображаемые друзья и звери, и первая любовь,
создание из золотых крючков и пряных тычков,
я тебя никогда не найду, не забуду,
потому что не помню, потому что нельзя
спящему великану разглядеть прошлое, леса
и городки, выросшие на спине, потому что жизнь одна,
но мы никогда, никогда не одни в ней.

* * *

душа — серая пена в кастрюле.
собираешь разбросанные носки, колготы,
желаешь спокойной ночи младшему сыну.
проверяешь: заперта ли дверь,
чтобы бородавчатый зверь
лунного света
не нашел наши души, беззащитные до утра.
теперь ничто не помешает нам
резвиться на розовых конях
в радужных топях, но я всё медлю,
точно уссурийский тигр на ледяном катке,
цепляюсь за книгу перед сном.
брось ее — секунды жизни истаивают,
сладкий снег на устах,
и я уже почти растаял.
но внезапно мысль, как коршун,
выдергивает меня из дремотного пейзажа —
дикое воспоминание
врывается в сознание: грабитель с обрезом,
поселок городского типа, мерзкая
осень, маршрутка, поля в стерне — разрезанные швы,
но не выдернуты ошметки ниток из.
это удалили неба золотой пшеничный плод,
а она беззвучно плакала, пряча лицо
в мокрых ладонях, Медуза горгона в косынке, —
стыдилась своих же смертельных глаз,
всё вокруг превращая не в камень,
но в пульсирующую язву, в алмаз
позора. соленый вкус слез,
вкус горячей мочи, страдание — как женщина внутри
мраморной глыбы: тук-тук, ей не спится, откуда ты?
зачем пришла на ночь глядя,
я же не скульптор, не вандал.

а на воспоминании висит другое воспоминание:
мальчик один дома, поздний вечер,

горшок возле окна, плотные шторы,
и скупой просеянный свет фонарей — черные жирафы,
его лучшие друзья.

протяжно поскуливают цимбалы одиночества —
так стажеры рвут зубы в мертвецкой.
но вальсирующие топи засыпания наступают,
и карандаши выпадают из рук Создателя.
слышится легкий храп, ритмичное ворчание
холодильника, быстро истаивает
протяжный вздох в трубах отопления;
из-за шторы мягко выпрастывается
зеленая бородавчатая лапа
лунного зверя.

* * *

занавески вдуваются внутрь:
парусник врезался в нашу квартиру,
наполнил комнатный воздух морем,
голубой солью, на палубе — паркет.
соленые брызги на обоях,
и ветер с розой в зубах, как с абордажной саблей —
опрокинул вазу, ползет по ковру;
один миг — и синий мир швырнул нам в лицо
инкарнацию, фантом иной эпохи,
мокрые брызги.

так пепел рукописей сопротивляется,
наливается плотью, целлюлозой,
и на белых листках — проявляются слова,
и форточки дерутся, лупят друг дружку,
как однорукие боксеры.

* * *

на ходу выпиваю две чашки кофе,
спешу на работу в офис, раствориться.
так терминатор, визжа от восторга,

забегает в мерцающее море кислоты.
закат на фоне сине-зеленых зыбких взъерошенных змей
может, лучше замедлиться?
просунуть розу в велосипедное колесо,
стукнуть белку в колесе по голове — эй, притормози!
учится медленности.
так скалы учатся дышать — тысячелетиями —
орлиными гнездами с запахом прелых костей,
запахом холодной манки,
вспотевших буро-ржавых перьев.
все, что звучит быстрее классической мелодии
меня убивает. стирает. а жизнь
движется вперед:
идет по нашим головам вежливый слон, но я замедляюсь.
ленивая фаза. стихи в сто тысяч раз непопулярней
твоего нового маникюра или
дьявольски безупречного айфона.
ну, посмотрим, посмотрим, посмотрим.

* * *

город уполз, как пес с перебитым хребтом,
оставляя темную мазутную жидкость заводов за собой.
вчера вытаскивали из моего зрачка
стружку металлическую,
тончайшую спираль.
глазная жидкость вокруг пореза уже начала ржаветь,
и я оставил мысленную зарубку
в стеклянном лесу времени:
обязательно напишу об этом однажды. когда вырасту
настоящим человеком,
а реальность улыбается, как гиена.
сорок одна атмосфера — мощность укуса.
вечером снимаю плавки, но тело
выделяет машинное масло, как деревья — смолу.
боже, сколько же заноз проглотила моя жизнь,
как пьяный факир — столовых, кухонных ножей!
а помнишь, в детстве мы боялись:

иголка может упасть за воротник, а оттуда — в вену,
а оттуда — в сердце,
как лодка, быстро поплывет по течению,
и ты умрешь.
мастер вяло ругался, как морщинистый фаллос:
«когда режешь металл — надевай защитные очки»,
но в защите цех плывет перед глазами —
плывет потный, близорукий, мультяшный мир.
лучше с жизнью — один на один.
лучше смотреть воочию, как нацеленная игла
плывет по красной реке, точно водяная змея.
мысль, попавшая в кровеносное русло,
обязательно достигнет сердца
и убьет.

* * *

я могу воссоздать первую любовь по запаху,
одним взмахом выхватить из небесной синевы
яро бьющуюся форель.
теплая тень, улыбка, футболка с мелким орнаментом,
девочка-невидимка, и сквозь нее
струится переливчатая мелодия тонких стволов —
березовая рощица за павильонами детского сада.
но скомкан трамвайный билет до луны.
первая любовь: в озеро с крокодилами и пираньями
вылили пузырек простоволосого счастья,
конденсат света, сказки, мур-мур, ры-ры.
акварельный мужик принимает душ,
и не жаль цветных разводов под ногами;
любовь — это свет в начале тоннеля, сужающегося
в загадочную золотистую темноту.

ФЕВРАЛЬ

метр скрипучей, как пенопласт тишины —
цивилизованный Ад городка, занесенный снегом.

морозный воздух щипает щеки, как цимбалы,
специально хочет сделать больно ребенок —
белое дитя с хромированной душой, и ты
замечаешь — время зимой работает вхолостую.
буксует.

и тебя настигает мир, который принадлежит мертвецам.
царство нежизни — сиреневое, медленное цунами,
движется по пятам человечества, как мышь за котенком;
этот февраль мне снится до сих пор:
мультишная закладка дочери среди волос в моей голове,
сиренево-стальной осетр завернутый в газету,
и мертвые словечки пропитываются слизью, чешуей,
контактными линзами; ты прочтешь — «февраль»
над входом в белый лимузин безмолвия,
отороченный следами собачьих лап: слепки, формочки
для отливки тюльпанов. зимние узкие дни —
тропинки, вырубленные в скале, в айсберге, приведут тебя
сквозь белоснежные лабиринты в супермаркет, мясной отдел;
расчлененный минотавр красный, мягкий мрамор
в пластиковых пакетах, и ты
вздогнешь — эти минуты б/у,
отполированные множеством сознаний, как ручки дверей,
здесь уже кто-то жил до тебя,
дышал конденсированным воздухом с ароматом мандарин,
целовал этих глазастых, глупых женщин,
слушал легкую вибрацию, рекламные акции под Вивальди,
говорил мертвые словечки, общие фразы.
минуты, как сверкающие педали,
но тормозной шланг перерезан.

* * *

мои любовницы,
смываю с вас божественную позолоту.
вы не ушли — вас намотало на зубчатый вал времени
за легчайшие ажурные колготки.
вы растворились в бескрайних ночах прошедшего,

как жемчужины в чашах с лунным вином.
вы бережно или небрежно ухаживали за мной,
самозабвенно ласкали медную лампу Аладдина,
не ведая,
что некоторые желания накрывают всю нашу жизнь,
как облако саранчи кукурузное поле
и небо над полем.
Вселенная разжимается, точно гармошка царя Гороха.
мне было хорошо с вами, но и без вас неплохо.
спасибо, что в суровые зимы вы были со мной —
украшали горностаевыми мантиями голого короля.
я щедро отблагодарю вас.

в реальности Мона Лиза стареет и на холсте,
шедевр исподволь превращается в старуху.
и бородавки, как репа,
проклевываются сквозь засохшее масло.
что же делать? проклинать Леонардо?
лаская ваши текучие песочные тела
(похожи на макеты пустынь в парижском музее,
масштаб: один сантиметр — сто поцелуев),
я грежу о лирике, которой наполню вашу
виолончельную пустоту.
я построю великую башню из стихов —
похожую на шахматную доску,
скрученную в бараний рог,
с балконами, с ревущей от ветра вершиной;
вершина присыпана солью, как снегом,
и крылатые олени из Швеции слетаются на солончак.
и вы будете жить в моих стихах, никогда не старея.

каждой достанутся лучшие платья метафор, сравнений,
только не деритесь,
не выцарапывайте друг дружке глаза.
я поэт, и пустота женщин принадлежит мне по праву.
старинное, зачитанное до дыр письмо
с признаниями в любви молодого патриция

лежит у каждой девушки под подушкой.
я ухожу от вас, мои красотки.
я вырыл ров вокруг замка личной жизни,
налил дождевой воды и запустил крокодилов.
такой себе индийский раджа
с пятном белым от зубной пасты на лбу.
переписал все сокровища сердца на любимую жену
(пусть не знает, что я спрятал в офшоре).
прощайте же, красавицы,
с самого детства рисующие сами себя,
сами себя медленно пожирающие,
ибо бог красоты терпелив, но прожорлив —
жестокая, умащенная маслами, змея
с тугим золотым ошейником.

* * *

главное вовремя родиться: не сильно рано,
когда еще только закипает сероводородный бульон
в планетарной кастрюльке,
но и не сильно поздно, когда уже хищно и сонно
перемигиваются золотыми огнями
антрацитовые, как уголь, компьютерные пустыни.
да умудрись, чтобы по дороге тебя не слопал тираннозавр,
кровожадная башня из мышц и инстинктов,
чтобы не сожгли на костре средневековья,
милосердно напоив белладонной,
не стерли в мясной порошок в какой-нибудь
мерзкой и священной войне, но разве бывают другие?
как же найти свое время и место, место и время,
если ты герой несуществующих миров?
если ты космический Печорин/Лермонтов?
озираешься сквозь серый звенящий рассвет —
раскладываешь лучи по бархатным ящикам бытия,
как столовое серебро: ложки к лужам, вилки к аллеям.
куда же теперь ты попал? встроенный модем

в височной кости мгновенно ловит вай-фай:
вождь Ким Чен Ыр ласкает желтого пуделя,
доллар — серо-зеленая, плоская тварь — еще в силе,
а демократия в моде: задорно пляшет сторукая вошь.
вроде бы вовремя, многие еще читают книги,
шевелият губами, будто лунатики.
а женщины, гибкие, как гекконы,
увеличивают груди и попы. пожалуй,
стоит задержаться в этом мире как можно дольше,
поиграть в человека разумного, человека талантливого,
человека влюбленного в жизнь, и ,быть может, в тебя.
эй, незнакомец в плаще с кровавым подбоем,
а как ты здесь оказался?
друг, я знаю тебя?

* * *

мое детство было огромным, больше китов.
огромное подводное существо, как Амстердам,
с магазинами игрушек и сладостей.
взрослые смотрели на меня
и видели только перископ
с выразительными карими глазами
на поверхности рубашонок, завтраков, школьных тетрадей.
книги, в которые заходишь, как в сон,
перечитываешь сказки, жуешь бутерброды.
мое детство, я вырос из твоих сказочных замков,
и великану не зайти в дом, куда он залетал ребенком,
обшаривая глазами кухню в поисках конфет.
обжигающий ветер времени
пролетел сквозь динозаврий скелет прожитого,
арки выгнутых ребер звенят.
что-то большое жило вместе со мной,
но вымерло или уплыло в глубокий океан;
но иногда я слышу голос морского ангела —
тяжелый и отполированный, как рельса,
его ни с чем не спутаешь.

* * *

садимся на катер, маленький и тесный, как птичья скорлупа.
и куда нам плыть, куда?
но нам не хорошо и не плохо, и по-другому — семья,
лодка для двоих, троих, четверых и кота,
и всегда кто-то глупый вываливается за борт,
держи дурака — люби крепко, терпи.
снегопад, снегопад.
белый ангел с черной розой шагает по трамвайным путям,
вразвалочку как пеликан;
зима, спасибо за это, чуть тише,
но как заглушить мотор на катере, нашем катере,
чтобы сбавил обороты?
замедлить время — научи меня.
так водомерки держат целый пруд на лапках;
для игр, любви, нежности и глупости — розовая каюта
из картона.
нам уютно.
наша техника, посуда, одежда и надежда,
спасательный круг из крашеного пенопласта —
то есть спасется одна?
комнаты со сверчком, стиральные порошки и
послушные джины самсунга.
наши семейные вечера, как белое вино со своего виноградника,
мы топчемся по ягодам, смеемся, расслаблены и просты.
шкодливый доктор Хаос растворяет бабочек в животе экрана —
обычным аспирином, диклофенаком;
я делаю тебе массаж,
есть в этом нечто новорожденно-тюленьё;
дочь рисует на ковре, скрестив ноги по-турецки;
банальное счастье тонущих, не тонущих, плывущих на катере.
пусть всегда будут мама, папа, солнце, я,
и Барсик. эй, ты куда?

смысл жизни заводится с третьей попытки,
и я механически выстреливаю в небо сигнальную ракету
стихотворения.

мы тонем или нет? спасут нас или нет?
есть здесь кто-нибудь, в океане миллиардов, кроме нас?
и я держу веру, надежду, любовь, мраморный кулак,
отбитый от статуи.
нельзя уйти по волнам, взявшись за руки, но
это наша привилегия,
рай в пути, в шагах, объятиях, ошибках.
и наш катер сносит не к водопаду, и не к точкам, нет,
но к запятым бессмертия, быть может.

* * *

жемчужное ожерелье поздних туманов —
когда неважно, куда тебе идти, ибо ты внутри
пахучей сырой слепоты,
тонко вибрируешь, как муха в молоке;
катаракта осеннего тумана
со влажными стволами,
со стрельчатыми прозрениями,
и вся жизнь длится — неразумное опьянение.
но неба нет, только низкий сводчатый потолок,
легкий, будто жука привалило куском пенопласта,
но он может бежать по своим жучьим делам.
в таком настроении термит
с особым чувством
впивается в деревянную ватрушку.
жует вкусную целлюлозу. в такие моменты —
стихи всплывают в голове,
как затонувшие корабли,
со слепыми устремленными женщинами на корме;
и весла чуть светятся зеленым в тумане.

* * *

молния, как белый котенок, прыгнула
под каменный стол мясника.
грозовое облако растет, как синяк

на ноге — больно ударился о дверной косяк.
солнце как дверной глазок,
залапанный жирными пальцами.
остатки голубого неба заволакивает серым —
толпа армии Чингис-Хана впервые увидела море,
и в одежде и сбруе бросилась в волны
с гиком и гаком.
предчувствие дождя прекрасно,
как день зарплаты.

* * *

да сколько можно писать про эти спальни,
но что поделать,
если просыпаться с тобой одно наслаждение —
так привидения нежатся под побеленными потолками,
трутся фантомной кожей об известь.
по сути так мало нужно для счастья:
пробник с эндорфинами,
солнечный лягушонок любимой,
препарированный лаской и нежностью,
зажимы касаний, красные скобы дыхания.
и слюна реальности вмиг высыхает,
точно яд гюрзы на горячем камне.
каравелла длинных спутанных волос,
с якорями, водорослями, сережкой (забыла снять)
покоится на сгибе локтя, на отмели,
изучает пупок: пустышка небытия,
дверь, заложенная кремовым кирпичом,
оттуда мы выползли —
из оранжевой овальной тьмы.

спасибо, Господи, что достал ребро,
заиндевший слиток из холодильника,
растопил, переплавил в золотистую реку,
а женское тело — речное дно на мелководье,
опускаешь руки по локоть в плоть ,

гладишь песок, вязкую шкуру прибрежного зверя,
веерные ракушки сосков,
и промелькнет малек родинки.
и не важно, кто входил в ручей до меня.
я не хочу знать, откуда этот тонкий шрам
от кесарева сечения. на раз-два-три
вымрете все акулы. хитрая рыбка
улыбки, и лобок — бритый причал,
и даже если я сейчас ерунду написал — это не страшно,
но где-то рядом притаилась глубина,
настоящая, темная, хищная.

ПСИХО

грачи орали в микрофон,
и весенняя капель зеркально морщилась в лужах,
и ворона с лицом голодного ребенка
жаловалась на жизнь кустам остролиста
и дворнику Ефиму.
а я искал любимую
в прозрачном лесу девушек,
и каждая девушка вертелась каруселью,
и щебетала на птичьем: «я здесь! я здесь!..»
но лопалась застекленная ложь многоэтажек,
акварельный весенний обман расплескался.
не солнце светило, а лягушонок
колыхался в запотевшей колбе со спиртом.
золотистые блямбы играли в хлопки,
береза стояла с пустым кулечком в руке,
как сумасшедшая пловчиха
(или Венера Милосская, упакованная в полиэтилен).
она невпопад смеялась грачами,
но смех не взлетал высоко,
отражался от мокрых деревьев и стен, от света и луж,
как ангельский голос в соборе.
и праправнучки снежинок с грацией ртути
текли по дорогам — по своим журчащим делам.

хромированная Венеция,
заросший в блестящих трубках и раструбах Harley.
не обращая внимания на хрупкий храм февраля,
я не мог прийти в себя.
последний снег лежал на затылке,
как обедненный — нет — как нищий уран.
весна — день открытых дверей,
перерезанных вен и рек трамвайными проводами.
нашествие фальшивых алмазов, ре-дизлов.
румяная печать снегирей разломана.
вот так в феврале береза надела мамино платье,
и подол ветвей волочился по мокрой земле.

* * *

ты смотришь на меня.
зеленый звериный взгляд
обволакивает меня,
заводит меня,
как запах кирзовых сапог заводит молодую овчарку.
твои чуть приоткрытые губы —
последнее, что я увижу в своей жизни сегодня:
розовый пищевод изнутри питона.
ты кошка (сексуальная кошка)
умостилась на моем животе.
и так по-кошачьи вытягивать ногу
можешь только ты.
эротическое кунг-фу.
связки и сухожилия натянуты, точно эспандер.
там, где у ангела растут крылья,
у тебя расстегивается французский лифчик —
что, в общем, и отличает тебя от ангела.
стараюсь писать о тебе
и не соскользнуть за ту грань,
где блестит и мертвеет мускулистая пустыня похоти.
твое тело — нежная пустыня, наблюдаемая с высоты
самолетного полета

(пересыпать из ладони в ладонь
нежный песок твоей кожи
я могу до утра).
вот караван маленьких родинок,
вот оазис бритой подмышки в серых лучах рассвета,
минареты сосков
(лики Будды, высеченные в камне),
и призрачный город богов среди раздвинутых скал.
я целую твоё тело.
я фанатик-муравей в нирване
среди вкусных запчастей для бабочек и стрекоз.
о слепая грудь Мадонны,
вечно ждущая губ младенца.
и мои губы репетируют великое действие,
а ты с любопытством смотришь в меня —
в слегка волосатое мускулистое зеркало,
умеющее интересно врать.

* * *

справедливые люди инкарнируются
в скальпели, бормашины,
прорастают фиолетовыми лилиями
химиотерапии.
чтобы стать младшими братьями смерти,
чтобы причинять боль по справедливости.
а ведь жизнь состоит из
фантастических несправедливостей,
нечестностей и хитростей,
прекрасных и ужасных,
как флора и фауна, и фавны джунглей.

* * *

привет.
в небе висит ущербная луна,
кривая и желтая, как ноготь цыгана.
и облака — украденные кони, закутаны в туман,

а копыта в мешковину, чтобы не спугнуть.
бесшумно скачут по небу, опрокинуто,
точно это отражения, а коней
нужно искать внизу, на земле,
среди спящих домов.

* * *

Девочка из блестящих скрепок,
золотистых кос и плюшевых грез,
помнишь ли ты наши живые пещеры из одеял
(внутри жадно дышала теплая пластилиновая тьма)?
Наши шалаши под муаровой сенью абрикос?
Помнишь первобытную влюбленность пещерных людей?
Яблоко, бутерброды, нелепая кукла, водяной пистолет.
Как домашнее задание Бога,
мы бы смогли воспроизвести человечество целиком
окажись вдвоем на другой планете —
просыпаясь каждое утро в сиянии голубом.
Глубоко в тебе сидит грудастая прародительница-мать,
похожая на важную торговку овощами возле универсама.
А во мне затаился охотник и воин —
матерая обезьяна, покрытая шрамами.
Это детская дружба мальчика и девочки.
Эпоха чудес вспыхнула, как просыпанный порох,
но не сподобилась на взрыв сверхновой.
Зарос глупыми мышцами аленький цветок.
Самоистребилось время волшебства,
словно Бони и Клайд зашли с ружьями в Диснейленд.
И вскрывая деревянные полы в старом доме
(по нежилым комнатам важно прохаживаются
дряхлые балероны запустения
и тихо хихикают по углам паутины),
я нахожу под досками скромный скелет кошки.
пианолу детской мечты.
Кошку звали Ясей. А как же звали тебя,
золотистая девочка?

* * *

Девушка работает в саду.
Орудует ловко тяпкой и секатором, точно хирург
на теле великана.
Астры и ирисы пускают слюни
и глупо улыбаются под наркозом воды из шланга.
Кошка греется на солнце и смотрит на себя со стороны,
как мохнатая дива в стиле Тициана.
Мне хочется кричать от радости — меня уволили!
Свободное внезапное время бегаёт по двору
курицей с отрубленной головой.
Девушка смотрит на меня и машет мне рукой.
Неужели это такой символ?
Поэт с метлой замечает проспект от листьев.
Поэт разгружает машины с продуктами.
Поэт засеивает чужой двор семенами газона.
Поэт нарезает болгаркой куски арматуры.
Поэт торгует женской обувью.
Приключения судьбы с привкусом Артюра Рембо?
Загорелый, просоленный, тонкий, змеиный.
И если тебя не настигнет пуля, то разобьёт радикулит,
как лжекитайскую вазу с болтами на даче.
Столько прошло столетий, но поэты
так и не научились твёрдо стоять на земле.
Одноногие ангелы,
цапли не от мира сего.

* * *

Бывают поцелуи-улитки,
на них приятно смотреть
и даже хочется дотронуться пальцем.
Бывают поцелуи сухие и скупые, но обязательные,
как присыпка тальком созревшей попки младенца.
Иные поцелуи,
точно прыжки с балки в стог пахучего сена —

твое дыхание перехватывает
от сладкого страха и наслаждения.
Есть поцелуи на каждый день,
как жвачки или влажные салфетки.
А есть поцелуи — отсыревшие спички,
и они злят и раздражают.
Шевелятся, как живые, поцелуи красавиц,
полные напомаженных вшей.
А поцелуи влюбленных юркими ящерками перебегают шею
и прячутся за камнями глаз,
за кустарниками ушей.
Наш прощальный, как петарда, поцелуй
разорвался на автозаправке посреди загородной ночи.
Твердая боль, разведенная в канистре с бензином.
Нет, нет, нет, я не вру — это было прекрасно.
Маленький Будда в красном
кимоно держит тонкую зажженную свечу на носу,
и силой нежности
заставляет горячие капли воска бежать вспять,
верх — к мелко натертым звездам,
в восковицу луны.
А за его узкой спиной рушится целая Вселенная.
Надвигается медленно, как во сне, звездное цунами.
Придет время, и наши губы сгниют, как вишни,
а зубы пожелтеют и растопорщатся, что частокол,
но навсегда останется в детской памяти мира
наш предпоследний поцелуй,
как символ чего-то настоящего и вечного,
символ чистой и не накрашенной любви.

* * *

у нее внутри работает кондиционер.
едва слышно. щелчки.
что-то переключается при улыбке,
даже когда обнимаемся и я целую, внутри —
под блузкой и атласной кожей,

как подснежники сквозь фольгу,
пробиваются слепые ростки.
сквозь внутренний снег, который и свет.
зрачки покрыты инеем,
как своды прозрачных пещер рисунками.
это я выдумываю, конечно, но ее слова
приятно остужают: так в жару
переворачиваешь подушку —
приятной прохладцей к затылку. почему же она
исподволь влюбляется в меня,
как морозильная камера в пачку пельменей?
лежит второй год, пережила семь разморозок.
осколок Снежной Королевы
со вкусом курятины,
с ароматом подснежников.

* * *

ночь.
мы лежим на кухне на расстеленном одеяле.
девичьи груди, моченые яблоки,
бесстыдные позы, выпавший снег плоти,
мелко натертая темнота — синяя свеча на терке.
и воздух насыщен любовным планктоном, посланием.
здесь есть немного тараканов, но нам все равно,
мы пьяные от юности и вина;
пересыхает во рту, поцелуи на щеках и шее
шевелиются, точно пойманные креветки.
вот и мы молодые — лежим ниже уровня моря, уровня жизни,
а над нами, как бетонные сады, висят этажи,
квадратные тонны спящих взрослых и детей.
да, мы на первом этаже высотного дома,
нам постелили на кухне у друзей
после дня рождения М.
чугунный ангел хранитель делает маникюр.
холодильник вздрагивает во сне,
на подоконнике танцует цветок алоэ.

тихие голоса прядут тихие слова,
звуки пляшут отдельно от уст,
как марионетки над спокойным морем.
да, нам не нужна твердая, как копыто, земля.
мы можем спать на лету,
крепко обнявшись, как смерзшиеся окорока
в морозилке.

и созерцает сквозь гардины
муаровый циклоп сознания,
не парализованный счастьем и девушкой,
как совокупаются лошадь и кентавр.
а часть души, чуждая соитию, животной страсти,
от всего отстраненная,
смотрит на звездное небо /зачеркнуто/ на линолеум,
на потолок, на цвет и лоск шерсти, вздрагивание ее ушей,
большие коричневые глаза — влюбленные жуки в молоке.
и пусть реальность утром
хамовато вскрикнет —
«вставайте, пора!»
и нас стальными клешнями разорвет быт,
разъединит смерзшиеся ляжки ангелов
в микроволновке событий.

* * *

мои черновики — ржавые катамараны, —
я к вам никогда не вернусь.
уже не коснется ваших педалей уверенная ступня,
а речка обмелела — зеркальный обмылок волшебства.
остроконечное войско камыша душит течение,
медленное, как пульс кашалота. а помнишь?
извилистая замшелая тропа тянется к реке;
мы — муравьи в плавках,
и нас обвил длинный клейкий язык муравьеда,
втягивает нас со скоростью счастья, солнечного дня.
мы обрызганы бессмертием, как аэрозольной смесью

от укусов комаров.
будто карета мага въехала колесом в лужу
и обрызгала нас,
зачаровала важных сопляков
с надувным мячом и удочкой.
о беззаботное время черновиков.
лежишь в ночном поле как на спине черного коня,
а над тобой дрожат звезды — сельдь в сетях,
или вспухает огнями безымянный вечер.
собор в закатных лучах — каменный одноухий заяц,
залитый морковным соком, сгущается темнота,
медленное скольжение фар на дороге — конькобежцы
разгоняются, увеличиваясь в размерах;
руки, сомкнутые за поясницами, пока не врезаются в твердую стену,
и, грациозно опрокинувшись, скользят уже по небу,
растворяясь в мошкаре фиолетовых зыбей.
черновики людей, черновики стихов.
ошибки, которые не горят. которые жаль сжечь.
и Брэдбери с огнеметом сидит на стуле
в пустой квартире,
задумчиво листает пухлую пачку,
формат А4.

* * *

когда умираешь,
на нежно-абрикосовые поры остывающего мозга
медленно падает
электрический снегопад небытия.
вальсирует приглушенно, будто в валенках.
присыпает уродливые статуи твоего «я» в саду,
напуганного почтальона у ограды.
и каждая снежинка — громадная, желто-голубая —
это твой искаженный автопортрет.
тончайшая промокашка
тает на сухих ладонях. а тебя уже нет,
ты еще продолжаешь прыгать на скакалке яяаяяя,

но уже вяло, по зыбкой инерции бытия.
точно безрукий боксер,
разжимаешь зубами ржавую цепь надежды,
замечаешь, что надежда больше похожа на поводок.
но тебя уже никто не держит.
это — взгляд из временного ниоткуда
в космосе,
где голые идеи — серебристые сгустки ужаса —
перебирают планеты, круглые кости,
в поисках розовой субстанции.

ты уже не ищешь ответов на вопросы
на берегу памяти. воспоминания — головастики миров,
а застывшие волны — прожитые дни,
вертикальные холодцы с хрустальным начесом:
вот здесь ты нашел очки Элвиса Пресли
и бросался в них на упрямые волны
на потеху любимой, как сенбернар.

когда умираешь, мозг еще не верит,
что это конец пути,
еще продолжает отращивать сюжетные нити —
дождевые черви, перерубленные лопатой.
но уже некуда ползти.
даже сейчас ум пробует выйти за рамки себя,
как картина из рамы, дотронуться до обоев.
есть вероятность, что после смерти
есть поле чудес, лотерея инкарнаций,
джокеры и космические гиены;
можно очнуться в раю, в аду, в нигде, или —
но ад и рай требуют сложной нервной системы,
чтобы чувствовать непрерывную боль или кайф.
не хочу ни туда, ни сюда.
две тупиковые ветки для летящей души.
а здесь — власть фантазии, божьей тени.

так легко и монументально думать о том,
когда ты уже не сможешь ни думать,

ни мысленно забегать вперед,
но ты никогда не умираешь: я мыслю и чувствую,
следовательно, следы от улиток на статуях,
кто-то существует из нас двоих:
ты, читающий, я, написавший. они.

ДЖАЗ-ПТИЦА ДЛЯ Д

любимая, прости.
мой Марсель Пруст пуст.
закончилось вино, и в памяти накурено,
и рассвет — медленно седеющий Луи Армстронг —
играет блюз тьмы
на саксофоне
фона.

нашел твои
прошлогодние эсэмэски —
точно деньги в осенней куртке,
вышедшие из обихода,
листья в тумане,
бумажные корабли на бензоколонке.

ты думаешь, что ты особенная —
с волосами, распущенными посреди зимы.
но ты —
лишь красивая тюрьма для снежинок.
их загоняют, как протестующих, в автозаки
твоих ресниц,
твоих распущенных волос.
белые отщепенцы.

наши первые месяцы —
новорожденные львята,
оставленные у дверей приюта в переносном вольере.
кормим их, мутузов, молоком и собачьим кормом,
и они исподволь вырастут:

дни — в месяцы,
затем месяцы — в годы,
в львов-мародеров и самодовольных львиц:
сожрут нас, выгонят, выдавят из Колизея.
или уйдут создавать собственный прайд,
а нам оставят
едкий запах апреля.

погружаю руку в твои волосы,
как в ящик с белками: царапаются, тихо верещат,
ластятся носами, пушистыми хвостами,
а у меня в руке орешки.
миндальные ногти.
ешь мои пальцы.
и ты жадно смотришь на меня
всеми глазами,
как разломанный плод граната.
идея красоты
проступает сквозь твою кожу,
как нож сквозь муку.
ну, иди же ко мне.

* * *

двадцать лет спустя.
рассвет перышком нежно щекочет ее щеки,
бережно касается реальности,
как темечка новорожденного.
едва слышный «вкл» —
и сознание заполняет собой эфир,
и я мелодично картавлю:
доброе утро, любимая.
доброе утро, мир.

да, я все же сдал экзамен,
прошел проверку жизнью, тобой.
и солнечный луч в окне — как Лорка со шпагой.

черт побери, эта лиричность,
будто кот, который всегда на моем плече,
и нельзя не влюбиться, и нельзя не умереть.
но мы настолько любим жизнь,
что волосы шевелятся на голове.
мы вынесем все.
и всех.

* * *

вот Ленин юности балуется
бензином мечты,
вот подо мной колышется
столб из тысячи прочитанных книг,
прожитых людей и повзрослевших детей,
ногтей и пепла,
и я балансирую на нем, как птица
на вершине дыма.

СКАФАНДР И БАБОЧКА

когда умрешь, позвони.
если будет декабрь и голодные синицы.
если будет связь — сразу набери меня,
чтобы вздрогнул под потолком
шершавой шаровой молнией,
небритой щекой.
когда умрешь — расслабься, как я учил.
парашютисткой падай вверх — к ягням, в облака.
не бойся: в опрокинутых желтых волчьих глазах
прошлое — шелковый купол — смотри, не дай отобрать
память
маразматикам и бомжам
рая
на сувениры и белье.
и не оглядывайся.
отпусти этот мир, как шар —

сладостный, медленный антикошмар.
как воздушного змея,
который тебя укусил.

я

законсервирую наши образы,
милые безобразия, как персики,
в колбах/фоторанах/эмбрионах души.
искрящийся, бенгальский голос.

жесткий смех. тату лисицы
на ключице.

блестки бессмертия в словах.

там,

в лобных долях неба, где ты не умрешь.

когда ты умрешь,

расшнуруй корсет ребер,

распусти позвоночник,

стань сиреневым цветком сверхплоти,

гибкой и хлесткой.

выдохни нас.

напоследок — нырни в мою память.

с вышки-вешалки, где осталось твое пальто, —

кашемировая волчица

танцует танго с моим пуховиком.

кипяток нейронов.

ты не бойся обжечься, когда уйдешь.

.

намекни. ущипни меня за сосок

сознания,

чтобы смог перестроить координаты,

перетащить

зенитки, рассветы, рояли.

чтобы сонные привидения по утрам

глotalи соленую овсянку

первого снегопада — сквозь тебя,

сквозь

прозрачный

желудок

окна.

когда умрешь, не переживай о кредитах —
я оплачу,
не волнуйся о коте Кузе — возьму себе,
обещаю кормить и любить.
обещаю: и его переживу.
ибо вечность во мне — как горб.
как гранитное проклятие скал и гор.
это — искусство неумирать,
ибо я полубог.
мы не победили лейкоз, но рубец от клешни
я буду носить в сердце.
помнить, что ты жива.
и — сиреневая Ниагара вечерней неземной грусти,
Хиросима смысла и бессмыслия.
как же жаль городки наших дней,
счастливых япошек минут.

·
когда ты уйдешь, я вздрогну, как ноутбук.
и посмотрю в окно на то,
как осыпаются небоскребы —
бликами, пикселями, пестрым квадроцеплом
компьютерной программы.
разрушая машинный код.

* * *

я слушаю вечерний летний сад:
ракушку приложил к уху.
а ветки роз изящны, хищны, как богомолы.
блики на листьях, кошка вылизывается на подоконнике.
вдалеке верещат белки: скандал на фоне
персиковых обломков заката.
сорока расхаживает по будке — яркая и наглая, как сутенер.
жуки перемигиваются крыльями-антибликами.
муравьи щекочут маленькие ступни
вишням-китайкам.
и тесное, густое движение листьев внутри клена —

куёвдятся темно-зеленые
треугольные рыбы в аквариуме переполненном:
человечество листьев в разрезе.
и повсюду разлита невинность,
хотя здесь ежесекундно кто-то пожирает кого-то.

груши, как пьяницы, доходят под газетой на столе.
забытая чашка с глотком дождя и чая,
ветер плывет на спине по саду.
жена играет в смартфоне,
отрачивает сигаретный жемчуг на блюде.
и я прислушиваюсь к саду, будто к сейфу — вор:
щелчки, дыхания, шорохи и всплески звуков.
я проглотил наживку тишины.
сейчас я слышу жизнь. вижу жизнь.
и жизнь — смуглая богиня со змеиной головой
показывает мне: смотри, как виртуозно и нахально
импровизирую
на выпуклых клавишах мгновений.
совпадений. рождений и обедов. ярких красок.
маленьких смертей.
смотри и слушай. и запоминай.
на большее сейчас ты и не нужен.
внимательность. медитация, но наизнанку.
Будда неспящий
с широко открытыми глазами.
и, может быть, это — слияние с вечностью,
так парусник во время шторма
сливается с волной.

и сны внутри меня, и сны снаружи — подружились.
облака дельфинами, плацентами отражены
в озере времени.
я осязаю красоту и трепет энтропии,
хаос, глубину.
слышу музыку листьев, хитина, шорохов и блеска —
узоры, розы, грозы, рельсы — все совпало.

и если кто-то неосторожно сейчас заденет жизнь мою —
стрела, инфаркт, метеорит — я не поверю никогда, что умер,
что такое может произойти сейчас.
нет, только не сейчас.
как же прекрасно и больше, чем бессмертно.
вот это все — сад, я и жена.
а ночь наступает — картой дамы пик,
шелестящая карта тайны. и по затылку
пробежались мурашки — как водомерки на отвесном пруду.
я был. я есть. я кем-то буду.

* * *

родина. говяжий череп
в вересковом поле.
родина.
на ощупь — мокрые рисовые зерна
под струей холодной воды —
и я погружаю руки в кастрюлю,
промываю память:
белое, голубое, глупое.
родина.
завшивленная больная кошка Рита,
и когда обмазываю ее керосином — до горла —
все паразиты, все вши государства и
идеологии
убегают на голову, мохнатые уши, морду и лоб.
внаглулю перебегают
покорные зеленые глаза.
но родина — это только мое,
только для меня.

каждый живет и любит свою родину —
маленькую, как кошка.
жестянка с вкладышами от жвачек,
старинными монетами.
за свою родину не нужно умирать или убивать врага,

ибо ты в ней и так растворяешься —
в родном крае,
точно жменя дорогого стирального порошка
в Ниагарском водопаде.
лети. исчезай.
ледяная чистота времени
со вкусом людей и чудес, которые любил.
родина — это твои странные мысли.
еще раз отведать спелой шелковицы
с громадного дерева возле цыган.
побродить босиком по мельчайшей пыли сиреневой,
нагретой солнцем.
встретить золотистую девочку Яну.
родина — это не парад военных монстров,
саранча цвета хаки.
не салютная пальба в честь идей,
не холодный змеиный взгляд
сбольшебуквенной Родины-Матери-Терминаторши:
пожирает своих сыновей и дочерей,
щелкает, как черные семечки,
миллионы жизней.
нет.

комод, там спрятана прядь младенческих волос дочери
и лимонная рубашечка, в которой я
родился.
родина — это родинки, магические места,
где прошло
мое детство
и юность. где я отразился статуями и скорлупой,
где отравился Мадейрой и мечтой.
родина — это радуга прошедшего,
она манит. так магнит притягивает
привидения из мельчайшей металлической стружки.
это зубчатый танец ностальгии,
грациозных, печальных носорогов.
металлические зыбкие узоры танцующие.

родина — розовая кость поломана,
но не хочет срастаться
с протезами государства и партий,
с позолоченными спицами прохиндеев
и негодаев.

моя родина — это женщина в леопардовом платье
клеит пластырь на палец ноги
(гуляли в бетонных джунглях). моя родина —
это полоска ее обнаженного живота.
это ранец моей дочери.
это карамельный аромат
кофейного вечера и вплетающийся пьянящий запах
шашлыков.

моя родина — это радостная сорока
(точно выиграла джекпот)
с зеленым пакетиком крысиного яда спешит, шагает
ранним утром
по крыше сарая.

моя родина — это мои слова.
и весь мир, который хочет уместиться в стихах,
как кентавр — хочет обладать женщиной и жрать овес.
Вселенная, сыпаемая в мешочек созвездиями, —
моя родина.
все, что я могу полюбить.
все, что может причинить мне радость и боль.

и это грозный лес на берегу озера
точно темно-зеленый дракон присел для прыжка. вот-вот.
родина — это тот, кто нас заберет. перенесет нас
через болота и пропасти тьмы и горения, исчезания.
родина родина родина, все мои глупости и разочарования,
переборы гитары в павильоне детского сада,
футбольные баталии с древнедетским матом,
жемчужные пижамы утренней дымки,
шелковистая влажность женщины любимой,
устрицы во рту поцелуя. родина — это тьма,
где согреваешься памятью, как коньяком.

речка наша — родина. речки, где мы купались и тонули.
наша родина — это пуля, которая дура и облетала нас,
это манящая вонь коровьего навоза,
это звяк колокольчиков и закат во все небеса:
розовый рояль на
крыше черного лимузина со вспученным лаком.
родина — это мертвая птичка в пруду в ореоле линялых перьев.
родина — это липкая кожа любимой.
и визжат поросята дней, убегая
от безликих и волчьих бандитов с ножами.
и родина — мать, нет, но мама, любовница или сестра,
и я ошеломленно
перекатываю во рту — р-о-д-и-н-а. как молочный зуб,
но не нахожу ему место.
грациозное разочарование. пустота.
с надеждой на возвращение.
моя родина — это женщина в спальне.
это небо надо мной
и письменный стол внутри
(настольной лампы золотистый страус),
родина —
это ты.

ПАРФЮМЕР

06:30.

слепая девушка
шагает босиком по асфальту, держит туфли
на высоких каблуках в руках.
и сама девушка прозрачная,
прозрачная, как вирусная программка
внутри Касперского, и нет желания,
нет возможности ее удалить.
и раскрытые окна благоухают жизнями.
и этот серый свет, стружки мягкие:
кто-то точит карандаши минут;
тихо и ласково трепещет ветер,

будто крыло бабочки на стыке паутины.
утром мир так ясен и прозрачен, понятен
и девственно мудр, как голодный пес
перед пустой вылизанной миской.
а потом — точно огражден от нас
сеткой от мух.
и вот — изоляция.
тонны свободы
и времени рухнули на нас,
как чистые воды на полудохлых рыб,
и мы не знаем, как двигаться, дергаться;
что делать?
вспоминаем, что мы люди,
что мы живые, что любим и боимся,
чувствуем ценность,
будто канделябры, очищенные от жира скотобойни:
это бронза, черт побери, а это костер.
это коронавирус, а вот и сама смерть —
осторожна, чутка,
как слепая девушка в бутике парфюмерном:
на ощупь выбирает флаконы, нюхает. нет, не он.
и роняет на пол, и идет по осколкам,
благоухающим ароматами.
а вот тех открою, а тех нет, нет. и падают на кафедру
жизни: дзыньк. дзыньк.
и ты замираешь — бутылочка с запахом жизни,
обнявшись с бутылочками, которые любишь.
зажимаешь ноздри, не дышишь.
проходи мимо, самка парфюмера, проходи.

* * *

а я, шанхайский барс,
каждый день пишу что-то в Красную книгу,
обреченный на бессмертие вид.
одиннадцать лет — море пней,
срубленных дылд-дней,
но нет корабельных сосен, нет.

* * *

читал Шопенгаура
вместо Шопена и ягуара.
увяз.
философские болота
и болотные цапли знаков вопросов,
унылый пейзаж ума.
парадокс. паук с лапами, завязанными на узлы.
философия —
это как учиться целоваться на ящерицах.

* * *

моя любовь к тебе —
это детеныш аллигатора,
которого прячешь в ванне
но не в силах удержать на поводке
«я тебя люблю».
скребет когтями по эмали. даже спустя годы,
даже спустив своих самых свирепых псов с цепей
ностальгии. но они никого не кусают,
а зализывают фиолетовые раны
заката в лужах,
в костях-говяжьих-облаках.
прошлое — это скотобойня.
всегда
скотобойся.

* * *

за моей нежностью прячется зверь.
любимая, ты слышишь будущее — рев лесного пожара?
это завоеватель сжигает каравеллы в порту
перед нашим неотплытием.
нам навстречу несутся горячие облака —
двухголовые белки дежавю,
нам некуда спешить. смотри же, как красиво

оппадают лунной пеной наши мечты
на маслянистые воды гавани,
и Титаник
еще такой молодой — такса, закованная в броню,
с четырьмя сосками на спине, презрительно нюхает волны,
не чувствует беды, большой и белой.

но есть ли интуиция у вещей?
предчувствие борща, который завтра скиснет, или я доем?
если бы не врожденный оптимизм
(бросаем монетки в море, сажаем столетние груши),
нас сжигало бы заживо осознание реальности,
как спичкой — тополиный пух.
нельзя на мир, как на солнце, смотреть прямо,
взглядом, не затуманенным пылью, мечтами,
это — буфер незнания,
и каждый раз нас отбрасывает назад, ломает,
как манекенов в автомобильном краш-тесте.
проносятся борзые юности, лунатики с айфонами,
а где-то в Калифорнии насос, похожий
на молящийся молоток, присосался к нефтяной вене,
как будущее к прошлому.
кто-то заготовливает нас впрок,
как дрова или нефтяной сок.
ты слышишь? там, в будущем, без нас
смеются и грустят наши дети, едят груши;
теперь мир — простуженный гигант —
опирается на их плечи,
творец еще слаб,
еще не может без нас.

обещаю, я буду любить тебя
до шипучего истаивания воспоминаний и дальше.
однажды разгребу клешнями пепел: уже не человек —
существо из тысячи глаз, найду
эти милые кости, сережку, кольцо.
гостя из будущего, услышь же меня

сквозь немолчное турбинное гудение слов,
сквозь красный зуд кровеносных систем,
найди меня в будущем... того, кто уцелел.
посланника, короля морщин.
постаревшего голубя с гербарием в разошедшемся клюве.
о, как же долго летал я над водной гладью,
на рощами и небоскребами,
накрытыми ласковыми солнечными цунами,
но я не нашел тебя и ковчег — только Слово.
только символ, отпечаток ботинка
в окаменевшем пепле времени.

* * *

нас нет, только тени в стихах.
представь проекцию бытия
в голове Бога —
планета закончилась, как фильм, но в уме
Вселенной воспоминания поют
и длятся, и люди
вытягиваются
вертикальными столбиками символов,
птенцы дыма.
вот оторвались от земли.
что-то остается навсегда и всегда.
третья сигнальная система
привидений.
нет, я не буду жить в своих стихах.
но не исчезну, и неважно, читают меня или нет, —
это лишь мышиный помет идеи,
на жаровнях бронзовых жуками сад.
но я рядом где-то.
вишневый гибельный цвет.

* * *

Бог как бы есть, но сейчас его нет.
он, будто мама, задержался допоздна на работе.

вызволяет бегемотов из марсианских болот
в созвездии Циркуля.
а внизу
плотоядно сверкает вечерняя набережная —
точно зубопротезные керамические мосты.
а мы с тобой — неразумный космический вирус,
кариес,
неоновая реклама — зубная паста мятных звезд,
золотистые валики огней стирают нас.
мы с тобой всегда последние люди на земле —
что сейчас, что тысячу лет назад.
изменился лишь сад разбегающихся смыслов
внутри.
и хищники снаружи.

* * *

пока она трахается с мужем, я
вытаскиваю новое стихотворение —
овсянку из колючей проволоки.
не дергайся, птичка,
глупое ты мое стихотворение.

на широких плечах я тебе принес
зиму:
сонного гнома в джинсовом балахоне,
дом с лошадиной челюстью.

кислая вонь из раковины,
и в кастрюле отрубленная голова борща
медленно, как во сне,
шевелит капустными волосами.
(твою мать, есть еще что пожрать?)

на кухне журчит радио — масло на сковороде,
жарят свежие новости — военные потери,
вирус, курс денег. женщина расстегивает молнию

на моем затылке:
и засовывает руку по локоть в голову,
как в лисью нору.

влажный нос зверя, но я
ее не слушаю: мои уши
прячут кувалду, наковальню и молоток.
на заднем плане мелькает ребенок —
выделяется на фоне обоев кролик.

я смотрю в окно на солнце — с силой,
с которой бьют в лицо.
а она — лицо в снегу — оттиск мраморной Венеры,
передняя рука подогнута, как лапа у собаки,
оставила мой затылок в покое.
раскинула ненависть веером —
жрать захочешь, меня захочешь — повернешься.
уши, мускулистые уши мужа.

и мир становится невесомым —
упоение созревшего скандала.
она превращается превращается превращается
в валькирию,
в скользкую суку с фиолетовым маникюром.
щурит глаза жирными штрихами ресниц.

да. я поэт, и у меня черновики
больше, чем денег.
больше, чем стихов.
что, не нравится?

* * *

у нее внезапно зеленые глаза
как аллигаторы в прибрежной ряске
за годы так и не привык к ним
черные волосы

как масло выжатое из автомобильных шин
с звериным едким подтекстом
семизарядный револьвер
каждая косточка под кожей — голодный патрон
и щеки горят — еще и еще
вот сейчас
прыгнет на черного коня мускулистого как харлей
и бросит свое тело вскачь судьбе
что же это за жизнь с тобой
взведенный курок у щеки
бешеная русалка на гормонах как на ножах
на улице кухне в спальне в гостях

* * *

тени от полосок жалюзи
остры как бритвы. счищают пух
с персика ее кожи, она лежит на животе,
виолончель телесного цвета в одеялах-Колизеях.
постельный импрессионизм.
она ест виноград с плоского блюда
и дрыгает ножками и ее белые ступни
сморщенные, как моченые яблоки, некрасивые
будто только что вынули из тазика с кипятком.
бледное утро, ледяное небо и яркое солнце.
налево — идти к женщине в каннибализм зимы,
дарить лисьи шкуры, стебли тепла,
и направо, к компьютеру, сцезивать
инопланетное молоко в наперстки стихов.
утро оборотня.

* * *

а ведь однажды начнется отлив
творческих сновидений.
обнажается правда жизни без слов и волшебства,
риффы, кости затонувших шхун,

ржавое рифленое железо, усталость,
мреенье старика с кошачьими бровями
на солнцепеке. и нащупываешь пальцами ног
строки,
ракушки сказанного,
пережитого, мокрый, мокрый песок
вареный жемчуг.
и тогда я увижу сияние далекой деменции,
но до этого — свою молодую жену, ее волосы
в них отражалось солнце,
как птенец страуса в крышке рояля.

* * *

ржавая зубчатая луна —
снятый диск циркулярной пилы.
и уставший Борей прогоняет облака
сквозь узкие лезвия
деревообрабатывающего станка,
точно доски с шелушащейся корой по торцам.
прошедшая гроза
откисает в ведре с керосином.
полнолуние. город — поршень, подшипник, детали
разобранного пулемета
в неоновом масле.
кто укладывает человечество спать?
дантист осторожно вводит иглу с новокаином
в зубной канал.
венецианские каналы вламываются в спальню,
наступает Венеция засыпания,
фантастические
иссиня-черные крысы
медленно плывут в зазубренной лунным светом воде.
ангелы вальсируют
над куполами подушки.

и на ночной город
опускается о восьми согнутых ногах, по-паучьи,

черная колхозница вселенной —
черная, как уголь,
черная, как пуля,
черная, как сажа.
с многоглазым лицом,
побитым звездами, как оспой,
и — выдаивает спящих людей.
убегающее молоко
впечатлений.
тискает вымя лица
сросшимися пальцами
одеяла.

ТВИН ПИКС

1

девичьи колени дрожали,
как отражения свай причала в пруду.
не волнуйся, детка.
любовь — как вращающийся стул:
если сесть на него вдвоем,
то от кайфа закружится голова.
и твои косы развеваются, как цепи качелей в парке.
ты ешь торт — треугольник в прозрачном кульке.
телепаешь его, как японскую пагоду тайфун.
цветущая сакура, сливки и пьяные вишни —
розово-прозрачные, как новорожденные крысята.
мы офигенная парочка.
мы в классе десятом.

2

поджав губы, она смотрела на свои ноги,
будто куст роз
на свое отражение в луже.

электричка раскачивалась —
безумная колыбель
с десятками младенцев-переростков.
лыбые розовые куклы
с небесно-синими зрачками
и съемными, подвижными веками,
как монетоприемники.

а снегопад снаружи копошился,
точно новорожденный
в грязной вате,
и мелькали рекламы сигарет и телефонов —
сбивались в комок,
точно неоновые
черви.
и люди шарахались,
как яблоки, друг от друга,
от веток тьмы и яркого света.

зачем я вышел за ней?
маньяк? казанова? грабитель? поэт?
в другой вселенной
мы могли ходить в одну школу.
интересно, может быть,
я ее уже встречал на этой планете,
в очереди супермаркета
или на дискотеке.
задел ничего не запоминающим,
невидящим взглядом:
статуя подростка с бельмами,
точно кием, толкнула
случайный шар.

но сейчас я тебя рассмотрел.
посмотрел дважды.
и тьма стягивала наши лица в узел,
как пенку

на кипяченом молоке.
наших черт не разобрать
в реке времени.
бог сидел спиной к звездам,
сутулясь еловым зубчатым лесом вдали,
и что-то записывал в блокнот
почерком
шагающего по волнам:
электричка, девушка, снегопад.

ТВАРЬ ИЗРЕЧЕННАЯ

мои слова.
матрешки Пандоры.
коты в мешке.

мои слова,
сказанные семь лет назад. семнадцать лет назад.
двадцать семь.
сказанные заплаканной женщине на мосту.
другу, попавшему в автомобильную аварию.
племяннику в день школьного выпускного.
в кого вы превратились,
мои слова?
проросли в чужих жизнях, как цветы или сорняки?
что вы оставили после себя —
Рембрандта или руины?

я бросал слова как женщин, как дробинки, как зерна.
просто так.
швырял молотки
в толпу стеклянных цапеллюдей.

но
тварь, изреченная однажды
не зависит от меня. растет не по дням,
живет своей жизнью.

тлеет как торф, стучит как верфь.
зверь в дверь.
пылает невидимый огонь в доменной печи.
параллельно моей судьбе
плывет дельфин.
обгоняет меня и заглядывает в лицо
своему создателю. улыбается.
закрываю глаза
и ощущаю иную жизнь — жизнь настоящих слов,
на которую мы наложены
точно калька,
живое слизистое серебро сельди
на полки супермаркета.
и не страшно раствориться, ибо я сейчас везде —
в прошлом, будущем, настоящем
в Киеве, Торонто и даже на Марсе.
потому, что всегда находил время,
чтобы записывать слова:
в тетрадях. на простынях. обоях. паспортах
любовниц. на сброшенных кожах.
на планшетах и старых ноутбуках.
сто раз заложенных
в ломбард.

вот почему я поэт.

* * *

иногда захожу во дворик церкви X.
три пушистых елки,
рядка гвоздик и пионов,
и невысокая, как слоненок, вишня в углу,
а вот гранитный выстрел — могила попа.
ангел с крестом, похож на Дон Кихота.
и, тронуты увяданием, в вазе пачкой торчат
зелено-желтые тюльпаны,
точно связка умерщвленных цыплят.

трусь о веру, как кот о ногу хозяина:
мррр, веррррую.
спасибо за вискас, за ласку.
за каждую минуту, золотую рыбку.
но отпускаю рыб в реку.

Боже, мне так нравится жить.
аж челюсти сводит от сильного чувства:
вцепился в мгновение, как жадный пес —
в сливочную кость,
не отдам.
но и не в силах разгрызть
эту вкусную, неразумную любовь к жизни,
и зубы сами собой разжимаются,
как пальцы альпиниста
на предельной высоте.
и день падает, как падалица.

нищий возле входа в церковь,
одноногий бандит — загорелый до коньячной черноты,
наколоты перстни и трефовые тузы на пальцах —
гладит пузо седое
развалившемуся Тузику в ногах
и улыбается
червивой накипью зубов,
и тает нестираемый знак — Слово,
и небо над церковью
такое большое, громадное. линия синева.
и супермаркет — рядом с церковью тихо стоит —
«КЛАСС».
продольная дылда почтительная.

черный Есенин, черный Моцарт, черный Ленин,
всех спрячет в себя тьма.
тьма как мать — рождает нас обратно.
впитывает наши души,
точно пеликаны — пролитую нефть.

внутри меня кричит
тьма —
черной сверкающей нутрией,
пойманной не ради меха.
а просто так.
просто так.

я сегодня приду во дворик церкви X,
наберу ледяной воды
из источника
под ступнями мозаичной девы Марии.
прошевелю молитвы-омары в душе —
за всех живых и за тех, кто уже за чертой.
вытяну вены из своего тела,
как шнурки из кроссовок.
и воспарю.

я верю, но я и не слепну.
и за моей спиной
шелестит — божественно-печально —
необъятная меланхолия:
серо-зеленый вентилятор во весь горизонт
и громадные лопасти медленно движутся
над океаном,
над пропастью во ржи.
и я иду, шатаюсь, как зуб.

* * *

рябина под моим окном —
настоящий тигр, распавшийся в прыжке
на едкие пиксели, фрагменты.
так и завис в пространстве хищник.
тугими пучками темно-оранжевой плоти и ярости.
полосками неба, листьев, коры,
с оскаленной стеклянной пастью
окна.

* * *

перерезаешь стропы сна,
небрежно складываешь парашют, шелковый купол.
вещи вспыхивают, как магнезия на старинных фотоаппаратах,
когда их осознаешь .
шкаф, стол, компьютер, комод.
а она, жаворонок, уже приготовила завтрак,
овсянка, яичница. новый день
новый шаг в синюю бесконечность .
и паркет под нами дрожит, упруг
как доска-трамплин на вышке бассейна:
как же здорово соскальзывать
в горизонтальную пропасть нового дня,
вдвоем, взявшись за руки.
лягушонком прыгает свет на подоконнике.
первые часы сознания,
несколько минут
настоящего дня
рождения.
любовь к жизни — зеленоглазая девочка-ведьма,
и у нее вся сказка впереди.
сегодня ее не изнасилуют и не сожгут.

В ШКУРЕ ЛЬВА

нет, он не умер. не выписался.
не спился.
просто уехал в потустороннюю Канаду,
устроился лесником в Огарко.
это неумное дикое желание забыться, измениться,
сбежать и снова найти себя.
одни мускулы и медленная ярость. и хвойные леса.
темно-зеленые иглистые драконы стоят стоймя
со сросшимися — перепонки воздуха — треугольными крыльями.
не пройти, не прорваться.
а по краю развязной от грязи дороги бродят лоси —

чуткие существа цвета грецкого ореха.
губастые, глазастые — брезгливо, сердито смотрят на него
и идут дальше —
живые пятна роршаха-леса.
а за спиной — ниже, вдоль клинка рассеченной реки —
разматывается присосками утыканная пнями вырубка —
его прожитая жизнь.
все, что осталось от четвертованных дней,
распиленных поперек времени.
свежее белое горло стволов.

а цепная пила, ручная пиранья, поет: эй, подтяни меня,
напои из масленки.
тяжелый физический труд
выгоняет всю трусость и накипь невыработанного таланта
вместе с потом.
он чувствует себя Львом Толстым,
только без написанной войны и мира.
ночью, сломанный бессонницей, как спичка,
он выходит в лунное поле.

смолистый аромат. его можно вымять из воздуха,
как пыльцу пчелиного воска.
и куртка цвета хаки покрылась смолой —
сваленные сосны шепчут шелкопрядами ветвей:
ты такой же, как мы,
тебе некуда больше расти.
тебе не спрятаться за бородой.
вселенная найдет тебя и здесь и спросит —
почему не рос?
взыщет
за каждый бездарно прожитый день и час.
годы-единороги, которые ты застрелил
ради драгоценной кости, прихоти.
она выдавит тебя,
как гюрзу, из грозы —
дергающаяся белая палка-молния,

точно канат в школьном спортзале — давай полезай.
и ты пьешь кофе из термоса и слушаешь, как
черный дрозд в ветвях продирает горло, поет, резко елозит
наканифоленным смычком
по синему пенопласту воздуха.
как же здесь хорошо. и нечто — ребенок-ленивец внутри —
упирается
маленькими ступнями в потолок,
как письмо в бутылке — в горлышко.
но не выдавить эту пробку, эту хвойную тишину.
дальше некуда расти — ты в море застывшего бетона.
а корабль сгнил.
неужели это так?

* * *

когда она уходила — она перевернула его
как пепельницу с окурками
на пластиковую скатерть.
недоварила борщ, недостирала белье.
но спустя недели, месяцы, годы
она все еще была с ним.
он чувствовал ампутированную часть души.
так чувствуешь строки поэтов серебряного с прочерную века
засевшие в памяти намертво:
живые осы в янтаре.
или матрешки-паразиты — матерные частушки:
мимо тещино дома я без шуток не хожу.
заноза разлуки
в его сердце проросла.
саженцы вишневого дерева — здесь будет сад.
но фантомная жизнь
живет своей жизнью.
живет моей жизнью, жует мою жизнь.
нет, ты перескочил с ЛГ на себя как блоха.

ну и что? а ты съела темную ягоду.
одну, вторую, третью. теперь ты —

самка леопарда.
у тебя вкусный клитор и твои волосы после душа
пахнут весной, дорогим шампунем, и кожа звенит
лаком новорожденной виолончели.
и мой (censored) радуется и поет как Синатра.
сейчас мы — иероглифы-жуки — сцепились.
на кровати. переплелись смыслами. запахами. ДНК.
все смешалось в доме верлибра,
в спальне из песка и тумана. я пью муаровую
лань, мерцающую лень.
очей твоих очарование пью.
ловец жемчужин.
когда ты кончаешь — смотри мне в глаза.
смотри.
пльви ко мне на паруснике для двоих.
а теперь мы просто дышим.
просто лежим в спальне попами на боку — ммм —
как же это правильно сказать по-русски?.

нет. с него хватит. срывает лицо.
и видит жизнь со стороны —
блюде инопланетян рухнуло в джунгли,
а он барабанит в титан — где выход?
есть кто живой?
но никто не отзывается. только
город зимний утренний, еще темный
и беспомощный, как жук в миске с манной кашей,
барахтается лапами. лудит.
вздрагивает от шума снегоуборочных машин.

и он ощущает нутром:
ангел энтропии
выкручивает отросшие волосы
на дурной голове.
на стыдно молвить где.
как постиранное белье.
делает из черного —
серое, стальное.

* * *

тощая костлявая красавица
с чуть рыбьим лицом — намек на прабабушку-русалку,
прозрачные голубые глаза.
тот случай, когда красота на грани провала,
обаятельного уродства, и в этом вся прелесть женщины —
дикий виноградник на краю пропасти,
корни, пробив грунт, торчат в воздухе, как ястребиные лапы,
и хочется сорвать эти ягоды
между небом и обрывом.
призрак синей лисицы. ягоды, прозрачные от солнца.
и ее прохладные глаза,
как плитка в бассейне у входа в женскую душевую.
смотришь ей в глаза — приложил раскаленный утюг
к зеркалу. вот этот звук.
вот она,
сила странной красоты.
кристаллы лопаются, как капилляры.
и ты
выделяешь наглость, адреналин, гормон
глупости. идешь вперед.
ломишься, как полено в костер Жаныд'Арк,
а потом наступает она — горизонтальная
пропасть женщины — мягкая и болочая.
и поцелуи — как хрящи
русалочьих пальцев,
которые обсасываешь в китайском ресторане —
босиком сидишь на корточках у самой кромки
цунами, остановившегося, как локомотив.

это любовь, детка.
это любовь без любви.
это жуки судьбы проползли
сотни метров по трассе под бешеным ливнем.
и нашли друг друга.

* * *

темный февраль хрипло
и протяжно кричал электричками, как отравленная слониха.
и в окне тарабанился дождь.
и звезды «мяяяяуу» сквозь тьму —
шершавые сиамяские кошки трутся о колени вселенной.
«кто я?
кем создан?
смысл жизни? когда и куда
уйду.»
пробирает до костей эта философская дрянь
теплой мерзкой зимы.
и дождь как прозрачный жираф
пляшет за окном
между сырыми фисташковыми березами..

* * *

девочка со взглядом волчицы.
полиэтиленовые сумки в ногах.
замерла, синеглазый взрыв детства,
возле семейной общаги.
толкает взглядом, как палкой: дядя, проходи. взгляд злой
и неземной.
обиженное создание, созвездие — забыли назвать,
позвать на вечеринку знаков зодиака.
цунами в колбе — ее глаза.
уперлась метровыми толщами синих вод
в прочные стеклышки.
но мир не пускает.

обидные прозвища. практически нищета.
тараканы кусают спящих принцесс за ресницы.
мир ей только снится,
проносится восьмипалубным крейсером-кошмаром.
а она — крошка,
колючая крошка с уст иванушки-дурачка. и что же счастье?

заглушка для сознания.
так осу закрывают в пустой бутылочке пепси. счастье.
танец пьяного на корабле
вот-вот выпадет за борт. ничего не вспомнит к утру.
и нет у нее крутого/приличного
мобильника,
чтобы уйти в зазеркалье для дылд,
ко всем этим эльфам, барбям, гаррипотерам и котам.
детям и взрослым, посаженным на мягкий
ошейник цифры.

она же — полынь, усыпанная клещами.
торчит в ситце и сланцах у всех на виду.
сторожит сумки матери. небо мутное
и широкое, как скатерть, в жирных пятнах облаков,
и вокруг разбросаны
миллиарды мелких камней-людей.
и каждый впивается в спину и лицо
острой отвернутостью.
замарашка. голытьба.
девочка-цунами, однажды ты
вырастешь
из прекрасного утенка в гадкого лебедя,
психанешь и сметешь к чертям
весь этот модный надменный мир.
маленький отверженный дьявол
сидит в надувной лодке и машет веслами.
горят локоны. и я
прячу глаза. обжигаюсь о ярость.
я камень, я камень. не хороший, не плохой —
один из миллиардов чужих миров.
повернут спиной, свернут, как рубероид.
крестьянин
с маской тигра на затылке.

В ДЖАЗЕ ТОЛЬКО ДЕМОНЫ

рожденный в бомбоубежище,
впитавший войну со страхом матери,

когда наверху ухал филином город.
сваей бился в стены — продольным молчанием метрополитена.
«я родился в счастливой рубашке цвета хаки.»
«эй, потуши сигарету!»
«мама-а-а, Джейн меня укусила!», «тише!»
«спаси и сохрани нас Боже.», «не выключила суп». а снаружи
голубую пшеницу неба пожирала стая
черно-стальной саранчи.
сбрасывала сверхзвуковые личинки —
будто горящий целлофан, истекающий огнем.
дома лопались, как серые тыквы, если по ним ударить молотком.
это потом
солнечный свет придет как откровение,
как толстый, будто надувной ангел —
фельдшер жевал зубочистку и улыбался —
«так, мистер, кто здесь у нас?..»

Господь выбрал тебя
особым образом.
как серебряную пломбу среди патронов.
как пожарный гидрант среди питонов.
ты в это верил всю жизнь, прикладывая веру,
как грелку к своей душе.
рожденный в бомбоубежище.
перекрытия и балки в твоей крови.
кофейни, рыбные бары Темзы, соленый ветер
вкуса вяленого морского конька.
но ты вышел дважды —
1) из утробы матери,
2) из земли и бетона.

рожденный в бомбоубежище.
в твоих словах отсутствует «о», ибо тебе
от страха зажимали рот. первый крик — тебя его лишили.
тебя уронили —
стаканчик пломбира с моста.
но — что упало, не пропало. и чайка на лету

срезает и ловит мороженое
над собственным отражением.
тебе повезло родиться.
даже если война и всюду разлит страх и фатализм,
как прогорклое масло.
и бомбы играют собачий вальс, мешают дерьмо с кровью.
веснушчатая девочка с голубыми глазами
смотрела на тебя в полутьме
будто на живую икону —
напуганная богоматерь с младенцем.

а где-то шарманка без конца наяривает вальсы Штрауса
и негодяй Гитлер кормит любимую овчарку Блонди
мясными консервами.
а ты еще не знаешь запах озона. не знаешь,
как выглядит свет, сверкающее море, лицензия на ловлю
макрели.
теплая акварель материнского поцелуя,
добрые ноздри. нет. рожденный в стрессе и не в СССР.
не вскормленный кровавой муравьиной партийности,
попковым ядом муравьев.
идеей коммунизма. будь таким, как все. будь никем.
смотри — тебе снова везет.

и в небе, точно во взломанном океанариуме,
плавают акулы — в голубовато-розовом тумане —
расшит трассирующим пулеметным огнем.
но ничего. через тридцать минут тебя вынесут
на свет божий.
да, детка, это небо, а это земля.
это разломанные люди, их дома.
это лучший мир из невозможных.
тебе повезло.

а город вытаскивает
из разбитого бока, из раздавленных ребер — уцелевших людей,
как занозы — из каждой занозы однажды

может вырасти дерево, сад или целая роща.
или новый пулемет.
а город пережил бомбардировку, и твоя
маленькая жизнь пойдет плюсом,
чтобы перекрыть 3044 минуса.
принюхайся же, повелитель зверей:
пожары — трясущиеся многогривые львы —
пожирают дома, кусают свои морды отрастающие, как у гидры.
все невидимые звери приветствуют тебя.
нового повелителя
теней.
поэт Маугли.

* * *

я обнял эти плечи
и притянул к себе сад
женщины с кобылами волос
голубыми пульсарами
леопардами в чащах ресниц.
мгновенно запах моря нет показалось.
комната разломана как апельсин

* * *

зимнее утро как смятая сигарета
с просыпанным табаком
с песком желтого фильтра на тротуаре
и следами собачьих лап в мелком неуютном снегу
грязном и тщедушном и дворник курит
возле мусорных баков
как венецианский гондольер с картины Дали —
и проступает красота утра
как синяя густая кровь сквозь марлю
как сияние сквозь плесень на иконе
богоматерь в супермаркете
капля ртути в луже

* * *

пирс умирал как ребенок обхватив себя за колени
обваливаясь в море спинами, отражениями свай
раз за разом отслаивающимися
парусниками
а яхты шелестели как накладные ногти
вертикально под пальцами ветра
и за мучениями пирса наблюдал
затонувший жук-катер с оторванными лапами
и затопленный автобус

* * *

я написал стихотворение,
засунул его в бутылочку цифры,
и бросил в компьютерное море,
а оно зависло.заструилось. исчезло.
как стрекоза рвануло вверх.
неужели там сейчас колибри и носок дочери?
тонущие выбрасывают балласт за борт,
а мы выбрасываем самое ценное — смотри,
воспоминания и откровения рванули вверх,
против течения времени.
против шерсти вселенной звездной и мерзлой.
вопреки и наперекор.
мы жизни свои прогрызли как плодоярки
в мраморном яблоке.
колодец жизни покалечен искривлен
иероглифом.и ведро опускает в него
контрабандист
из созвездия Водоноса.

* * *

кровь звучит громче.
красные джентльмены на экскаваторе вожделения
аплодируют, аплодируют. мигают желтые плафоны.

это кофеин или тестостерон?
спина выравнивается, как у дракона
плечи чуть назад, чугунными ленивыми гириями,
нахальный взгляд охотника без ружья.
кровь кричит, разгоняет ледяных тараканов разума.
струна в животе тянется вверх,
цепляется грубой петлей за шейный позвонок, как за крючок,
никаких скрипичных колонок — сплошная плотоядность,
вот и встретились пожарник и пожар, страх и наглость,
хотят подружиться.

а она тебя обвила
узкими ласками муравьеда.
тайник за ушами, расплавленный жемчуг слюны.
маленькое привидение дыхания — Каспер — гуляет
по ночному району тела.
точно поролон, ты пропитан её плотью, сутью, фамилией,
её ДНК, грибными спорами тысячи родственников.
это ли не вторжение на твою планету?
подмышка как школьный пенал: вот шершавый ластик,
а вот химические карандаши родинки: обслюнявить,
чтобы четче писать.
ты чувствуешь её запах
на своей одежде — зеленая кислотная кровь «чужого»
проела металлическую обшивку крейсера на три этажа.
до самого двигателя внутреннего обманывания.
ты принимаешь душ, но снова возвращаешься
в облако её запаха, как в кокон.
улыбаешься.
насвистываешь чушь, и немного глупеешь.

господи, зачем женщинам столько запахов?
столько удавок,
уловок, изящных арканов, петель, силков и капканов.
танки красоты воюют между собой — стреляют ароматами,
цветами,
тканями, красками, бижутерией.

красота
не может спасти мир, но — только отвлечь,
завлечь на время.

женщина как тигрица в зоопарке,
которая еще не поняла, что решеток нет.

* * *

брызги гравия из-под колес автобуса —
демон бездорожья загорелый и сухощавый, как балык,
скучает, швыряет игральные кости в прохожих, в пустоту,
как косточки вишен, лыбится щербатой пастью,
вот и лес. выходим из автобуса,
лес словно зеленая губка, пропитанная скисшим рассольником
и на губку села капустаница. лес всегда кричит.
особенно осенний лес осенний,
так орет, верещит, истерит
сработавшая сигнализация на ювелирном заводе, а воры —
глухонемы.

мы
ничего не слышим, бродим среди пустых витрин,
присыпанных сухими ветками, бирками с пломбами, пробами
и нитками. все украдено до нас,
все прожито до нас, за нас, если у нас и есть свобода неволи —
то это наша свобода.
давайте же скинемся, арендуем автобус и умчимся в лес,
только спиртное не брать. волшебство бытия
любит трезвость: хрустальные пустышки сознания,
сладковатую мочу девственниц, собранную в полнолуние.
и демон бездорожья загорелый и сухощавый, как балык,
будет нас ждать. купаясь в пыли.

* * *

привет. это мы вдвоем.
два бронзовых жука
на фиолетовых ладонях

крымской ночи.
твари созвездий — лунные ящерицы —
выползают на нас, как на валуны,
погреться под лучами
высшей формы жизни.
вот мы идем спать на берег
к змеиному изножью моря,
как викинги, усталые от любви, соли,
вина. и ветерок сдувает
комариные кружева с песочных людей...
мы на берегу, как на витрине эволюции,
просыпаемся поздним утром
в кое-как напяленной одежде
посреди солнечного гвалта,
зыбких бритв блеска, голопузых людей, —
голые игрушки под тряпками,
точно Золушка вырубилась посреди бала
после седьмого бокала
пузырчатой гадости,
и не сумела сбежать.
любимая, нам есть/будет что вспоминать
в аду/раю, или
в поликлинической нудной очереди
на следующую инкарнацию.

* * *

ты —
с закинутыми за уши влажными волосами,
потемневшими от воды,
похожа на красивую целеустремленную выдру.
ты моешь посуду, радужные пузырьки
прицепились к светлым как рожь волоскам на руке.
ты разговариваешь со мной отстранено,
как разговаривала бы с тупым ножом
начинающая актриса. почему
я от тебя ухожу. почему я от всех ухожу?

прохожу сквозь женщин
как сквозь пещеры точильных камней.
и всегда где-то счесан, затерт сильнее,
чем следовало бы. прости.
мне пора нарастить
новый металл на тестикулах. пополнить запас свободы,
как верблюду — одноименный жир.
а ты хочешь, чтобы тебя помнили. так река
хочет чтобы в ней купались,
теряли золотые украшения и тонули. пока,
четверть любимая. пока.

* * *

лицо девчонки
проплывает в сумерках как камбала, чуть вихляясь.
голубое, светящееся.
мы идем на озеро вечернее — циклоп распахнул свой глаз
во весь рост. глазом небо выпил. молоко бездны пепельной.
мы на озеро идем. локти и примятые травы.
горчит отравы. страсть со вкусом брезента, ромашек
мокрого купальника. перекрученного как петля.
ерепенится мотор машины где-то над городом, деревьями.
огни как птичьи блохи на перьях, а у нас
уста сыры и слова не кипячены. страсть.
и все — обязанности, заповеди, школу,
сбрасываем как балласт. как русалка — ласты.
повизгивает тьма далекой пилорамой.
и мелодично хрюкает созвездие По над хлевом
уже стемнело. уже стемнело.
и замедленные, яростные губы как
у беззубой старой суки — яростно кусает плоть
черными деснами. бьется носом. задыхается.
это август-император каникул бесится
на закате своей власти, бронзовых дней
и мысли о будущем, как новенькие маслянистые гвозди
с легкость их загоняешь ладонью, вбиваешь в арбуз

будущего. не важно, в какой ты поступишь вуз.
мы больше не пересечемся. никогда.
два обрывка расцарапанной бесконечности.
два подорожника, безбрежника.
два пластилиновых щенка.

* * *

и он, вырастая, еще не раз пройдет по сосновой горке
с подругой и пивом, позже — с глазастой тишиной,
вслушиваясь в виолончельную вибрацию сосен и неба,
собирая сплетни общипанных белок,
только догадываясь,
что пересекает землю обетованную,
утраченный земной рай, что промелькнул, как картинка,
как жизнь, как дождь из полупрозрачных пальцев
виртуозного пианиста; и горизонтальный ливень дней
сливается в паучье, крабье, быстрое сияние.

* * *

полет пули за секунду до пробуждения.
прожигает пространство раскаленным прутком.
вот скорчится рожица свинца
в момент деформации.
единственная цель, мечта — зарыться в плоть.
вишневой косточкой — во внутренности оленя.
летающая пуля — ей нечего сказать.
нет времени.
так смерть делает себе маникюр —
пилочкой подправляет абрис ногтя;
так разум на миг торжествует над всем живым и сущим,
так Слово пожирает самое себя,
отрывается от звука и смысла,
точно почка от почечной ножки.

а пуля знай себе
пульсирует в горячем воздухе,

в собственном маслянистом соку.
прошивает золотые подсолнухи маленький демон Ака,
летит навстречу мужику — слепой питбуль —
по серому запаху страха,
один недомиг — и мгновенно сгорают миры,
несутся в пропасть сани с новогодними оленями,
коллекция марок сына, ошарашенные Дарвин, Иисус,
школьные дни, казенная скука ковчега,
первая любовь и серебряное колечко
на 8 Марта для нее.
сотни далеких предков гаснут, как искры костра.
вселенная испускает кошмарный концентрический крик —
черный космический кит в звездных язвах.
но — слишком короткий, чтобы вместить в себя
человека,
быстро осевшего мужика в подсолнуховом поле.
еще одна живая башня с призраками
высотой в тысячи лет
рухнула, как столбик пепла с сигареты.
а палец, нажавший курок,
отбрасывается, будто хвост ящерицей.
чернеет в траве, гниет,
и к вечеру прилетает темный ангел
с мелкими зубами во всё лицо — словно острая терка,
пожирает черный комок.
сверкает паутина в росе —
ниточка слюны — ожерелье.

а где-то она, с колечком, не ведает беды,
незримо наливается вдовством, как томным ядом,
целует пальчики младенцу на пухлых кулачках,
бледно-розовые венчики, семена —
этого кормили,
этого любили.
этого жалели...
ах...

* * *

осенний пляж печален, как брошенная любовница,
и отсыревший песок тосклив и пахнет рыбьим кормом.
осенний пляж: море выросло из лета, из тесных пеленок,
переросло свое детство загорающих надменных фигур,
повзрослело и влюбилось в созвездие Ориона.
и теперь пробует записать стихотворение,
прилепило мокрый лист бумаги в крупную клетку
на зеленый бок перевернутой сохнувшей лодки.
а зимний пляж,
точно седая, коротко стриженная старушка
с маленьким аквариумом в авоське.
в аквариуме на дне лежит аэрозоль от астмы,
пачка пожелтевших газет и мороженная морская рыба.
и закат-ракушка, нежно-розовый изнутри,
похож на оплавленную челюсть.

ЭМПИРЕИ

точно больной зуб,
глубокой ночью дернется лифт сквозь тонкие стены,
тишина передернет затвор —
а я, будто зафлейтенная кобра,
всё еще раскачиваюсь перед монитором,
отдираю строки от зеленого лица,
как мидии с валуна, — росли
за время прилива вдохновения.
исподволь прихожу в себя,
а крылатая душа всё еще парит в эмпиреях,
гуляет по комнатам
зброшенного дворца созвездий —
так олененок, освещенный синим лунным светом,
бродит по картинной галерее,
где серые мерцающие стены
увешаны шевелящимися
мордами львов.

* * *

в окне сверкали огни новогодней ели —
точно там стоял толстый треугольный инопланетянин
в игольчато-зеленом одеянии, украшенный нелепыми
ожерельями, стразами. да-да,
такой неповоротливый гость
с другой планеты, и я подумал: а Господь
правильно делает, что не показывается нам на глаза,
иначе мы бы его задолбали вопросами.
упростили (проще некуда), и вот он неповоротливый,
уязвимо-счастливый накормлен кашей
«славься» до пупа.
нет, боги должны оставаться незаметными —
невидимки во время дождя —
вытягивать нас, как тепло из щелей дома,
как печной дым — только вверх или в сторону,
а там дальше — лес настоящий: ели высокие и мрачные,
великаны, не кастрированные цивилизацией.
и я даже не знаю, кто мне симпатичней —
деревья-волки или деревья-собаки.
боги, которые признали отцовство или те,
что даже не обернулись. только однажды
на прощанье взглянули в окно.
там сверкали огни.

* * *

где заканчиваешься ты и начинаюсь я?
видела, как китайская стена упирается в море?
а куда исчезает твой мир?
серый хрусталь тишины в этих комнатах
впитал наши голоса, сохранил нас,
будто живых саламандр внутри шара
с мокрыми камнями и отрезком ручья.
сколько еще любви и жизни спрятано в этих шарах?
сколько этих волшебных шаров позади нас,
будто пузырьки бессмертия, вьются и беснуются

вдоль времени-пуповины, вне смерти?
а как ты грациозно выходила из моря —
высвобождалась из пышного платья волн,
простирающегося до самого горизонта,
сияя соблазном, разглаживая волосы.
а дальше вырисовывался величественный Рим,
и оползни голубей Google'ились на площади,
и мраморные протезы колонн
подпирали рухнувшие небеса,
и к платанам слоновьего цвета тянулась рука, и ты,
как оса, лакомилась персиковым закатом.
и зачем вспоминаю нас, тебя вне меня?

выжимаю теплую заварку из пакетика чая
на закисшие глаза слепой суки.
это странно, это приятно.
это грильяж истины, об него я и ломаю
молочные зубы воспоминаний,
чтобы взамен проросли коренные.

НОЧНОЙ ИЮЛЬ

расстеленное в саду старое ватное одеяло;
лунный чертог паукообразный
раскинулся над нами шатром ветра,
тонко-металлической музыкой хитинового Баха
в исполнении электронного стрекота сверчков,
тишайшего чавканья, тонких шорохов —
сквозь узкие ветки яблонь и груш.
ночь слизывала нас, как лимонный сок с ножа,
и я чувствовал себя где-то далеко-далеко
в потустороннем Париже, как Эмиль Ажар.
ящером задирает голову от протяжного выдоха
и упирался отуманенным взором в кусты помидоров —
кусты-джентльмены укоризненно наблюдали
за нами, облакачивались на тросточки
в металлической сетке-оправе.

и детский мяч, укрывшись под скамьей,
точно глобус с вылинявшими материками,
бормotal во сне: «забери меня в коридор».
лунный свет притворялся спящей лисой
на поляне, заполненной зеленовато-синими цыплятами.

мы занимались любовью в райском саду,
жадно дышали, сверкали тугими поршнями,
напряженными ногами,
будто нефтяные насосы в Техасе,
мы качали древнюю и сладкую, как черный мед, тьму
из скважин звериной памяти,
и я не чувствовал боли — от ее ногтей,
от досадного камушка, впившегося в лодыжку,
не ощущал растертых коленей —
до консистенции вулканического варенья.
ее тело сияло красотой и заброшенностью:
ночные пустыни, над которыми проносятся
жадные руки — своевольными буранами.
и банальный расшатанный стол под вишней
вмиг обращался под нами
в эротический трон для двоих.

ночной июль —
заброшенная винодельня;
всех нимф вывели отчернивателем,
как яркие пятна с темной блузки природы.
это ночное преступление
с чужой женой, эквилибристика похоти и адреналина
посреди лунного райского сада,
где каждый миг кто-то сомнамбулично
пожирал кого-то.
но часть меня — щепотка — возносилась над садом
и наблюдала за Адамом и Евой со стороны.
вот так время сомкнулось петлей,
как строгий ошейник с шипами вовнутрь,
и зверь Вселенной жадно дышал —
звездами, миллионолетьями.

V

недорисованные портреты художников в юности,
я встречаю вас всю жизнь. ваши седеющие волосы
посыпаны пеплом рукописей —
так посыпают кусты роз золой.
только здесь уже нет цветов —
лишь неброский пустырь да ржавый штырь.
ваш талант в молодости посчитали нелепым, уродливым,
несвоевременным, мертворожденным —
и сожгли в крематории практичности,
как тряпичную куклу Гоголя,
чтобы не рвала пластмассовыми ногтями
шелковую обшивку обстоятельной жизни.
вот так прах Музы, насыщенный кальцием и печалью,
шел на удобрение чернозема, благосостояния,
в пищевую добавку для бройлерных кур.
так лирику перетапливали в жир.

вы, одаренные дети,
несостоявшиеся таланты,
точно средневековые лучники,
попадали в плен общества — вас не казнили,
но уже в школе отсекали мечом
большой и указательный пальцы,
чтобы вам больше никогда-никогда
не натянуть тетиву шикарного лука,
не сыграть птичий ноктюрн на контрабасе неба.
талантливые тени и тени высохших талантов,
сколько вас?
и где вы сейчас?

вы не доиграли, на половине пути бросили
игрушечные скрипки в траве забвения,
но кто-то подберет плюшевое недоразумение,
крокодила Гену с пуговичными диалогами,
и вырастит упертых гениев: сквозь жар, огонь,

слезы, медные трубы радости, характер и пот.
ну что же: я показываю пальцами — v — супостатам
на другом берегу, их лимузинам, пьяным огням,
благоразумному мышьяку «хлеб всему голова».
дразню их — мои пальцы целы! смотрите!
но боже! сколько раз я подбирал нелепые обрубки в траве
и пришивал их кое-как, наспех, обломком иглы
фалангу к фаланге,
верлибр к верлибру.
а сейчас моя муза в длинном вечернем платье,
исподволь перетекающем в ночной океан,
как было сказано выше,
точно палец, подносит к темным губам
двойную стрелу
из трав и пения.
из осколков стихотворений.
тсс.

* * *

окно плавает в чашке с чаем, как поплавок,
и ты опускаешь взгляд в небо,
точно пакетик чая на нитке,
и памятник Ленину еще стоит
с естественно-окаменевшим, замершим лицом,
как человек-мочащийся по пояс в морской воде,
в граните истории.
а война где-то бродит рядом
минотавром с окровавленным поломанным рогом.
и небритые мальчики дерутся на ребрах.
и бурьян молчит, по горло плывет в тумане,
и луна на рассвете горько и грустно мычит,
как корова в бедламе,
и осенние лучи косой медью падают во двор,
будто лестница без перил на небеса.
и девушка-оса жалит меня, усыпляет живьем,
оставляет во мне
прожорливые личинки миров.

СОН НОМЕР ДЕВЯТЬ

мальчишка на трехколесном спешил ко мне,
улыбался солнцем во весь проспект.
и я проснулся в слезах, точно кулек в росе
среди синей отяжелевшей травы.
я выдохнул: «Боже, прости.»
так есть ли жизнь
после меня? гомункулы, плоды абортот,
укоризненно смотрят с потолка, не моргая:
восковые пауки с детскими лицами.
обиженно кривят тонкие губы-жвалы.
но что я могу вам сказать? самому повезло.
меня запросто могло и не быть, если бы да кабы,
такая же случайность — вцепился зубами
(мама, прости!) в яйцеклетку,
в сладкое печенье.
какая же тонкая призрачная тварь — грань
между «быть» и «не быть»,
между Гамлетом и гетто.
и я наугад протягиваю стихов трассирующую нить
сквозь черную иглу Вселенной,
а творец, точно пьяный Чапаев, вслепую шмалает
из пулемета по знакам Зодиака,
и ночь польхает в зарницах без конца и края.
только природа всегда тебе рада,
как холодильник еде.
ты снишься Господу, а когда Он проснется —
то вряд ли вспомнит, что ему снилось.
лопоухий мальчишка с глазами лани.
кто ты?

кто же ты?
последняя надежда мира,
принявшая химеричный размах.
мальчишка на башне из слонов:
стоишь на плечах

миллионов. истлевшие жизни.
пепел в окне электрички
тускло звенит,
тянешься к окну в звезде.
робко стучишь:
а Господь дома?
он к нам выйдет,
заметит нас.
смотри — целый мир
встал на цыпочки,
из огня и мрака
сквозь жир и безумия
протягивает лапу:
давай дружить!
помоги мне.

* * *

спешим к закату, как бродячие муравьи,
сползаемся к сладким ранам на кухнях,
навyleт раненные усталостью,
багровыми пулями заката, точно дозу терпкой смерти
нам капнули на шипящий мозг из пипетки
вперемешку с новостями, рекламой, сериалами.
не смертельную. и каждый вечер,
как на веере рулетки с магнитом,
нам выпадает один и тот же номер —
чуть-чуть несчастливый,
на который мы поставили свои жизни.

а вот расшатавшийся диван-кашалот:
его кормят не кальмарами, но тапками, зевотой,
осторожными поцелуями, позолотой,
поножовщиной ног, супом, мурчанием, икотой.
наш вечер — счастливая пчела,
пусть она и застряла в песочных часах,
в липко-сладкой бутылке из-под лимонада.

мы с тобой измеряем вечность
тем, чем нам доверили: любовью, глупостью, обидой,
душевым теплом, кайфом, заботой.
но иногда я выхожу в трусах на балкон,
смотрю на огни ночного города
и чувствую себя обманутым муравьем.
чувствую голод судьбы.
может, завтра не вернуться домой?

РЕАЛЬНОСТЬ, ПРОЩАЙ!

как же я оказался на чердаке?
вот картонный ящик с грецкими орехами —
я зачерпываю пригоршню плодов,
и высыпаю их обратно, словно крошечные черепки.
и смотрю сквозь окно
на дождливое недружелюбное небо,
небо похоже на мрачного полицейского,
вызывающе жует зубочистки деревьев,
надвинуло козырек горизонта на самые глаза.
что я здесь делаю?
прислоняюсь лбом к холодному, точно стетоскоп, стеклу,
и с жадностью созерцаю
кусочек еще теплого,
еще не отброшенного мира как ящерица,
которая решила оглянуться на свой любимый хвостик,
прежде чем нажать на рычаг,
сократить необходимые мышцы. реальность, прощай!
медленно дотрагиваюсь языком до холодного стекла —
стекло горькое на вкус,
за годы пропиталось лунным светом.
вот так устроена волшебная лампа Аладдина.
но что я здесь делаю?
время снежинками отслаивается от меня,
перхоть судьбы.
я чувствую, как превращаюсь в воспоминание,
прошедшее застывает, словно холодец.

и бабочка, не испытав полета,
вновь становится беспомощной куколкой,
узор морщится на крыльях
и сворачивается, подобно вееру.
еще мгновение — и ничего, ничего не останется,
кроме отпечатка прохлады на лбу.
лунная горечь во рту и пряный запах орехов.

СЕСТРА СТИХОТВОРЕНИЯ

сестра творения —
стихотворение.
зачем мне клетки рифм?
зачем мне жить на птичьем рынке?
зачем мне нужны патлатые скандинавские
«Песняры» — АВВА,
когда моя мысль не терпит неволи
(она — как вулканическая лава:
расплавленный черно-огненный леопард
медленно протягивает огненные лапы),
везде проложит путь всесильная строка,
прокладывая огненные рельсы,
переплавляя парки и проспекты
в парадокс, парик, портмоне, перламутр.
спасибо среднему образованию,
и вечерней школе спасибо,
что не научили меня писать стихи
по всем правилам инквизиции звука;
спасибо, что лишили ста тысяч часов мучений.
и тебе, любимая, огромное спасибо,
что ушла от меня. и помогла взломать разлукой,
как монтировкой от Бога,
дверцы в закаты, в облака-дворцы и т. д.
придется мне стать великим, иначе
как же я отомщу?
я переплавил быстрые пули слез,
перебегающие лицо блестящими ящерицами.

всё. мой маленький сын надел трусики на шею,
как ожерелье, и ходит с ними по комнатам —
хочет привлечь к себе внимание. получилось.
в слегка запотевшем стекле струится чернильная ночь,
точно всплывающий кит величиной с огромную планету.
и далекие лучистые огни фонарей пушисты, как никогда,
пушисты, как одуванчики
Бога.

СОСНЫ

свет на лестничной клетке горел ярко, без абажура,
свет, похожий на фонтан замедленной болезни —
например, золотистого гепатита.
чадила немая ведьма на медленном костре
электросчетчиков — ее предали анафеме цивилизации.
перед казнью колдунье выбили все зубы
и вырвали нечесаное золото волос — за тишину побоев.
за обреченное мычанье перед истиной жестокой.
и следы преступлений вели к мусоропроводу —
телескопическому червю, стоящему на задних лапах,
имеющему пасть в каждом отсеке времени, эпохи.
когда-то я входил в эту квартиру так же просто,
как рыбак входит в воду, чтобы отвязать лодку.
но сейчас время перетасовало карты, крапленые ложью.
но клянусь всеми мертвыми марками в классере,
всеми змеями, пригретыми на подростковой груди —
я узнаю каждый запах внутри этих комнат
(у каждого цветка времени свой невыносимый аромат),
и память прорвется, как дамба, плотина, пломба.

ЦЕРКОВЬ НА КОЛЕСАХ

последний троллейбус выворачивает из-за угла —
аквариум для людей, разложенный триптихом —
вправо и влево отраженным нутром с пассажирами;

пассажиров немного, и у них уставший вид,
их глаза вяло перекатываются, словно
металлические шарики внутри пластикового лабиринта.
звезды уже расцвели в небе,
и вышли на охоту хищные огни реклам
(сколько взглядов и глаз им поймать суждено?),
и в голову всплывают ночные мысли,
точно бесшумные ладьи,
полные незнакомцев бесстрастных.
и у каждого висит сума через плечо — а что в ней?
дары угасшего дня, игривый разговор с блондинкой,
(глаза бездомной собаки — так обыскивают взглядом)?
что там еще?
прошедшее время, как зрители, занимает места
в остывающей пустоте, в нигде.
«нигде» по форме напоминает Колизей
из спрессованной вибрирующей пустоты.
ты зеваешь и проглатываешь кусок проспекта Ленина
с лучшей частью фасада аптеки № 3
и скучной парочкой на скамейке. скоро твоя остановка.
и ты оглядываешь троллейбус напоследок,
чтобы заполнить свою память хоть чем-нибудь.
так капитан «Титаника» с отчаянным интересом
читает название завода на обратной стороне
фаянсового блюдца.
и троллейбус удаляется, точно церковь на колесах,
в которой ты можешь помолиться
умирающему дню.

* * *

каждая мысль о вечном, как молитва неведомому богу.
он заждался зародиться,
он только вращается в осколках фраз,
в догадках, в стрижах, в слегка оттопыренных ушах,
в черной, как смола, длинной челке. Бог где-то рядом.
он летит к нам из будущего в слепоте,

как во время бурана. обвязавшись веревкой времени,
он бредет сквозь ливень, тьму, град,
сквозь черные дыры и пустые бездарные звезды.
твои мысли — как молитвы в стихах. ничего, но
ты пишешь слова, а бросишь ли
это неблагодарное дело? цифра правит бал,
ехидно ухмыляется готическим лицом,
бреет кровь из пальца на экран монитора.
где же ты? несуществующий, невозможный, немислимый. где?

* * *

она томно лежит на диване,
мается от нечего делать,
ее тело медленно вьется и крутится
виноградной лозой вокруг натянутой проволоки
одиночества — от звонка подружки до щелчка СВЧ —
разморозилась курица.
а родители будут поздно вечером.
ей всё чудится и мерещится
принц с белоснежной улыбкой на белом пуховом коне.
моложавый плейбой с букетом роз, синее море
или задымленный танцпол ночного клуба,
и она видит себя со стороны — танцующая, змеящаяся,
ее зыбкое тонкое эфемерное тело
прокалывают набыченные блестящие взгляды.
булавки прокалывают живую бабочку,
а ей хоть бы что, ей даже приятно.
ее незаметно окутывают мягкие пахучие сумерки,
разумная роза царапает простыню коготками,
потягивается, и я слышу, как в ней лениво кричат
сто тысяч выкупанных кошек. сто тысяч кошек Эдгара
замурованы в ватной стене тишины.
первая женщина на планете —
она лежит в полутьме на диване,
и так лень жарить курицу, а грезы,
словно громадные бабочки с клыками,

сладострастно и вольно парят вокруг нее,
и от непристойной мечты идет пар,
как из пасти лошади зимним утром.
эротический ужас.

* * *

а настроение дождя родилось задолго
до прогулки, а именно — утром,
в ванне, когда я озирал мир, словно зубная щётка:
на серой плитке цепенела согнутая половая тряпка —
умирающая балерина на сцене, и рядом с ней
лежал на боку, поджав края, медно-зелёный лист каштана,
занесённый сюда бог весть какими ногами —
так беспризорники начала двадцатого века
катались на копчиках трамваев.
Так и осень прокатилась на авторе.
А может, носителем ноября была и она.
И в тряпку впитались дождливые очертания её плоти,
когда капли зигзагами весело скакали по муаровой коже.
И я уже знал, что на улице ожидает влажный обман
и морозящее чудо нового щуплого дня,
и дома проплывут, как во сне,
наполовину растворившись в тумане
как крекеры в сером молоке.

* * *

Они танцуют в полумраке комнат:
настольный свет с повязкой на глазах
недвижим, как заложник;
мелодия из потрёпанного магнитофона
облепляет их шелковой стаей бабочек.
Он наступает ей на ногу,
она встряхивает волосами и смеётся.
Проходит минута — и её плоть точно подтаявшее мороженое,
проступает сквозь бельё и джинсы.

Руки ласкают изгибы и выпуклости тела,
но уже ласкают изнутри кожи,
так возятся медянки внутри пододеяльника. Ищут выход.
Родинки отлетают заклёпками под диван,
а мелодия всё длится, всё играет,
неповоротливым дирижаблем вытесняет
пространство из пространства комнаты,
оставляет только гибкие икебаны их дыханий,
лепестки табака, мяту жвачки и красный жир помады.
И бабочки превращаются в гирьки
и проваливаются в плоть, в бледное тесто;
зарождается воронка страсти —
и пожирает пядь за пядью кусок ковра, смятую простыню,
тапочки, пульт, фрагмент лифчика, чей-то мизинец.
Губы каннибала бережно обсасывают позвонки,
шашлык из ошейка, ошейник шеи любимой;
на широкой спине звенят костяные колокольчики.
И вдруг мелодия внезапно умолкает.
И тишина, как ошарашенная собака,
заставшая хозяйку за соитием с незнакомцем,
кидается ему на спину, бьет неуклюжими когтями.
Тёплая слюна капает ему в ухо,
узкая кровь течёт по шее, перемешавшись с потом,
но он победоносно продолжает нанизывать
бумажные кораблики на шпагу.
Один за одним. Плотней и плотней

* * *

сельская тишина — толстый бутерброд с маслом,
щедро присыпанный сахаром луговых стрекоз.
в ближайшие сто лет здесь ничего не произойдет.
в future simple тебя никто не ждет.
только внезапно нахлынет красноватая синева вечеров
с повышенным гемоглобином,
и зашевелиятся хищные звезды, задвигают клешнями —
настоящие, страшные звезды,

а не мелкое городское зверье в намордниках смога.
и луна привинчена ржавыми болтами к небесам на века,
как баскетбольное кольцо,
и филин летит слишком низко, не достать трех очковым броском.
а вдруг? (и заметалась паутина под желтым сквозняком).
парочка поедает друг дружку под темным окном.
кожа плотной девицы с толстой косой
покрыта лунной пылью — со вкусом плохо смытого мыла;
и поцелуи грубы и жадны, сладки и приторны, как рахат-лукум.
такое опьяняющее постоянство, что ты не отличаешь дня от ночи.
весь ландшафт, куда ни глянь —
голубой газовый шарф с запутавшимся воробьем;
коза улеглась на старой будке,
петух важно бродит с хлястиком мозга наружу.
и по ночам упрямый мотылек
бьется головой об освещенное стекло,
как буйнопомешанный ангел в мотоциклетном шлеме о стену.
здесь революционеры впадают в спячку, как лягушки.
здесь не имеет смысла откладывать с полочки
на путевку в Египет.

здесь все живет согласно теореме Еремы.
здесь все поддернуто дремой.
и заманчивые холмы
бесконечной сказкой увиваются в даль,
камень брошенный вдоль болотистой гати,
и пролистав две-три страницы, два-три холма,
ты ощущаешь волшебную плотность под пальцами —
еще не скоро наступит сказке конец.
и пьянят по вечерам крепкие, как спирт, рулады сверчков
хочешь — грильяж созвездий погрызи.
а на рассвете грубые домики примеряют дожди,
как самки гоблинов ожерелья.
мечты не сбылись? ну и что?!
ангелы на мотоциклах умчались без вас,
бросили с рюкзаками на проселочной дороге?
жар птица разменялась на зажигалки?

так не грусти, златоуст,
ты — нарисованный человечек на школьной доске,
и тебя медленно стирают снизу вверх,
сейчас виден один бюст и уже растворяется локоть во влаге.
жизнь не идет, а прыгает, как царевна лягушка
со стрелой в толстых губах,
по-песью тащит апорт, и вершины не взяты.
и тишина все так же неприступна, и приступ взросления длится,
спущенные колеса велосипеда шамкают
по теплой пыли, и звезда со звездой все больше молчит.
жизнь проходит, оттесняя тебя к шумящему краю.
Господь давал помечтать,
посидеть за рулем лимузина-мира.
а затем, как щенка, бросал назад,
и вставлял ключ-рассвет в зажигание.

* * *

сегодня выпал первый снег
в саду
и черный мозг земли,
взрыхленный муравьями,
с еще зелеными извилинами травы,
но уже пегими листьями
красиво присыпало белыми перышками,
будто ангелы дрались подушками,
с тихим треском вспарывали когтями белую ткань.
сегодня первый снег пришел в качестве гостя,
невинный, нежный, напоминает
троянского пушистого жеребенка,
скачет, играет, понарошку кусает
растопыренные пальцы.
и моя душа радуется
/наперекор и вопреки логике, здравому смыслу/
пусть все это обман нас возвышающий,
нас вальсирующий,
верблюжата детства
подсматривают в игольное ушко,

а я оглядываю карликовый сад:
черная костлявая вишня
под снегом обрела второе дыхание,
расцвела почти как весной —
поймала на спиннинги ветвей
стайку голодных воробьев и снежинок.
здесь, в Ноябре,
посреди охлажденного ада,
первый снег прекрасен точно кит-альбинос,
всплывающий из-под земли.
и Ахав медлит, но все же отворачивает гарпун
и я — атлет в пуховике —
поднимаю взглядом тяжелое низкое небо —
черно-синюю штангу с белой бахромой
как можно выше.
я жив
я бессмертен
я что-то еще.

* * *

волосы покрыты лаком, как инеем.
приятный голос, бородавка на подбородке.
вот она — женщина базальтового возраста.
от нее грустно пахнет ванилью и латынью —
вроде «парабеллум», только готовься к обжорству.
она прошла огонь, воду и немного сантехника.
звучит фантастично, но она никогда не была на море
так сложилась судьба и для нее это не горе.
она стойчески относится к своему телу:
как если бы его похитил дракон с одышкой.
но не пленил виолончель души.
однажды явится принц и отделит зерна от плевел.

утром, когда рассвет варит мыло над стадионом —
вырезав всех гончих псов, перетопив
в абрикосовую жижу всех звездных героев
она выходит на балкон в ночнушке:

громадная как колокол, как мега-привидение —
подкуривает тонкую сигарету со вкусом клубники.
и балкон напрягает бетонно-бычью шею.
но где-то внутри необъятной царевны
живет девочка: проводит часы за роялем.
изучает рецепты бабушки.
ходит с подружками в кино,
а вот — групповые фотографии с вылазки.
и она, как морена, торчит на заднем плане —
смотрит с вызовом, с прохладной яростью —
точно свежепойманный сокол
сквозь прутья клетки.

* * *

Девушка в белом платье на пароходе
аккуратно лушит арахис и смотрит вдаль,
где широкая река соприкасается с небом,
как прошлое и будущее,
как наган и кобура.
«Я нимфа. Я здесь живу», — говорит ее молчание
на языке змеящихся волос,
с которыми играет мангуст ветра.
Мы плывем на теплоходе.
Она ест арахис, я курю,
и с востока скользят оранжевые тонкие драконы
с пеликаньими мордами.
Мы их видим, я и она,
и мир исподволь выздоравливает от человечества,
как от разумного СПИДа.
нет, это нам только кажется:
видение на краю реки и неба.

* * *

лучи красиво пронизывают прорывы в тучах,
точно кто-то светит мощным прожектором

сквозь шелково-пепельные ребра небозавра.
и осенние листья отдают сырым арахисом,
и ветер лижет лужи, будто чеширский котьяра
шершавым языком, и тут же растворяется
в величественных складках осеннего дня;
улица с наполеоновской треуголкой киоска
выходит на побеленный бедлам (боковая стена
частично разобрана на кирпичи, как в тетрисе),
а дальше строительные краны сгрудились
над бетонными литерами новостроя (н-акробаты),
строительные краны
готовы схлестнуться в жестокой схватке,
как громадные механические пауки
в громадной трехтриллионнолитровой банке.

чувствую себя ничтожной плодояркой
в райском саду для отсутствующих гигантов,
где каждое яблоко — величиной с Люксембург.
а по ночам звездное небо не дает уснуть,
приподымает сон —
точно кончиком лунной шпаги марлю или вуаль.
Млечный Путь. так Бог пытался отстирать
пространство от тьмы в центрифуге Вселенной.
этот мир создавался не для нас.
и где мы бы были сейчас,
если бы не зловещая опечатка разума?..

* * *

Ты живешь во мне.
и каждое утро подходишь к глазам
изнутри моей головы, точно к французским окнам —
чистое литое стекло разлито до самых пят,
и ты потягиваешься на цыпочках и смотришь
на едва шевелящийся зеленью водопад
нового дня,
оставаясь собою.

смотришь на знакомо незнакомый мир after-dinosaurs,
на просыпающийся в сиреневых камушках город.
я подарил тебе яркую каплю бессмертия,
впустил тебя хищной неясью
в красный лес своего сердца.

когда-то
я целовал тебя, всасывал сладкий дымок
из глиняных рожков твоей груди,
поглощал солоноватую суть
полупрозрачных ключиц и шеи,
приминал пальцами муаровое свечение
на лопатках;
я осязал твое сознание —
точно пушистый одуванчик в руке, —
и оставалось только нежно подуть тебе в глаза,
чтобы ты распушилась по спальне,
медленно закружилась тысячей и одной
ласковой лебяжьей иглой.
а потом мы засыпали, хрестоматийно обнявшись;
иногда я вздрагивал в полусне, точно холодильник,
и ты нежно гладила меня по загривку.
наша жилистая от множества проводов квартира
нуждалась в ремонте, словно бедный факир —
в новой корзине для змей-танцовщиц.
и не было у нас ни золотых рыб, ни синего моря —
лишь монументальный вид из окна
наподобие. (удалено модератором)

я был ребенком внутри корабля,
а ты была моим таинственным морем.
я боролся с дневным светом — лучами твоей свечи.
никто из нас не хотел уступать,
никто не хотел сдаваться,
проигрывать обжигающей темноте,
разрастающейся между нами.
я шептал «выкл»,

но твоя любовь мягко сияла.
ты исподволь становилась частью меня,
победоносно вкладывалась в мой мозг,
как лезвие — в перочинный нож.
как ребро, переросшее Адама.

любимая,
я стал заложником полезных привычек,
меня с годами поражает вселенский голод:
все, кого я запоминаю, становятся мною.
вот так мы находим продолжение души
в бесценном камушке, найденном на берегу моря,
в женщине, идее, дереве на горе,
в теореме, триреме, тереме,
в деревенской глуши, в дебрях науки,
в бессмертных, мерцающих садах искусства,
в крохотной теплой ладошке внука.
держи меня, соломинка, держи.

* * *

зимой трудней зализывать сердечные раны.
да и весь город — компьютерная программа,
ее тоже пожирает подслеповатый вирус зимы.
синева замерзает в бумажных стаканчиках,
ватерлиния сумерек расплывается,
надвигается белая, розовая, оранжевая темнота,
борцы сумо трясут рыбьими холодными животами
на тротуарах, навесах, скамьях;
снег шелестит, шуршат завирухи,
кублятся змеи, завернутые в газеты.
а тышла три пары перчаток, убирая в шкаф;
ты снова одна. кому дарить эти ночи,
сиреневые треугольники любви и тепла,
легкого храпа и сонного чмокания?
обнимает тебя только зима,
да одиночество кладет тяжелую лапу на грудь.

это не январь, а фабрика по пошиву серебристых чехлов:
Господь переезжает с этой планеты за кудыкину гору
и упаковывает свою собственность в ящики, в снега:
капризные вещи, жизни, сады, пароходы;
подкладывает поролон, заворачивает посуду в бумагу —
лишь бы не разбить вдребезги новогодний
хрупкий шарик с людьми.

* * *

Ноябрь на вкус — глоток холодного кофе;
першит искусственный свет
в каменной глотке проспекта,
вдоль дорог зловеще мерцают
золотые гнойники фонарей;
осенний Харон перевез
все опавшие листья на барже
к чертогам перегноя, к плавучим дворцам.
И теперь спокойно курит под навесом.
А мальчишка в ярком дождевике
мягко и сочно гуляет по лужам —
этакий спаситель в резиновых сапогах — мессия на вырост.
Каждый человек кому-то не нужен.
А ветер гнет, рвет деревья в разные стороны,
как жадную рыбу, которая проглотила несколько крючков,
жесткий кукловод марионетит мир,
и вновь выгибаются ливни —
трясут холодными, мерзкими хребтами;
великан вытряхивает колодцы на асфальт,
выворачивает каменные мешки с тухлой водой,
из всех щелей сочится апельсиновая чернота;
синева вечера с примесью неона обжигает,
как ядовитый кипяток:
и пустая площадь с вождем — гигантский автоответчик —
зацикленное приветствие инопланетянам:
вы позвонили на Землю, но сейчас никого нет дома,
все ушли в себя и не нашли дороги обратно.

* * *

забавляет родинка на твоей шее, как мушка,
хочется прикоснуться к ней, поиграть,
вдруг прибежит паук на зов кожи.
как вампиру, хочется укусить тебя за шею.
заразить своим миром.
оставить в твоём подсознании, как в камышах
несколько головастиков.
а ты держишь мое сердце и исподволь обрезаешь его ножницами,
ждешь, когда оно станет размером с пионерский значок —
символ с булавкой. но все равно я первый
лайкой доберусь до твоего хребта.
мы вдвоем. вечер. а на улице льет дождь —
кто-то играет ноктюрны Шопена на рояле
длинными пальцами, смазанными подсолнечным маслом;
мреют и мерцают маслянисто-золотые фонари
и я смотрю на твою шею — это так красиво,
как смотреть на водопад или молодую ветку.
Ты говоришь, что я фетишист.
что я гляжу с жадностью и юродивостью,
с какой сосед Мишка в детстве глотал пауков на спор.
это потому, любимая,
что у меня прорва свободного времени.
что я опоздал на все поезда и слоняюсь по вокзалу,
записываю в блокнот ничейные стихи:
их никто разыскивает.

* * *

осень; сногшибательная, как нашатырь, красота
убогого дрожащего мира приводит меня в чувство;
будто серый священник лупит себя плетью с гвоздями
по жирным бокам; и я нахожу в себе остров надежды,
клочок весны, где я смогу переждать невзгоды
и спокойно наблюдать, как город мучается ноябрем,
электрическим несварением улиц,
тонкой изжогой молний,
мрачным похмельем мокрых аллей.

* * *

На обочинах догнивали грозные челюсти
грязного снега,
а я снова странное видел: весна.
Волшебное, сырое, влажное преображение.
Чудовище в противогазе
срывало с себя уродливую маску с хоботом,
и являло народу длинноволосую миловидную девицу
тощую, как канцелярская вша,
в мелких зеленых прыщиках.
И другая девушка — в джинсах и кожаной куртке
(куртка в молниях, точно в серебряных ящерах)
сбегала соблазнительным мячом
по ступенькам в метро.

Пока-пока.

Обезглавленный тесаком свежего воздуха
я дышал на картину из всхлипов и волдырей
пульсирующих импрессионистов,
Блуждающими поцелуями моросил дождик,
и лужа — судно из-под такси —
благоухала керосином и доносила
в мозг рваный пазл детства:
синий москвич, вымытый давеча,
тупорылой акулой рвет на куски переулочек;
двигатель заведен, мы едем на море,
а я безнадежно влюблен
в хитрую быструю девочку с беличьим хвостом.

-

Да, мой друг. Это снова весна
отрачивает женские руки,
как крабы — оторванные клешни,
влажные блюзы развешивает по балконам и веткам,
будто сохнувшие распашонки,
и музыкально кружится голова от тестостерона
и уносятся машины-жуки
на вращающихся грампластинках мокрых дорог

от распоясавшихся ворон.
вот она новая жизнь!
нам дают еще один шанс,
вечным второгодникам.

* * *

Предвечернее небо сияло, как промытая рана.
За раскрытым окном первого этажа —
рама разохлась, будто старый деревянный протез, —
девушка — короткостриженный котенок — играла
нелепое танго на страшно расстроенном рояле.
Мелодия расплзлась по швам,
и звуки пятились криво, и нервно, и вбок — черными крабами.
И я, точно цифра на бильярдом шаре,
чувствовал, как плавно движется земля под ногами.

* * *

Лимонный сок выжимала себе на грудь
и шептала: «Я твоя устрица, ешь меня!»
разгоняла мою кровь, как шпана,
никелированные тележки из супермаркета.
Восхитительные соски встречали пальцы,
точно доберманы, — настороженно взводили острые уши,
если хозяин открывал сейф для ружья.
Это было любовью, но с ограниченным сроком.
Жизнь радуги. Жизнь кефира.
Вечность лениво повернулась к нам спиной.
И мы, легкие и беспечные,
разбежались, как юные крысы в порту
по возвращению из круиза.
Но иногда горизонта бронзовый излом
напоминает мне — только не смейся — твою бровь,
когда ты мечтательно смотрела на море
поверх солнцезащитных очков.

* * *

дом, который построили Моцарт и Гоголь.
тихо скрипят половицы,
это музыкальные призраки шагают за тобой
след в след, октава в октаву,
и огонек свечи сгибается от сквозняка —
оранжевый гимнаст разминается, тянется к носкам;
так чудно и наивно тикают часы на кухне —
ребенок беспечно языком расшатывает зуб молочный,
а от ковров в зале — ковров эпохи соцреализма —
веет умиротворенностью,
благоухает чуть пыльная теплая благодать
разложенного дивана,
будто никто никогда не умрет,
будто никто никуда не уходит.
занавески, как девушки, смотрят на свои босоножки,
все вещи на полках — книги, футляр с очками,
и бижутерия в вазе — все насыщено смыслом
сонно и глубокомысленно — точно аквариумные пираньи,
которых только что покормили свежей говядиной.
и ты убаюкиваешь себя, как делал это не раз в детстве:
все будет хорошо, все будет хорошо.
и наркотическое волшебство сочтется из мгновения,
как гной из ранки.
картинка
лопается на хищных краях сознания,
будто спелый крыжовник на зубах:
вот это и вот это — бессмертно.

* * *

железные амфибии
горячими радиаторами
жадно высасывают вкусный воздух из улицы
как сок из больного зуба
скамейки на жарком солнце превращаются в пытку
приобретают осанку Средневековья

бедные родственницы электрических стульев
(кинь им батарейку или зажигалку)
а неутомимые дети в щедрой тени каштанов
шершат песчаные замки на асфальте
классики — малинового мела квадраты.
осторожно обхожу ломкие цветы оригами детства
вот сорванные листья и камушек
и аптечка с игрушками в пыльной траве
всё течет но ничего не меняется
Гераклит завис как программка на компе
жизнь тянется резиновой односторонней дорогой
а ты успеваешь разглядеть странные переулки
пещеры в тротуарах
закипающее молоко сирени в кастрюльке двора
вот и жизнь прошла
вот и жизнь начинается снова
и завтра идти в первый класс
в первый раз
(вечером мама надув губы гладит рубашку)

эта любовь к прошедшему тянется с детства:
интерес к развалинам и хибарам
к инвалидам времени не переваренным комкам
будто вскрываешь брюхо акулам эпохи
и перебираешь разный хлам — номерной знак гнутый
битые бутылки открытки покрытые грязью
кукла без ног люстры искореженный осьминог —
нет
показалось.

но иногда жизнь ни с того ни сего
как незнакомый ребенок угощает конфетой
впечатлением образом тайной
внезапно бьет молотком по пальцам
только ты не чувствуешь боли
не чувствуешь как из сада пахнет цветами —
неземной религией доступной лишь пчелам

* * *

помнишь
наши прогулки в парке без дога?
в зеленых гофрированных соборах весны
мы причащались поцелуями,
фруктовым мороженым, колой.
гуляли по кленовым аллеям,
обнимались у фонтана, и я ловил губами
голубую рыбку пульса на твоей нежной шее.
если помнишь — значит,
существуешь где-то еще.

фиолетовые суккубы, тумбы, витые скамейки,
золотистые привидения вязнут в солнечной пенке,
и каждое мое воспоминание —
медный сосуд для заварки тумана,
и улицы в боксерских перчатках каштанов —
вылупки колючих зрачков — угрожают прохожим,
а ты смотришь на меня свысока, как девочка на жука.
не бойся, я отнесу тебя в лес и отпущу.
но зачем?

зачем?
золотистый ромб окна трепещет в ночи —
стеклянное электрическое платье из мотыльков:
подойди же, обнаженная, примерь.
коснись сосками холодного стекла.
отразись в искрящейся черной лаве
ночного города.
твоя расческа на подоконнике —
ностальгический еж —
принесет мне сквозь осень прядь золотых волос
и воспоминания о вкусных мышах.

путешествия вокруг твоего тела
за 180 поцелуев завершились.
ты стоишь в дверях балкона, ведущих на небо
по шиферным крышам соседей,

обнаженная, зыбкая; сам воздух
принял твои очертания, будто религию бриза,
ритм муаровой колыбели.
твои зеленые глаза — опытные скалолазы —
высматривают во мне слабое место,
трещину в породе,
чтобы закрепить страховочный трос.
ты держишь чашку остывшего кофе
с красной помадой по краю.
а я — сонный джин из разбитой амфоры —
исподволь из тебя исчезаю.
накинь же на себя что-нибудь из Бродского
и дай мне таблетку от толпы.
мы сегодня пойдем гулять в город,
на площадь.
Козлодоев дает последний концерт.

долго же твое сердце мне служило чернильницей,
но теперь ты свободна, моя любовь.
выбирай любой из миров, где нет меня;
наш последний бессмертный вечер —
среди влажных огней и гранитных тумб,
мне же верни реальность, память и радость
создавать новые миры и глупости —
и пусть муза растрепанная
замирает с сигаретой над рукописями
и разрастается под потолком
бестолковый канцерогенный нимб.

* * *

твое имя — заноза. ледокол,
петля перламутрового тумана.
твои девятнадцать — насечки на прикладе,
аккуратные, с легким наклоном.
идеальный полигон для Купидона.
пугливая грация котенка,
играющегося в траве.
шорох жуков,

и маленькие уши, словно мятные жвачки.
я немного влюбился в тебя.
нос с горбинкой, как у Клеопатры,
будто абрикосовая косточка
застряла в хоботе чайника.
я замирал от восхищения,
когда ты по утрам —
еще недоовощенная, эфемерная —
натягивала тонкую кожу на себя,
начиная с лодыжек,
поправляла поясок колготок,
точно меридиан — обитаемая
девушка-планета.
и я обнимал тебя,
смещался, искривлялся.
нырял в абсурдное зеркало.
принимал душ освежающей глупости,
становился ярче.
жаль, я не знаю, где ты сейчас.
ибо мы живем однажды,
случайно сталкиваемся сердцами,
как новогодними шарами,
больше в этой Вселенной
мы не увидимся.

я оставил тебя возле окна.
и на твоих плечах зимний свет разбил сад.
я ушел с улицы Евклида,
свернул наугад.
больше меня нет, меня нет.
а ты так же стоишь возле окна,
как Мадонна на кухонной иконе,
прибавляешь прожитые зимние дни
к хребту Января.
кладешь тяжелые серебряные монеты
на мерзлые веки мертвого пустыря.
уже выросли высоко столбики монет —

вот-вот обрушатся
на закованные тонким бумажным льдом
лужи.

* * *

давай зажжем камин,
выманит красного зверя
на горький запах дыма.
давай отбросим всеядность,
давай помолчим,
будто глухонемые король и королева
в средневековом замке,
шкуры разбросаны по полу, как облака
терьеры дремлют, вздрагивают во сне,
и простая мелодия счастья медным обручем
крутится в голове,
ты пьешь кофе за круглым столом,
обняв большую теплую чашку двумя руками,
задумчивая Ева с яблоком.
уютно потрескивает тишина.
тишина будто усы кота: хочется за них подергать,
и даже припалить или постричь,
сможет ли тишина после нас жить,
ловить мышей.
как тишина будет без людей?

а ветер снаружи сдирает звук
с заснеженных костей
воздуха,
срывает клыками вяленое мясо
с потемневших ребер ветвей,
ты повесила в саду сало для синичек на проволоке,
соорудила скворечник для воробьев,
а внутри замка время для нас остановилось,
мы попали в медузу мгновения,
в синюю льдину вечерения
вместе с пыльным мамонтом дивана,
так бактерии счастья

дрейфуют в комете миллионолетия,
ты допила кофе и обнимаешь меня,
мы можем жить бесконечно в этом моменте,
пока не покроемся скукой и плесенью,
камин, как вытяжка, гудит,
вот гипертрофированные спички
из сказок про великанов,
корзина, копилка по форме прозрачного слона,
мы спрятались в осколке мира,
ты пахнешь кофе и духами,
женской перспективой,
а зима снаружи — жестокая белая обезьяна —
шкрябает когтями толстое французское окно,
терьеры дремлют, вздрагивая во сне —
так было много раз
наше круглое счастье как стол, как пластинка,
достаточно поправить упавшую прядь
на золотисто-зеленое лицо — ты же марсианка? —
вернуть иглу проигрывателя в первую бороздку
мгновения,
мгновения,
мгновения.
давай зажжем камин.

чувствуешь, сжатые столетия
прорастают сквозь нас, будто каменные цветы.
шипами
лезут соборы без окон и дверей,
полная горница квантовых привидений,
и все наши пра-пра-душки —
бронзовые канделябры с синими свечами —
неясно отражены в реке времени,
смотри, волна застыла, как смола,
мы — ячейка общества, и карась
с красными жабрами замер, устал биться,
загадывать желания в мокрую чешую,
так мы иногда выходим из себя,
стягиваем тяжелые скафандры —
бабочка и ягненок, волк и отбойный молоток,

замечаем, что воздуха хватит на всех.
давай же сохраним
немного древнего тепла на пальцах и губах,
твоя пластилиновая рука, янтарные отблески,
марсианские поцелуи,
и черные влажные ноздри терьера.

* * *

Воскресное утро. Она медленно открывает глаза —
так подводная лодка для двоих (одно место пустует)
всплывает неторопливо
на изрезанную волнами поверхность одеял и простыней.
А вокруг распростёрлась вакханалия синевы
и бело-кремовых оттенков.
И я смотрю ей в глаза и жду,
когда со скрипом отдроятся люки зрачков
и на поверхность выкарабкается девушка в пижаме,
похожая на пластилиновый цветок.
И тогда я прорывчу: «Доброе утро, любимая!
Что тебе снилось?»

* * *

И вот мы уже вдвоем идем по солнечному заснеженному парку,
и звук наших шагов приятно хрустит, как свежеиспеченный хлеб;
серебряный осетр нерестится повсюду,
икринки льда звенят на черных глазированных ветках,
а мы идем, мы идем, мы идем не спеша.
Наши руки полевыми зверьками уснули в кармане пуховика,
и пар изо рта — плотен и медлителен —
тянется трехпалым ленивцем,
выдохи застывают в колючем воздухе,
и на запотевшем стекле дыхания
я вывожу пальцем два неуклюжих сердца
и подписываю наши мгновения, как фотографии — со спины
(дата, море, имяречка, черная от загара, улыбка срывается с уст).
И душа вылетает джином из амфоры,
из лабораторной колбы,

а вокруг — никого, душа сама себе хозяйка,
сама себе Марсель Пруст.

И наши тени играют в снежки, как лабрадоры, фыркают.
И остается надежда, и по-детски рано зажигаются фонари
с пушистым волшебством одуванчиков-переростков,
и снег — сине-зеленый, мраморный, зернистый —
оживает; по-иному оживает все, чего касается перо творца,
(перо из переделанного обломка стрелы
окунаю в чернильницу сердца,
где больше нет черноты).

* * *

или вот — наша остановка — для крабьих объятий
и длинных, как лед, лобызаний. Вполне неприличных.
Теперь сей разграбленный саркофаг не воодушевляет.
И самозванные фараоны пьют пиво,
как невинные черви, извиваются смехом
сквозь древнедетский мат.
Сидят на скамейке.
Помнишь, девочка, как мы медленно, самозабвенно
пропитывались закатом,
золотые скумбрии в необъятном аквариуме.
Кувшины, отлитые по форме ювенальных тел,
затопляло морковным соком.
И пронеслась легкая дрожь в холке — словно Бог
соизволил почесать нас за ушком. Щекотно.
Сейчас смотрю на закат
длинным, театральным взглядом пылающих трирем.
Дегустирую дивный бархатистый цвет. Глинтвейн
Бога. Прихожу в себя,
и вновь отправляюсь на поиски.
С расцарапанным планшетом,
с птичьим гнездом, переполненным скорлупой.

ЗЕЛЕНЫЙ ФОНАРЬ

невыразимое.
я в тебя угодил, как в капкан,

пошел на родник поздним вечером,
замер безрукой статуей посреди осеннего сада.
что же делать? хватать зубами
сухие ветки — узловатые карандаши,
бросаться под длинные, как лимузины, слова.
чертить чернозем, царапать асфальт.
а молодой клен обнял самку фонаря —
стеклянный цветок на железном стебле —
желтой листвой нарядил металл —
«теперь ты жива! теперь ты одна из нас!»
три девушки с распущенными волосами
грациозно выцокотали на аллею,
за ними просеменили пушистые, как норки,
запахи дорогих шампуней.
я слышал каждый шорох, осязал детали:
велосипедист пролетел, шуршание стройное спиц,
два отрока уткнулись в гаджеты — жирные мотыльки
в кольца сиреневого света —
бьются мягкими мордами о мерцающие экраны.
и — о чудо — парень с девушкой танцуют вальс
ниже — по асфальтовому течению —
под платиновым сиянием фонаря:
она обучает парня: ангел в белой куртке и с рюкзачком,
и сотни мыслей, деталей, образов роем
жужжат, требуют, покусывают —
но сколько из впечатлений выживут?
или растают точно крошки масла
на раскаленной сковороде бытия.
я попал в медленный ураган
из желто-красных бабочек октября,
мгновений-однодневок.

Господи, как же мне все это выразить?
сквозь решето сознания просачивается
фосфоресцирующая соленая вода
смысла.

и мысли мысли мысли кружатся в голове, как музыка Листа:
смотри, как стремительно сорвался кленовый лист —
точно пианист с ногой в гипсе — выпал из балкона,

а я выскочил из вечерних теней измененный
невыразимым — будто легчайшей радиацией
изменили лирический код моей души.
чуть не плакал, бежал домой,
шевелил обрубками рук, сжимал зубами
зеленый призрачный
луч.

* * *

щели свободного времени,
как розовые жабры, забиты ерундой.
думаешь, что жизнь
вот-вот начнется, а всё, что было до неё:
детство, школа, первая любовь, универ,
рождение сына, ранение, депрессия, война,
увольнение — только прелюдия,
предварительные ласки людоеда.

* * *

в судьбе есть нечто от работы дантиста —
стерильность, терпение, тщательность.
последовательная безжалостность,
одноразовая белоснежность.
и однажды, выйдя на кухню, ты понимаешь,
что потерял навсегда
это — улыбчивое лето,
молочную облачную планету,
тонкую нервную женщину с зелеными глазами,
и ты включаешь третью часть лунной сонаты,
ни капли ни веря в искусство:
завшивленную ведьму бросаешь в костер —
пусть брыкается, сквернословит и плюется.
ха! но она воспарит,
рассерженная мелодия,
дымясь и искря мешковиной,
горько чадя
нечесаным войлочным золотом волос,

и ты испуганно закроешься в себе,
но сквозь закрытые окна
просочится музыка,
проберется ядовитый разлапистый пар
и моментально вспотеет все твоё тело,
покроется капельками ужаса изнутри,
как горячая курятина в прозрачном кульке.
О, великая музыка,
ты творишь чудеса и кошмары.

* * *

Ты выглядишь грустной:
рыбка-камбала прислонилась к окну.
бледно-розовое бра
с перегоревшей лампочкой
абракадабриться в тишине.
и девочка сидит на кушетке, обняв колени.
Детства белый пломбир необратимо растаял и убежал.
Ты выглядишь грустной,
и я не в силах тебе ничем помочь.
А, может быть, это ловушка?
Мужчиноловка с ароматными липкими лентами?
Искусная маска хищного ангела?
Советы подруг, как иглы,
входят в шелковую мякоть сердца,
словно там им и место. Мышца-игельница.
Ты с грустью глядишь в окно на косой, как заяц, дождь.
Так трусики сиротливо глядят сквозь иллюминатор
остановившейся стиральной машины.
Смотришь на мир застекленных гигантов,
взъерошенных плоскостей, громад забетонья.
Ты никому не нужна. Добро пожаловать
в клуб никому не нужных людей.
Любовь — это все, что есть у человека,
чтобы пустить корни, протянуть солнечные длани
в персиковые долины иной реальности.
Если бы тебя сейчас увидел Бог,
то одарил бы обручем для волос,

точно игрушечным алюминиевым нимбом,
причислил бы тебя к лику простых. Не больше.
Милостыня небожителей? Или ты ждешь любви?
В каждом мужчине ты видишь себя саму, без грима,
отражение незнакомца,
лицо в колодце, затоке, болоте.
Звезды, как буи, за которые тебе никогда не заплыть,
но ты грустна не от этого. Тебя укусил комар глубины,
и ты расчесала укушенное место — вот покраснение смысла.
Твоя грусть, как леденцы, которые варили лунные старухи
из сахара и поваренной соли.
Ты грустна: одинокий турист на незнакомой планете
у тебя украли влюбленное время — местные деньги —
и ты бедна вне времени, вне богатства. Ты грустна
и это прекрасно. Картина под жадным ливнем
танцует, плавится, переливается.
Кто-то жестокий оставил ее в облезлой раме золотого загара
умирать, исчезать на улице, на глазах людей с зонтами,
прислонив лбом к стволу каштана.

* * *

И мечта старится, как собака,
но ты продолжаешь делить с ней кров, чесать за ухом,
и баловать вареной курицей по выходным.
Ты не будешь уже молодым.
Депрессия — это когда превращаешься в человека-шифоньер
и начинаешь шарить, копошиться в себе,
выдвигаешь пустые ящики с грохотом из груди и печени,
ищешь там серебряную монету 1924 года — с рабочим-
молотобойцем,
но монеты нигде нет, а на улице уже глубокая ночь,
и протяжный вой ротвейлера,
будто эскалатор с плавно ползущими ступеньками
не дотягивает до сливочной луны — едва-едва.
Но монеты нет, ты ограблен и деревья-рыцари на конях тьмы
окружают тебя, тьма плещется,
заставляет переливаться через края,

и границы тела растворяются,
и ты растекаешься в пространстве
нефтяным пятном по ночному морю.
И — будто тонущий за соломинку —
касаешься клавиатуры.

* * *

Лучи восходящего солнца
прорастают сквозь сосновый лес,
так девушка смотрит на чулки телесного цвета,
растягивает их на пальцах — есть ли зацепки?
День обещает быть днем и ничем иным,
и мохнатые гиганты деревьев
гигантскими сороконожками, вставшими на дыбы
медленно шевелят монструозными лапками.
Все это напоминает время,
когда в моде были динозавры
а твой предок был размером с кошку,
сидел на дереве
и ждал своего времени, чтобы войти в этот мир
незнакомцем с котомкой.

* * *

Черный кот перебегает поляну,
усеянную ярко рыжими мокрыми листьями,
останавливается на середине,
и внимательно смотрит на меня.
Это у кота крепко желтые глаза
или это сквозь прорези кошачьих глаз
я вижу палую листву за его спиной?
— будто рассматриваю осень
сквозь театральный бинокль черного кота.
И я застываю посреди улицы
с охапкой невыразимого, как выпускница с бантами,
но чудо длится несколько мгновений,
и вот уже истина выскальзывает из рук, как змея,

облитая подсолнечным маслом,
но не чтобы ужалить или сбежать, а что бы снова обвиться
вкруг мыслей, заползти мне на руки.
Тема рук, как звук, продлевает себя:
девушка скучает на скамье — удрученное божество,
и не замечает, как два ее пальца — указательный и большой —
медленно занимаются любовью, целуются,
глядят и ласкают друг друга —
пальцы-любовники с лицами на затылках.

* * *

Они лежали нагие в полутьме,
перемешавшись частями тел —
блаженные, растворившиеся друг в друге.
Нагота, словно воронка —
кто-то лил неземной ультрафиолетовый свет.
Они могли видеть в темноте, как кошки,
их сознания сдваивались, сливались в одно;
воздушный змей парил в звёздной чёрной наготе —
смотришь человеку в глаза, в упор — и подходишь —
медленно, медленно, пока не соприкоснёшься зрачками.
Они лежали во тьме, как Вселенная после взрыва,
ещё не понимая, что натворили,
ибо пройдёт девять миллиардов лет
и на одной из планет в скоплении пупка
зародится неведомое — жизнь.
А сейчас они блаженствуют, и все эти звёзды вокруг.
Кто-то беспечный из богов занимался любовью,
и жизнь — нежеланный ребёнок.

* * *

а она шла мне навстречу,
не касаясь асфальта кроссовками,
вытянув сияние на руках, словно муфту.
подсвеченная, как икона,
мерцанием смартфона.

новорожденную дочь прибаюкав в узле-сумке на груди,
они тихим вечером будет перелистывать инстаграм,
щелкать пальцами
ласковых вшей лайков,
а малышка будет сладко спать.
венок из мокрых ангельских волос —
нежных, как цыплячий пух,
с запахом молока.
а по щеке младенца будут порхать
отраженные мотыльки — пушистое мелькание картинок.
малышка будет впитывать с молоком матери
и молоко цифры. вот она,
пропасть между нами.
и когда малышка вырастет —
я еще не умру, но мы будем дальше друг от друга,
чем Маугли от Киплинга
чем рабыня Изаура от изумруда.
последние из могикан
старого человечества.

* * *

сборники стихов классика
точно заброшенные бензоколонки в облаках
сюда иногда прилетают подслеповатые ангелы
пухлые карлсоны мэри попинсы
некрасивые тетки на мётлах
и заправляются магией
из длинноклювых пистолетов почти мушкетеров
а внизу мелькают
трассирующие пятнышки тысяч судеб
хлесткое чуть мусорное сияние
молодые люди подростки дети
несутся на гоночных болидах самокатах моноколесах рэпа
они
даже не подозревают как здесь в облаках
пусто и прекрасно
как здесь величественно ржавеют

конструкции волшебства и металлолома
а мы лежим на мягком ковре-самолете
с подогревом
четыре метра над уровнем моря
машин марева
ты ешь виноград хрустишь ягодами как зверек
и брызги сока падают на мою грудь
и я — варан с длинной кисточкой языка —
вытягиваюсь.

поэзия — лимузин внутри которого
идет дождь
когда умрет последний поэт
этого никто не заметит
потому что уже не будет людей
в классическом понимании
Иисуса Дарвина Пуанкаре
наши стихи останутся здесь на земле
точно артефакты неведомого Бога
которого никто не заметил
никто не обратил внимания
ну и пусть тогда в следующей жизни
мы будем программистами
айти-пауками
хотя следующих жизней не бывает
этот поезд создан в единственном экземпляре
и это его первый и последний
односторонний рейс
и следом за упорядоченным грохотом
мгновенно рассыпающимися вагонами
семян
черные карлики в балахонах
с поросычьими глазками они ловко
орудуют ломami и кувалдами разбирают тотчас
рельсы и шпалы
чтобы не дай Бог
мы прожили еще раз
осмелились повторить неповторимое

СОДЕРЖАНИЕ

Семь жизней.....	5
«тьма сгущалась наискосок...»	5
«кто-то ходит внутри слова “осень” ...»	6
«мы юность ели с ножа...».....	6
«любимая, дай мне таблетку...».....	7
«осеннее пасмурное утро...»	8
«ветка легонько бьется в окно...»	8
«внутри собора...»	9
«прошедший дождь, прошедший...»	10
«тень винограда на шиферном заборе...»	10
«сосна в лунном свете светится как маяк...».....	10
«дни выпадают из жизни как птенцы из гнезда...»	11
«бессонница...»	11
«так лиса на воротнике пальто...».....	12
«если честно, не люблю писать...».....	12
«туман, как чай с молоком...».....	13
Уран в 38	14
«ты лежишь в гамаке...»	15
«прямо по курсу — незнакомая планета...»	16
Зомбиленд.....	16
«вагон метро качается, как метроном кошмара...»	18
«да, люблю я осень. люблю я писать про это лисье...»	19
«с утра всё небо заполонил Микеланджело облаков...»	20
«есть сорт темноты...»	21
Фонтан Треви	22
«выражай все, что можешь выразить...».....	22
«я иду вдоль озера ранним утром...»	23
«здесь, в деревне, смерть проста, незамысловата...».....	24
«ночной город; стебли...».....	24
«береза с голой верхушкой...»	25
«полутьма скрывает изъяны наших душ...»;	26
«фонари проспекта...».....	27
«река любит мостом, лежа на спине...»	28
«цветением абрикосов...»	29
«в просторном, чистеньком классе самка учителя...».....	30
«идем сквозь снегопад; вечер...».....	32

«ну, здравствуй грозный, тихий океан...»	33
«вчера в семь пятнадцать...»	35
«Февраль — фиолетовый ящер...»	36
«Ночные деревья, как всадники, уснувшие в сёдлах...»	37
«Хочу тебя бросить...»	37
«Ты растёшь наполовину из прошлого...»	39
«Серое утро — словно невымытые ноги танцовщицы...»	40
«А мы вдвоём встречаем рассвет...»	40
Я жгу черновики в твоём животе.....	41
«окна, омытые дождями...».....	42
«молчание с любимой...».....	43
«первые лучи рассвета...»	43
«а я устал от зимы...».....	44
«белые, стальные от пыли тополя ждут дождя...»	45
«опавшие листья липы в парке...».....	46
«вечность проплывает мимо...».....	48
«дождливый день, тусклое солнце...»	48
«на потолке дрожал тёплый круг света от свечи...»	49
«пруд затянуло льдом — как катарактой глаз...»	49
25 час	50
«дождливое утро со сладостным запахом бензина...».....	51
«в истории не найдется место страннику с котомкой...».....	52
Люси в небе с алмазами	52
«это время магии. рассвет приходит тихо и обыденно...».....	54
«когда умираешь...»	55
«девочка в фиолетовом платье...».....	56
«я живу внутри падающего самолета...».....	58
«мы ехали с Господом вместе, одним маршрутом...»	58
«она стоит на носу корабля...».....	59
«живем на окраине бетонного Рая...».....	59
«в розоватом, как лосось тумане осеннего утра...»	60
«ее волосы стекают на плечи, как сироп...».....	61
«колбы света...».....	63
«пошли кататься на лыжах...»	63
Таинственный вай-фай.....	63
Медленно.....	64
«свеженарисованная гуашью, цветными лоскутами...»	67
«ему семьдесят четыре...».....	67
«смотрела в зеркало, изучала щеки и волосы, глаза...»	69

«зимний день светился изнутри...»	71
«это — дворец лешего, срубленный из горбыля...»	72
«душа — серая пена в кастрюле...»	74
«занавески вдуваются внутрь...»	75
«на ходу выпиваю две чашки кофе...»	75
«город уполз, как пес с перебитым хребтом...»	76
«я могу воссоздать первую любовь по запаху...»	77
Февраль	77
«мои любовницы...»	78
«главное вовремя родиться: не сильно рано...»	80
«мое детство было огромным, больше китов...»	81
«садимся на катер, маленький и тесный, как птичья скорлупа...»	82
«жемчужное ожерелье поздних туманов...»	83
«молния, как белый котенок, прыгнула...»	83
«да сколько можно писать про эти спальни...»	84
Психо	85
«ты смотришь на меня...»	86
«справедливые люди инкарнируются...»	87
«привет...»	87
«Девочка из блестящих скрепок...»	88
«Девушка работает в саду...»	89
«Бывают поцелуи-улитки...»	89
«у нее внутри работает кондиционер...»	90
«ночь...»	91
«мои черновики — ржавые катамараны...»	92
«когда умираешь...»	93
Джаз-птица для Д	95
«двадцать лет спустя...»	96
«вот Ленин юности балуется...»	97
Скафандр и бабочка	97
«я слушаю вечерний летний сад...»	99
«родина. говяжий череп...»	101
Парфюмер	104
«а я, шанхайский барс...»	105
«читал Шопенгаура...»	106
«моя любовь к тебе...»	106
«за моей нежностью прячется зверь...»	106
«нас нет, только тени в стихах...»	108
«Бог как бы есть, но сейчас его нет...»	108

«пока она трахается с мужем, я...»	109
«у нее внезапно зеленые глаза...»	110
«тени от полосок жалюзи...»	111
«а ведь однажды начнется отлив...»	111
«ржавая зубчатая луна...»	112
Твин Пикс	113
«девичьи колени дрожали...»	113
«поджав губы, она смотрела на свои ноги...»	113
Тварь изреченная	115
«иногда захожу во дворик церкви Х...»	116
«рябина под моим окном...»	118
«перерезаешь стропы сна...»	119
В шкуре льва	119
«когда она уходила — она перевернула его...»	121
«тощая костлявая красавица...»	123
«темный февраль хрипло...»	124
«девочка со взглядом волчицы...»	124
В джазе только демоны	125
«я обнял эти плечи...»	128
«зимнее утро как смятая сигарета...»	128
«пирс умирал как ребенок обхватив себя за колени...»	129
«я написал стихотворение...»	129
«кровь звучит громче...»	129
«брызги гравия из-под колес автобуса...»	131
«привет. это мы вдвоем...»	131
«ты...»	132
«лицо девчонки...»	133
«и он, вырастая, еще не раз пройдет по сосновой горке...»	134
«полет пули за секунду до пробуждения...»	134
«осенний пляж печален, как брошенная любовница...»	136
Эмпиреи	136
«в окне сверкали огни новогодней ели...»	137
«где заканчиваешься ты и начинаюсь я?...»	137
Ночной июль	138
V	140
«окно плавает в чашке с чаем, как поплавок...»	141
Сон номер девять	142
«спешим к закату, как бродячие муравьи...»	143
Реальность, прощай!	144

Сестра стихотворения	145
Сосны	146
Церковь на колесах.....	146
«каждая мысль о вечном, как молитва неведомому богу...»	147
«она томно лежит на диване...»	148
«а настроение дождя родилось задолго...»	149
«Они танцуют в полумраке комнат...»	149
«сельская тишина — толстый бутерброд с маслом...»	150
«сегодня выпал первый снег...»	152
«волосы покрыты лаком, как инеем...»	153
«Девушка в белом платье на пароходе...»	154
«лучи красиво пронизывают прорывы в тучах...»	154
«Ты живешь во мне...»	155
«зимой трудней зализывать сердечные раны...»	157
«Ноябрь на вкус — глоток холодного кофе...»	158
«забавляет родинка на твоей шее, как мушка...»	159
«осень; сногшибательная, как нашатырь, красота...»	159
«На обочинах догнали грозные челюсти...»	160
«Предвечернее небо сияло, как промытая рана...»	161
«Лимонный сок выжимала себе на грудь...»	161
«дом, который построили Моцарт и Гоголь...»	162
«железные амфибии...»	162
«помнишь...»	164
«твое имя — заноза. ледакол...»	165
«давай зажжем камин...»	167
«Воскресное утро. Она медленно открывает глаза...»	169
«И вот мы уже вдвоем идем по солнечному заснеженному парку...» ..	169
«или вот — наша остановка — для крабьих объятий...»	170
Зеленый фонарь.....	170
«щели свободного времени...»	172
«в судьбе есть нечто от работы дантиста...»	172
«Ты выглядишь грустной...»	173
«И мечта старится, как собака...»	174
«Лучи восходящего солнца...»	175
«Черный кот перебегает поляну...»	175
«Они лежали нагие в полутьме...»	176
«а она шла мне навстречу...»	176
«сборники стихов классика...»	177

Літературно-художнє видання
СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»
Заснована в 2023 році

**Дмитрий
БЛИЗНЮК**

СБОРЩИК
МОЛЛЮСКОВ

(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка
Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60x84 1/16. Наклад 200 прим. Зам. № 7691
Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 11,5
Гарнітура «Cambria». Підписано до друку 02.01.2025 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл.,
м. Бровари, 6-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

Дмитрий Близнюк, украинский поэт, литератор. Живёт в Харькове, Украина. Лауреат нескольких международных конкурсов. Книги стихов «Сад брошенных женщин» 2018, «Утро глухонемых» 2018, «Снегопад в стиле модерн» 2020, «Моментальное фото» 2020. Сборник стихов на английском «The Red Forest» 2018 («Fowlproх press», Canada). Dmitry Blizniuk is a poet from Ukraine. His most recent poems have appeared in Rattle, The London Magazine, Pleiades, Another Chicago Magazine, Eurolitkrant, Poet Lore, NDQ, The Pinch, New Mexico Review, The Ilanot Review, National Translation Month, EastWest Literary Forum, and many others. He lives in Kharkov, Ukraine.

**ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА**

9 786178 477691